КНУТЪ ГАМСУНЪ

РЕДАКТОРЪ ЛЮНГЕ

РОМАНЪ

Пер. съ норвежскаго М. П. БЛАГОВЪЩЕНСКОЙ

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ 12 ТОМАХЪ

при влижайшемъ участии

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА и С. ПОЛЯКОВА

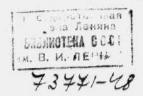
T. VIII.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ. 1909

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ. 1909

РЕДАКТОРЪ ЛЮНГЕ

ПЕР. СЪ НОРВЕЖСКАГО

м. п. влаговъщенской

Чего, чего только не бываетъ на свътъ...

Изъ одного дома на Хегдехаугенъ выходятъ два господина. Одинъ изъ нихъ сынъ хозяйки дома, кандидатъ Иленъ; онъ одътъ въ свътло-сърый лътній костюмъ, на головъ у него цилиндръ, а въ рукахъ палка. Другой — его другъ и товарищъ по школъ, радикалъ Эндре Бондесенъ. Они останавливаются на минуту и смотрятъ вверхъ на окна второго этажа, въ одномъ изъ оконъ стоитъ молодая дъвушка съ рыжеватыми волосами и киваетъ имъ; они тоже киваютъ ей, кланяются и уходятъ. Иленъ кричитъ своей сестръ:

"До свиданія, Шарлотта!"

На Бондесенъ черный, плотно облегающій фигуру шевіотовый костюмъ, шелковая фуражка и шерстянная рубашка со шнурами на груди. Сейчасъ же видно, что онъ спортсменъ. Палки у него нътъ.

"Рукопись у тебя?" спрашиваетъ онъ.

Иленъ отвъчаетъ, что рукопись у него.

"Ахъ, какъ я наслаждаюсь въ такую погоду, когда небо ясное и безоблачное — о! А какъ хорошо теперь въ Хансхаугенъ за городомъ, гдъ небо еще яснъе и гдъ шелеститъ листва. Когда я состаръюсь, я поселюсь въ деревнъ".

Эндре Бондесенъ изучалъ юридическія науки. Ему было лѣтъ двадцать пять—двадцать шесть, у него были красивые усы и жидкіе, но тоже красивые волосы. Цвѣтъ лица у него былъ блѣдный, почти прозрачный, но его раскачивающаяся походка

и его манера размахивать руками во время ходьбы показывали, какой онъ былъ смѣлый; если онъ и не былъ силенъ, то былъ ловокъ и выносливъ. Надо, впрочемъ, сказать, что онъ больше не учился, онъ гулялъ, катался на велосипедѣ и былъ радикаломъ. Онъ могъ себѣ это позволить,—онъ каждый мѣсяцъ получаль деньги изъ дому отъ своего отца, землевладѣльца въ Бергенѣ, который не считалъ каждый шилингъ. Эндре не кутилъ, но ему все таки приходилось тратить деньги и на то, и на се. Часто онъ самъ разсказывалъ, на какія хитрости онъ пускался, когда ему необходимо было выманить у отца небольшую сумму сверхъ установленнаго ежемѣсячнаго содержанія. Разъ какъ-то онъ написалъ домой, что долженъ начать изучать римское право, что возможно сдѣлать только въ Римѣ, а потому онъ надѣется получить небольшую сумму, необходимую ему для путешествія. И помѣщикъ выслалъ ему деньги.

Иленъ былъ однихъ лѣтъ съ Бондесеномъ, но былъ немного худѣе его и, пожалуй, немного повыше ростомъ. Бороды у него не было, руки у него были бѣлыя съ длинными пальцами, а ступни узкія. Кожа надъ его переносицею иногда слегка вздрагивала.

На улицъ они здороваются съ однимъ знакомымъ, и Бондесенъ говоритъ:

"Если бы онъ только зналъ, по какому дълу мы идемъ!"

Бондесенъ былъ въ прекраснъйшемъ настроеніи духа. Да и не удивительно. Развъ ему не удалось наконецъ обратить своего друга аристократа, а въдь онъ добивался этого цълыхъ три года! Это былъ многознаменательный день для него, и онъ отказался даже отъ прогулки на велосипедъ въ Эйсвольдъ. Шарлотта сидъла и смотръла ему прямо въ глаза, когда онъ въ двадцатый разъ убъждалъ ея брата, приводя самые въскіе доводы. Кто знаетъ, быть можетъ, онъ и на нее немного подъйствовалъ!

"Послушай. Рукопись дъйствительно у тебя?" говорить онъ опять. "Ужъ не забылъ ли ты ее на столь?"

Иленъ хлопаетъ себя по боковому карману и снова отвъчаетъ, что рукпись у него.

"Впрочемъ, бъда была бы не велика, если бы я и оставилъ ее на столъ," добавляетъ онъ потомъ. "Не върится мнъ что-то, чтобы онъ принялъ ее."

"Приметъ, приметъ!" отвъчаетъ Бондесенъ. "Люнге приметъ ее сейчасъ же. Ты не знаешь редактора Люнге. Кажется, нѣтъ другого человъка въ Норвегіи, которому я поклонялся бы такъ, какъ ему; я былъ еще совсъмъ юнымъ и жилъ дома, когда онъ уже многому научилъ меня, -- а потому, стоитъ мнѣ только увидать его на улицъ, какъ меня охватываетъ чувство самой горячей благодарности къ нему. Знаешь, это какое то совсемъ особенное чувство... Нътъ приходилось ли тебъ когда-нибудь видъть такую необыкновенную способность? Три-четыре строчки въ его газетъ говорять гораздо больше, чемъ целый столбець въ другихъ. Онъ бьетъ больно, - это правда; но такъ имъ и надо, подъломъ имъ! Обратилъ ли ты вниманіе на маленькую замѣтку о министерствѣ въ послъднемъ номеръ? Первыя шесть строчекъ такія миролюбивыя и кроткія, словно у него ничего злого не было на умъ; но зато послъдняя седьмая строчка, заканчивающая замътку-это мъткій и больной ударъ, который оставилъ по себъ недурной кровавый слъдъ. Да, да, онъ способенъ на это!.. Когда придешь къ нему, то скажи, что такъ, молъ, и такъ, написалъ кое-что и кромѣ этого, кое-что послалъ заграницу, а въ головѣ осталось еще много. Съ этими словами ты подашь ему рукопись... Ахъ, если бы у меня было хоть какое-нибудь дело къ нему! Но, знаешь, если мнъ удастся написать что-нибудь, -- позже, конечно, -такъ на будущій годъ, можеть быть, -- то ты долженъ будешь оказать мнъ услугу и отнести къ нему мою рукопись. Да это тебъ придется сдѣлать. Дѣло видишь ли въ томъ, что у меня не хватитъ на это духу, -- ужъ слишкомъ сильное вліяніе онъ имълъ на меня."

"Ты говоришь такъ, словно я уже окончательно пристроился къ "Газетъ".

"Между тобой и мной большая разница. У тебя старинное извъстное имя, съ которымъ ты явишься къ нему,—въдь не всякаго зовутъ Иленъ; а кромъ того ты пишешь научныя статьи."

"Да куда же ты такъ несешся!" восклицаетъ Иленъ. "Не могу же я къ нему явиться, обливаясь потомъ."

"Да, ты правъ! Нътъ, ты долженъ войти къ нему совершенно спокойно. А я подожду тебя внизу на улицъ... Этотъ медвъдь Хёйбро не читаетъ больше "Газеты", — такъ онъ мнъ сказалъ. Ну, что же, это вполнъ соотвътствуетъ развитію этого человъка, — онъ, конечно, ничего не читаетъ..."

"Нътъ, онъ читаетъ очень много", говоритъ Иленъ.

"Хёйбро? Хёйбро читаетъ много? Но если не хочешь отставать отъ другихъ и хочешь быть передовымъ человѣкомъ, то нельзя не читать "Газеты", мнъ кажется. Хёйбро засмъялся, когда я сказалъ, что "Газета" органъ радикальный. Ужъ очень онъ много воображаетъ о себъ! Я-радикалъ, и я говорю, что "Газета" радикальный органъ, Правда, она рекламируетъ и расхваливаетъ себя, но — откровенно говоря — почему бы ей этого и не дълать? Развъ она не имъетъ достаточно основаній для того, чтобы чувствовать свое превосходство? Всѣ газеты подражаютъ ей. Вотъ хотя бы взять заголовки для статей, всв въ этомъ отношеніи берутъ примъръ съ "Газеты". Развъ это не правда? Можно говорить все, что угодно, но во всякомъ случаъ "Газета" это единственный органъ, пользующійся извъстнымъ вліяніемъ. Люнге — почти буквально — составилъ кабинетъ, и ему ровно ничего не стоитъ снова свергнуть его. Правда, такимъ образомъ онъ въ нъкоторомъ родъ дъйствуетъ противъ себя самого; но развъ Люнге виноватъ въ этомъ? Развъ министерство не измъняетъ своему старому знамени? Долой этотъ позоръ! И Люнге позаботится объ этомъ".

"Кстати, ты упомянулъ про заголовки, и мнъ пришло въ го-

лову, что для моей статьи, пожалуй, было бы не дурно придумать какое-нибудь другое заглавіе".

"А какъ ты ее озаглавилъ?"

"Да просто: "Нъчто о сортахъ нашихъ ягодъ".

"Пожалуй, намъ придется зайти въ "Грандъ" и придумать какое-нибудь другое заглавіе".

Но едва они усѣлись въ "Грандъ" и взяли себъ по кружкъ пива, какъ Бондесенъ мѣняетъ свое рѣшеніе. Это заглавіе "Нѣчто о сортахъ нашихъ ягодъ" не годится для "Газеты", оно не эффектно, да и длинновато для одной строчки. Но оно все-таки достаточчо прилично для работы дебютанта, которую предстоитъ положить на столъ выдающагося редактора. Они предоставятъ Люнге самому придумать заглавіе, — онъ придумаетъ что-нибудь пикантное — въ этомъ отношеніи нѣтъ равнаго ему. "Нѣчто о сортахъ нашихъ ягодъ" пока сойдетъ и такъ, не стоитъ прибавлять ни слова къ этому.

И товарищи снова вышли на улицу.

Когда они подходили къ дому, гдъ помъщалась редакція "Газеты", то они невольно замедлили шаги. У Бондесена былъ довольно унылый видъ. Названіе газеты красовалось надъ входной дверью, на фасадъ дома, въ окнахъ, на дверяхъ, повсюду, гдъ только было возможно его помъстить. Изъ типографіи доносился гулъ валовъ и колесъ.

"Вотъ видишь", сказалъ Бондесенъ, "тутъ все поставлено на широкую ногу!" И онъ даже понизилъ немного голосъ, несмотря на гулъ, который раздавался вокругъ нихъ.

"Ну, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ!" сказалъ Иленъ, улыбаясь. "Но во всякомъ случаъ хуже отказа ничего не будетъ".

"Да иди же и поступай такъ, какъ я тебъ сказалъ", подбадривалъ его другъ. "Такъ значитъ, ты уже послалъ кое-что за границу, а въ головъ у тебя есть еще много чего. Вотъ, будьте любезны, тутъ кое что о ягодахъ, о сортахъ нашихъ ягодъ...

"Ну, я буду ждать тебя здъсь".

Иленъ вошелъ въ пріемную редактора. Двое мужчинъ сидѣли, писали и рѣзали что-то ножницами. Илену показалось, что работали по крайней мѣрѣ пятью ножницами заразъ, — такъ широко было все поставлено. Онъ спросилъ редактора и одинъ изъ господъ указалъ ему на дверь, которая вела въ кабинетъ редактора. Иленъ отворилъ ее.

Тамъ уже было нѣсколько человѣкъ, и даже двѣ дамы; посрединѣ комнаты за столомъ, приставленномъ къ стѣнѣ, сидѣлъ самъ редакторъ, Александръ Люнге, великій журналистъ, котораго зналъ весь городъ. Ему лѣтъ сорокъ, у него выразительное, живое лицо съ ясными глазами мальчика. Его свѣтлые волосы коротко подстрижены подъ самый корень, борода у него выхолена, платье и башмаки — новые. Въ общемъ онъ производитъ выгодное впечатлѣніе любезнаго и обходительнаго человѣка. Дамы смѣются надъ тѣмъ, что онъ только что сказалъ, а самъ онъ сидитъ и распечатываетъ телеграммы, надъ которыми онъ дѣлаетъ надписи и помѣтки; когда онъ наклоняется надъ столомъ, то ясно обозначается его двойной подбородокъ, а жилетъ на животѣ образуетъ глубокія складки.

Онъ киваетъ Илену, не отрываясь отъ работы, и въ то же время бросаетъ замъчанія направо и налъво.

Иленъ осматривается. На стѣнахъ висятъ картины и вырѣзки изъ журналовъ; по столамъ, по стульямъ, по окнамъ и по полу — вездѣ валяются газеты и журналы; справочныя книги и словари въ безпорядкѣ нагромождены на полкѣ надъ головой редактора, а его писменный столъ до того заваленъ бумагами и рукописями, что онъ едва двигаетъ руками. Каждый уголокъ этой комнаты свидѣтельствуетъ о необычайной дѣятельности этого человѣка. Груды печатныхъ произведеній, безпорядокъ повсюду, пропасть газетъ и книгъ ясно говорили объ интенсивной и безостановочной работѣ. Все было въ движеніи: телефонъ звонилъ безпрестанно, люди приходили и уходили, изъ типографіи доносился шумъ машины, а разсыльный то и дѣло приносилъ новыя груды писемъ

и газетъ. Казалось, что редакторъ этой газеты рисковалъ утонуть въ цѣломъ морѣ работы и хлопотъ; можно было подумать, что чуть ли не цѣлая вселенная стремилась къ нему и ждала его рѣшенія по всѣмъ вопросамъ.

И среди всей этой сутолоки онъ сидитъ, величавый и спокойный, и держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити, пишетъ заголовки, принимаетъ важныя сообщенія, дізлаетъ замітки на маленькихъ листочкахъ, разговариваетъ съ пришедшими къ нему людьми, открываетъ время отъ времени дверь, чтобы спросить о чемънибудь своихъ подчиненныхъ въ конторъ, или дать имъ какіянибудь приказанія. И при этомъ у него такой видъ, словно онъ играетъ или забавляется, а иногда онъ даже отпускаетъ маленькую остроту, которая вызываеть смёхь у дамъ. Входить бёцная женщина, Люнге знаетъ ее и знаетъ, зачъмъ она пришла, — она, повидимому, всегда приходитъ въ опредъленные дни; онъ протягиваетъ ей черезъ столъ крону, киваетъ головой и продолжаетъ писать. Его съти раскинуты повсюду, и надъ головой каждаго сверкаетъ мечъ "Газеты"; вообще каждый редакторъ обладаетъ извъстной властью въ государствъ, но у Люнге власти больше, чѣмъ у кого бы то ни было. Онъ смотритъ на часы, встаетъ и кричитъ секретарю въ сосъднюю комнату:

"Министерство еще не приспало намъ никакихъ объясненій?" "Нътъ!"

И Люнге снова спокойно садится на свое мѣсто. Онъ знаетъ, что министерство принуждено будетъ въ концѣ концовъ дать ему требуемое объясненіе, иначе онъ нанесетъ ему еще одинъ ударъ' быть можетъ, роковой.

"Боже, какъ вы жестоки съ этими несчастными министрами!" говоритъ одна изъ дамъ: "въдь вы ихъ просто убиваете".

На это Люнге отвъчаетъ серьезно и горячо:

"Такъ поступаютъ у насъ въ Норвегіи съ каждой продажной душой!"

Слѣва отъ него, у окна, сидитъ очень важный для редактора

"Газеты" человъкъ, худой и съдой, въ очкахъ и въ парикъ, это господинъ Оле Бреде. Этотъ журналистъ безъ мъста, который никогда нигдъ не пишетъ, другъ Люнге и его неизмънный руководитель; злые языки дали ему прозвище Лепорелло, потомучто онъ никогда ни на шагъ не отходитъ отъ Люнге. Въ редакціи онъ не имъетъ никакой должности, у него нътъ никакого занятія, -- его занятія заключаются только въ томъ, что онъ сидитъ на стулъ и занимаетъ мъсто. Онъ говоритъ только тогда когда къ нему обращаются, но даже и тогда онъ какъ бы съ трудомъ подыскиваетъ самыя простыя слова. Этотъ человъкъ замѣчательная смѣсь глупости и добродушія, онъ хладнокровенъ изъ за лѣни и любезенъ изъ за нужды. Редакторъ посмѣивается надъ нимъ, называя его поэтомъ, и Лепорелло улыбается на это, какъ будто это его вовсе не касается. Когда дамы встаютъ и уходять, редакторъ также поднимается съ мъста, но Лепорелло продолжаетъ сидъть.

"До свиданья", говоритъ редакторъ и кланяется съ улыбкой. "Не забудьте вашъ пакетъ, фрёкенъ. До свиданья!"

Наконецъ онъ обращается къ Илену:

... Что вамъ угодно?"

Иленъ подходитъ къ нему.

"У меня есть статья о сортахъ нашихъ ягодъ, и я пришелъ узнать, не пригодится ли она вамъ".

"О нашихъ...?"

"О сортахъ нашихъ ягодъ".

Редакторъ беретъ рукопись и говоритъ, разсматривая ее:

"А раньше вы писали что-нибудь?"

"Я послалъ небольшую статью о грибахъ въ "Letterstedtska Tidskrift", а кромъ того, у меня есть еще много работъ въ головъ... Но..."

Иленъ умолкаетъ.

"Грибы и ягоды вопросы не совсѣмъ то злободневные", говоритъ редакторъ. "Да", отвъчаетъ Иленъ.

"Какъ васъ зовутъ?".

"Иленъ, кандидатъ Иленъ".

Редакторъ нѣсколько изумился, услыша эту старую консервативную фамилію. Итакъ въ "Газету" пришелъ даже одинъ изъ Иленовъ! И его охватило пріятное сознаніе того, что власть его принимаєтъ такіе внушительные размѣры. Онъ бросилъ взглядъ на молодого человѣка: онъ былъ хорошо одѣтъ и повидимому не могъ особенно нуждаться, но Богъ знаетъ, можетъ быть у него въ домѣ не хватало средствъ, можетъ быть, онъ написалъ эту статью только для того, чтобы заработать нѣсколько шиллинговъ. Но почему же онъ не обратился къ правымъ газетамъ? Слыханное ли дѣло, чтобы одинъ изъ Иленовъ обращался въ "Газету". Правда, ягоды — вопросъ нейтральный, во всякомъ случаѣ въ немъ нѣтъ правой политики.

"Вы можете оставить статью здѣсь, мы ее просмотримъ", говоритъ онъ, принимаясь за другія бумаги.

Иленъ понялъ, что ауденція окончена и прощается.

Когда онъ вышелъ на улицу и разсказалъ Бондесену, какъ все произошло, то послѣдній потребовалъ воспроизведенія всего разговора слово въ слово. Кромѣ того, онъ захотѣлъ узнать, какъ все было устроено въ редакціи, сколько человѣкъ тамъ было и что говорилъ Люнге съ каждымъ посѣтителемъ.

"Продажная душа! А? Каково? Ну развѣ это не мѣтко сказано?" спрашивалъ онъ въ восторгѣ. "Продажныя души", это великолѣпно! Я это запишу... Ну, вотъ видишь, онъ принялъ статью, вѣдь это все равно, что онъ принялъ ее. А то, для чего бы ему оставлять ее у себя?"

И друзья отправились домой въ самомъ прекрасномъ настроеніи духа. Но по дорогѣ они встрѣтили нѣсколько знакомыхъ и Бондесенъ рѣшилъ въ ознаменованіе удачи устроить маленькое угощеніе въ "Грандъ".

У вдовы Иленъ былъ небольшой домъ на Хегдехаугенъ. Она жила вмѣстѣ съ сыномъ и двумя дочерьми на тѣ деньги, которыя зарабатывала различнымъ образомъ, главнымъ образомъ рукодъліемъ; кромъ того, у нея была еще маленькая пенсія. Вдова Иленъ была ловкая и изворотливая женщина, которая умъла устраиваться такъ, что ей хватало ея средствъ, котя они и были очень ограничены, и она была всегда весела и довольна. Вотъ хотя бы съ жильцомъ-развъ ей не повезло? Ей удалось отдать свою угловую комнату человѣку, который аккуратно платилъ чистыми деньгами день въ день, да къ тому же онъ вообще во всехъ отношеніяхъ былъ очень пріятнымъ жильцомъ. Слава Богу, самое тяжелое время для нея уже прошло! Раньше, когда дъти были маленькими, и сынъ учился, ей бывало очень трудно пробиться; но теперь это время осталось позади, Фредрикъ сталъ кандидатомъ, а объ дочери уже конфирмовались. Вдова Иленъ торопливо ходила взадъ и впередъ по комнатамъ, наводила порядокъ, стирала пыль, готовила кушанья и въ промежутки между всѣми этими дѣлами пользовалась каждой свободной минуткой, чтобы сдълать нъсколько стежковъ въ вышивкъ. Въ этотъ день она особенно волновалась: она знала, что Фредрикъ дълаетъ первую попытку заработать нъсколько шиллинговъ послъ окончанія курса, а отъ результата его попытки зависъло очень многое. Если только Фредрикъ будетъ въ состояніи самъ содержать себя, то все пойдеть хорошо: она должна была сознаться, что все въ ея комнатахъ начинало обнаруживать нъкоторое оскудъніе: новыя вышивки покрывали старую, растрескавшуюся деревянную мебель, кровати были поломаны, печки потрескались, Но, конечно, со временемъ все измѣнится къ

Однако почему Фредрикъ такъ долго не возвращается? Онъ ушелъ часовъ въ одиннадцать вмъсть съ Бондесеномъ, и до сихъ поръ его еще нътъ дома, а объдъ уже давно готовъ. Пробило шесть часовъ, жилецъ уже возвратился со службы и разговаривалъ по своему обыкновенію съ дівочками. Да, этотъ господинъ Хёйбро удивительно пріятный жилецъ. Цівлый день онъ былъ занятъ дълами, ходилъ на службу въ банкъ, посъщаль библіотеки, бродилъ гдъ-то, а по вечерамъ, когда возвращался домой, то онъ присоединялся къ семьъ, читалъ книгу или изучалъ какія-нибудь бумаги. Фру Иленъ сама попросила его навъщать ихъ, и пригласила она его неспроста; дъло въ томъ, что, пока господинъ Хёйбро сидълъ съ ними, то она экономила на освъщеніи и отопленіи его комнаты. Кромѣ того, его общество было очень пріятно дівочкамъ, которыхъ онъ иногда кое-чему училъ. Ко всему этому надо еще прибавить, что онъ подарилъ Шарлоттъ велосипедъ. Да, лучшаго жильца и желать нечего, и она сдълаетъ все, чтобы не лишиться его.

Дочери сидѣли каждая за своей работой, которой онѣ усердно занимались. Шарлотта была высокая и полная съ рыжеватыми волосами и высокой грудью; кожа у нея была какая-то необыкновенно прозрачная съ крошечными рыжими пятнышками, нѣжная и бархатистая. Она была уже извѣстна въ кружкѣ спортсменовъ, благодаря своему знакомству съ Эндре Бондесеномъ и своей прекрасной ѣздѣ на велосипедѣ. Ея сестра Софи была на два года старше нея, но у нея были менѣе развитыя формы и на одинъ глазъ она слегка косила. Про эту молодую дѣвушку ходила одна исторія, которую, впрочемъ, зналъ весь городъ.

Однажды въ темный вечеръ одинъ господинъ ходилъ взадъ и впередъ передъ музеемъ скульптуры съ твердымъ намѣреніемъ проводить домой какую-нибудь даму; господинъ этотъ былъ Оле Бреде, Лепорелло, но онъ поднялъ воротникъ своего пальто, такъ что никто не могъ его узнать. Ему посчастливилось, и онъ встрътилъ даму, которая отвътила на его поклонъ.

Можетъ ли онъ проводить ее?

Да, почему же нътъ,

И дама ведетъ за собой кавалера черезъ улицы и переулки къ одной подругъ, у которой въ это время были гости.

Дама сказала, что она живетъ здѣсь. Но надо только подняться какъ-нибудь поосторожнѣе.

Кавалеръ снимаетъ свои башмаки и поднимается вверхъ по лъстницъ, на цыпочкахъ.

Они останавливаются въ третьемъ этажѣ, дверь въ переднюю открыта, и они входятъ.

Вдругъ дама быстро отворяетъ дверъ въ комнату, распакиваетъ объ половинки и вталкиваетъ кавалера. Комната ярко освъщена и полна гостей.

Дама показываетъ на несчастнаго кавалера, который стоитъ съ башмаками въ рукахъ, совершенно ошеломленный. Она говоритъ:

Этотъ человъкъ присталъ ко мнъ на улицъ!

Ея подруги закричали: Боже, неужели онъ дъйствительно приставалъ къ тебъ на улицъ! Но когда онъ немного пришли въ себя, то увидали, кто передъ ними стоитъ, и одна за другой съ неописуемымъ изумленіемъ онъ назвали имя Лепорелло.

Послѣ этого кавалеръ понялъ, что лучше всего ему было исчезнуть, и онъ исчезъ.

А дама, къ которой онъ присталъ, была Софи Иленъ.

Тогда всѣ увидали, съ какими личностями водился Люнге, этотъ лѣвый редакторъ! Какъ-то онъ отнесется къ этой исторіи? Конечно обойдетъ молчаніемъ!

На слѣдущій день въ "Газеть" сдержанно упоминалось объ этомъ происшествіи подъ заглавіемъ: "Мужественная молодая дѣвушка." Она поступила прекрасно, говорила "Газета". Это въ нѣкоторомъ родѣ подвигъ достойный подражанія. Пусть онъ повліяетъ на нашихъ молодыхъ дѣвушекъ и заставитъ ихъ стремиться къ болѣе возвышеннымъ цѣлямъ! Да, къ болъе возвышеннымъ цълямъ!

Эта маленькая замѣтка произвела гораздо болѣе впечатлѣнія въ семъѣ Иленовъ, чѣмъ всѣ "лѣвые" аргументы Эндре Бондесена вмѣстѣ. Съ этого дня Бондесену уже болѣе не запрещали приносить въ домъ "Газету". Какой удивительный редакторъ этотъ Люнге! Для него не существовало личныхъ отношеній, у этого человѣка былъ сильный характеръ, и онъ строго осудилъ даже своего собственнаго Лепорелло, разъ это было необходимо...

Сестры шьютъ усердно, мать безпокойно ходить взадъ и впередъ, а господинъ Хёйбро сидитъ и смотритъ на нихъ. Ему лѣтъ тридцать, волосы и борода у него черные, какъ смоль, но глаза голубые, и глаза эти имѣютъ какой то особенный, затуманенный взглядъ. Въ разсѣянности онъ иногда подергиваетъ своими широкими плечами, то однимъ, то другимъ. Онъ производитъ импонирующее впечатлѣніе и похожъ на иностранца, благодаря своему смуглому лицу и чернымъ волосамъ.

Лео Хёйбро былъ обыкновенно очень молчаливъ и скроменъ; иногда онъ говорилъ только самое необходимое и затѣмъ снова углублялся въ свою книгу или въ свои мысли. Но въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ воодушевлялся, его рѣчь и его взоръ пылали, и въ немъ проявлялись скрытыя силы. Онъ былъ уже двѣнадцать лѣтъ студентомъ; онъ имѣлъ обыкновеніе давать своимъ друзьямъ въ долгъ нѣсколько кронъ, когда они въ этомъ нуждались. Вотъ какой онъ былъ. Онъ жилъ у Иленовъ уже пять мѣсяцевъ.

Молодыя дъвушки работаютъ такъ усердно, сказалъ онъ.

О, да, ничего не подълаешь.

А что это такое, если ему разръшатъ спросить.

Коверъ. Развъ онъ не красивъ? Онъ готовять его для выставки. А когда онъ будетъ готовъ, то мама исполнитъ какоенибудь скромное желаніе каждой изъ нихъ, такъ она объщала. Шарлотта хочетъ сшить себъ совсъмъ простой, короткій велосипедный костюмъ.

А фрекенъ Софи?

Фрекенъ Софи хочетъ имѣть десять кронъ на текущемъ счету въ банкѣ.

Хёйбро снова углубляется въ чтеніе.

Синій велосипедный костюмъ, повторяєтъ Шарлотта, и Хёйбро поднимаєтъ на нее глаза.

Что такое?

Нътъ, ничего. Но теперь у нея будетъ наконецъ новое платье для поъздокъ на велосипедъ.

Хёйбро бормочетъ что-то по поводу чрезмѣрнаго увлеченія спортомъ. Скоро не будетъ ни одного человѣка, который не ѣздилъ бы на чемъ-нибудь.

Въ самомъ дѣлѣ? Да, такое ужъ теперь время, все идетъ впередъ. Кстати, не скажетъ ли господинъ Хёйбро, какой у него идеалъ молодой дѣвушки? Пожалуй, ему нравится женщина, которая только ходитъ, ходитъ и сѣменитъ ногами?

Нътъ, это не совсъмъ-то такъ. Ему пришлось какъ-то быть домашнимъ учителемъ въ одной семьъ, которой онъ никогда не забудетъ. Это было въ деревнъ, тамъ не было ни теплыхъ ваннъ, ни уличной пыли, ни разодътыхъ мопсовъ, но у молодыхъ дъвушекъ сердца были горячія, и онъ были пылкія, жизнерадостныя, полныя силъ и готовыя смѣяться съ утра до вечера. Пожалуй, он'в были бы поставлены въ затруднительное положеніе, если бы имъ сдѣлали экзаменъ по различнымъ научнымъ предметамъ.— Онъ былъ увъренъ, что онъ понятія не имъли о пяти періодахъ въ исторіи развитія земли или о восьми родахъ монеръ; но Боже, какъ быстро переливалась кровь въ ихъ жилахъ и какъ сіяли ихъ глаза! А въ современномъ спортъ эти дъвочки ровно ничего не смыслили! Какъ-то разъ вечеромъ мать разсказываетъ имъ, что у нея было кольцо съ камнемъ, которое она потеряла; камень былъ голубой и, Богъ его знаетъ, былъ ли онъ настоящій, а кольцо это она получила въ подарокъ. И вотъ старшая изъ дочерей, Болетта, говоритъ: Если бы ты этого кольца не потеряла, мама,

то ты навърное подарила бы его теперь мнъ? Но не успъла мать отвътить, какъ Тора нъжно прижимается къ ней и говоритъ, что кольцо навърное получила бы она. Подумайте, сестры начинаютъ ссориться и сердиться другъ на друга до смъшного, — и изъ за чего? Изъ за того, кто получилъ бы въ наслъдство кольцо, если бы оно не потерялось. И это вовсе не потому, что имъ непремънно котълось обладать этимъ кольцомъ, но просто потому, что объ видъли въ этомъ доказательство особенной любви матери.

"Ну?" говоритъ Шарлотта съ удивленіемъ; "развѣ ужъ это такъ идеально, что сестры начали ссориться?"

Господи Воже ты мой, если бы только она видѣла ихъ сама! отвѣчаетъ Хёйбро. Это нельзя передать словами, до того это было трогательно. Въ концѣ концовъ мать сказала обѣимъ: Послушайте, дѣвочки, да вы съ ума, что ли, сошли? Болетта и Тора, неужели вы поссорились?—Поссорились? мы? воскликнули обѣ и бросились другъ другу въ объятья. И эти взрослыя дѣти крѣпко обняли другъ друга и при этомъ оступились и покатились по полу. Нѣтъ, онѣ и не думали ссориться, онѣ весело хохотали.

Наступило молчаніе. Софи быстро работаетъ иглой. Вдругъ она втыкаетъ ее, бросаетъ работу на столъ и говоритъ:

"Что за глупыя, деревенскія дъвченки!"

Сказавъ это, Софи ушла.

Снова наступило молчаніе.

"Да вѣдь вы сами подарили мнѣ велосипедъ, Хёйбро, "говоритъ Шарлотта задумчиво.

"Ахъ... неужели я васъ обидълъ? Если бы у васъ не было велосипеда, то я подарилъ бы вамъ еще одинъ, разъ вы этого пожелали бы. Надъюсь, вы мнъ върите. Вы—совсъмъ другое дъло, развъ я могу находитъ въ васъ хоть что-нибудь дурное? Если бы вы только знали, какъ мнъ пріятно видъть васъ и на велосипедъ и... и эдъсь, дома! Все равно, гдъ..."

"Тсс! Перестаньте, Хёйбро!"

Софи снова появилась въ комнатъ.

Хёйбро не поднималъ глазъ отъ книги. Въ его головъ пронеслись тревожныя мысли. Неужели онъ дъйствительно обидълъ Шарлотту? А между тъмъ тяжелъе всего было бы для него обидъть именно ее! И онъ не успълъ даже попросить прощенія. И въчно всплывала эта исторія сь велосипедомъ, эта злополучная исторія, которая ему стоила столько мучительныхъ часовъ. Да, это правда, онъ подарилъ ей велосипедъ, и онъ сдѣлалъ эту подпость совершенно сознательно. Дъло въ томъ, что онъ въ одну веселую минуту объщалъ ей велосипедъ, и она вся засіяла отъ радости;--само собой разумъется, что послъ этого ему не оставалось дълать ничего другого, какъ сдержать свое объщаніе. На это у него средствъ не было, во всякомъ случав всей необходимой суммы онъ не имълъ, -- да и откуда могли бы у него скопиться такія сбереженія? Коротко и ясно: онъ взяль въ долгъ эти деньги, онъ взялъ ихъ въ томъ самомъ банкъ, гдъ работалъ, получилъ подъ поручительство двухъ извъстныхъ именъ, которыя онъ самъ поддѣлалъ и подписалъ на векселѣ. Коротко и ясно. Но никто не открылъ его мошенничества, никто не обличилъ его, имена прошли, бумагу спрятали, деньги были ему выданы. Съ тъхъ поръ онъ выплачивалъ свой долгъ каждый мъсяцъ самымъ аккуратнымъ образомъ. Слава Богу, оставалось уже немного болъе половины, но онъ будетъ выплачивать такъ же аккуратно. Да, и онъ будетъ дълать это съ радостью на сердцъ; потому что онъ коть одинъ разъ видълъ, какъ засіяли отъ счастья глаза Шарлотты, — это было, когда она получила велосипедъ. И никто, нътъ, никто на свътъ никогда ничего не заподозритъ!

"Да что же это Фредрикъ не идетъ?" говоритъ Софи.

"Фредрикъ объщалъ намъ взять билеты въ театръ, если ему сегодня посчастливится", объясняетъ Шарлотта.

Хёйбро закладываетъ страницу пальцемъ и поднимаетъ глаза. "А! Такъ вотъ почему вы съ такимъ нетерпѣніемъ его ждете, ха-ха!"

"Нътъ не только поэтому. Какъ вамъ не стыдно такъ думать!"

"Ну, да, но также и поэтому. Но въ этомъ нѣтъ ничего дурного".

"А вы не ходите въ театръ?".

"Нътъ".

"Въ самомъ дълъ? Вы не ходите въ театръ?" спрашиваетъ также и Софи.

"Ахъ, нътъ, я не хожу".

"Но почему же?"

"Главнымъ образомъ потому, что это меня не занимаетъ. Я нахожу, что это такъ глупо, такъ безсмысленно. Мн $\mathfrak b$ такъ противна вся эта ребяческая комедія, что я способенъ былъ бы встать съ м $\mathfrak b$ ста въ театр $\mathfrak b$ и завыть отъ отвращенія".

На этотъ разъ Софи даже не разсердилась. Человъкъ съ такими неразвитыми вкусами достоинъ только состраданія.

"Ахъ, вы несчастный!" говоритъ она.

"Да, да, несчастный я!" повторяеть онъ съ улыбкой.

Но вотъ наконецъ-то въ сѣняхъ раздались шаги и немного спустя вошли Фредрикъ и Бондесенъ. Они, вѣроятно, немного выпили и потому были возбуждены, и они наполнили всю комнату своимъ прекраснымъ настроеніемъ.

"Поздравьте насъ!" крикнулъ сейчасъ же Бондесенъ.

"Правда? Неужели вамъ удалось устроить это дъло?"

"Да, нътъ же", отвътилъ Фредрикъ, "мы еще ровно ничего не знаемъ. Онъ только оставилъ у себя рукописъ".

"Увъряю васъ, что это совершенно то же самое, какъ если бы онъ уже принялъ статью. Такъ это у нихъ принято. Говорю вамъ это я, Эндре-Мооръ Бондесенъ! И баста!"

Въ комнату вошла фру Иленъ, и снова посыпались вопросы и отвъты вперемежку. Нътъ, спасибо, ъсть они не хотятъ, по случаю счастливаго событія они уже поъли въ "Грандъ",—безъ этого нельзя было обойтись. Они прихватили и съ собой бутылочку, и предлагаютъ попросту выпить ее всъмъ вмъстъ.

И Бондесенъ вынимаетъ бутылку изъ кармана своего пальто.

Хёйбро встаетъ и собирается исчезнуть, но фру Иленъ удерживаетъ его. Всѣ развеселились, пили, чокались и громко разговаривали.

"Что вы тамъ читаете? спросилъ Вондесенъ" Что такое? "По-литическая экономія?"

"Да, это такъ..." отвъчаетъ Хёйбро тихо.

"Вы, пожалуй, много читаете?"

"Нътъ, не особенно много, я читаю довольно мало".

"Да, вы во всякомъ случав не читаете "Газеты". Не понимаю, какъ это возможно вообще не читать этой газеты. Но знаете что: говорятъ, что тв, кто усерднве всего уввряютъ, что не читаютъ "Газеты", тв больше всего ее и читаютъ. Если не ошибаюсь, то я узналъ это именно отъ этого органа. Но я вовсе и не думалъ намекать на васъ, Боже меня сохрани! За ваше здоровье! Нътъ, я и не думалъ о васъ, Боже сохрани, а? Но скажите мнъ пожалуйста, что вы, собственно, имъете противъ "Газеты"?".

"Въ сущности, я ровно ничего не имъю противъ "Газеты". Пусть она слыветъ тѣмъ, чѣмъ ей угодно. Я не читаю ее только просто потому, что потерялъ къ ней всякій интересъ. Я нахожу, что это просто какая-то смѣшная бумажка, вогъ и все".

"Нътъ, какъ вамъ это нравится! Въ такомъ случав скажите также, что это не руководящій политическій органъ!.. Что она не имъетъ никакого вліянія! Что она виляла, измѣняла и дълала всевозможныя подлости!... Но развѣ вы видѣли хоть когда-нибудь, чтобы Люнге хоть на іоту отступалъ отъ своихъ убѣжденій?".

"Нътъ, этого я не знаю".

"Вы этого не знаете? Но надо знать, прежде чѣмъ говорить что-нибудь. А впрочемъ, извините!"

Бондесенъ былъ въ ударѣ, онъ говорилъ громко и сильно жестикулировалъ, ничто не могло его остановить.

"Вы сегодня катались на велосипедъ, фрекенъ?" спросилъ онъ. "Нътъ? Но и вчера вы не катались. Нътъ, надо упражняться! При вашихъ удивительныхъ способностяхъ это необхо-

димо. Знаете что: я слышалъ, что Вольфъ долженъ играть каждый день по два часа, чтобы не потерять бѣглости. То же самое и со спортомъ, —необходимо упражняться каждый день. За твое здоровье, Иленъ, старый товарищъ! Тебѣ было бы тоже полезно кататься на велосипедѣ. А впрочемъ, ты доказалъ сегодня, что способенъ и на другое. Да, выпьемъ за здоровье Фредрика Илена и за его дебютъ, за первенца, рожденнаго его умомъ!"

Онъ пересълъ поближе къ Шарлоттъ и заговорилъ нъсколько тише. Ей необходимо почаще выходить изъ дому, а то чего добраго, и она также примется за политическую экономію. А когда Шарлотта сказала ему, что у нея будетъ новый синій костюмъ, онъ пришелъ въ восторгъ и объявилъ, что онъ въ своемъ воображеніи уже видитъ ее въ новомъ платъъ, ей Богу! Если бы онъ только удостоился счастья сопровождать ее въ этотъ день! Онъ попросилъ ее объ этомъ и получилъ согласіе. Подъ конецъ они говорили совсъмъ тихо среди громкой болтовни другихъ.

Пробило одиннадцать часовъ, и только тогда Бондесенъ всталъ, чтобы итти домой. Въ дверяхъ онъ еще разъ обернулся и сказалъ:

"Ты долженъ слѣдить за своей статьей, Иленъ. Она можетъ появиться хоть завтра же. Очень можетъ быть, что ее уже отправили въ типографію".

III.

Однако маленькая статья о сортахъ ягодъ не появилась ни на слъдующій день и ни въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Проходили недъли за недълями, а она такъ и не появилась на свътъ Божій; она, конечно была погребена подъ цълой грудой мертвой бумаги на столъ редактора.

Да Люнге было и не до "сортовъ ягодъ",—его голова была занята другимъ. Наряду съ двумя-тремя яростными небольшими

статьями противъ министерства, которыя появлялись въ "Газетъ" каждый день, она должна была также первая сообщать всевозможныя новости, поддерживать нравственный порядокъ въ городъ и быть насторожъ на каждомъ углу, чтобы ничто не укрылось въ тишинъ и во мракъ. Та помощь, которую могъ оказать старый лъвый органъ "Норвежецъ", была очень ограничена; этотъ несчастный конкуррентъ имълъ очень мало вліянія или почти никакого, да онъ и не заслуживалъ большаго, -ужъ очень у него былъ умфренный тонъ. О ничтожествъ "Норвежца" лучше всего можно было судить по его манеръ нападать: ни одного мѣткаго удара, ни одного огненнаго слова! Онъ излагалъ свое мнѣніе очень сдержанно и обдуманно, и на этомъ все и кончалось. Если "Норвежецъ вступалъ въ борьбу съ какимъ-нибудь челов вкомъ, то тотъ могъ совершенно спокойно сказать: Пожалуйста, бейте себъ, сколько вамъ угодно, это меня не касается, и я въ это не вмѣшиваюсь! А если ему дѣйствительно случалось получить ударъ, то онъ чувствовалъ только какъ бы отражение его, но въ глазахъ у него не темнъло, и онъ не терялъ равновъсія. Редактору Люнге становилось просто смъшно, когда онъ видълъ такое несовершенство.

Какой контрастъ представляла собою "Газета"! Онъ, Люнге, умълъ освътить каждый вопросъ яркими вспышками молніи, онъ писалъ когтями, онъ писалъ перомъ, которое скалило зубы! его эпиграммы стали бичемъ, который всегда билъ мътко и котораго всъ боялись. Что за сила, что за ловкость! А онъ, конечно, нуждался и въ томъ, и въ другомъ,—слишкомъ много темныхъ дълъ совершалось въ городъ и въ деревнъ. Почему именно на его долю выпадала обязанность выводить все на чистую воду? Вотъ хотя бы взять этого мошенника столяра въ Кампенъ; онъ лечилъ за деньги, выдавая себя за доктора, и морочилъ легковърныхъ бъдняковъ, выманивая у нихъ послъдніе шиллинги. Развъ онъ имълъ право на это? И развъ власти не обязаны выступить наконецъ противъ бродяги-шведа Ларсона, который

повсюду читалъ проповъди, а самъ велъ не безупречный образъ жизни. Да, Люнге имълъ о немъ самыя достовърныя свъдънія изъ Мандаля,—онъ не будетъ говорить на вътеръ.

Со своей счастливой способностью втираться всюду, все вынюхивать и заглядывать въ самые укромные уголки, чтобы чтонибудь помъстить въ своей газетъ, Люнге всегда открывалъ чтонибудь новое, всегда выводилъ на свътъ Божій какую-нибудь язву; онъ несъ на себъ великое дъло миссіонера и былъ преисполненъ высокаго призванія прессы, -- онъ былъ строгъ, неутомимъ, горячъ и искрененъ въ своемъ гнава и непоколебимъ въ своей въръ! И никогда еще его перо не работало съ такимъ блестящимъ успахомъ, -- онъ превзощелъ все, что только городъ видълъ до сихъ поръ въ области журналистики. Онъ не щадилъ никого и ничего въ своемъ благородномъ увлеченіи, ибо для него не существовало личности. По поводу того, что король далъ пятьдесять кронъ въ пользу одного богоугоднаго заведенія, "Газета" сказала только насколько словъ, что король пожертвовалъ "болъе двадцати кронъ бъднякамъ Норвегіи". А когда "Норвежецъ" долженъ былъ понизить абонементную плату наполовину. то "Газета" сообщила объ этой новости подъ заголовкомъ: "Начало конца". Ея остроуміе не щадило никого.

Людей Люнге тоже уважалъ по ихъ заслугамъ. Когда онъ шелъ въ редакцію или возвращался изъ редакціи домой, то всѣ на улицѣ смотрѣли на него.

То ли было раньше, въ былые дни, давно, давно, когда никто его не зналъ и никто не замѣчалъ, и когда его едва ли кто-нибудь удостаивалъ поклона на улицѣ! Но тѣ дни прошли, миновали голодные студенческіе годы, когда приходилось кое-какъ перебиваться, иногда не гнушаясь прибѣгать къ сомнительнымъ способамъ, чтобы въ концѣ концовъ съ величайшимъ трудомъ выдержать кое-какъ экзаменъ. Онъ былъ молодымъ и восторженнымъ деревенскимъ парнемъ съ хорошими способностями; онъ сознавалъ свои силы, и у него въ головѣ зарождалось много

плановъ; онъ предлагалъ свои услуги, кланялся, получалъ одинъ отказъ за другимъ и по вечерамъ засыпалъ со сжатыми кулаками. Вотъ подождите, подождите! и на его улицъ будетъ праздникъ! И тъ, кто ждали, дожили, наконецъ, до того, что онъ управлялъ всѣмъ городомъ и могъ свергнуть министерство. Онъ сталъ могущественнымъ человѣкомъ на зло всему свѣту. ${\bf y}$ него былъ домъ и семья, его жена была прекрасная женщина, которая пошла за него не съ пустыми руками, и у него была газета, приносившая ему тысячи дохода въ годъ. Нужда осталась позади, годы униженій прошли, у него, можно сказать, не осталось никакихъ воспоминаній о нихъ, кромѣ простыхъ синихъ мужицкихъ буквъ, вытатуированныхъ у него на рукахъ, — онъ это сдълалъ когда-то у себя въ деревнъ, и эти буквы не исчезали никогда, несмотря на то, что онъ уже много лътъ старался вывести ихъ. И каждый разъ, когда онъ писалъ, каждый разъ; когда онъ протягивалъ за чъмъ-нибудь свои руки, бросались въ глаза эти синіе знаки, которыхъ онъ такъ стыдился, —его руки были и остались плебейскими.

Но развѣ его руки не должны были носить слѣдовъ его работы? Много ли было людей, которымъ приходилось нести такія тяжелыя обязанности? Куда дѣвались политики, гдѣ были газеты! Онъ одинъ всѣмъ руководилъ и въ то же время распредѣляль роли. Старый, ничтожный "Норвежецъ" только стоялъ ему поперекъ дороги и портилъ его дѣло своей лѣнивой рысцой и шамканьемъ своего беззубаго рта; онъ не заслуживалъ даже названія современнаго органа. И все-таки у него были подписчики, находились же люди, которые способны были читать этотъ неподвижный кусокъ жира. Несчастные люди, несчастные! И Люнге мысленно сравнивалъ оба либеральныхъ органа, его и тотъ, другой, и находилъ, что "Норвежецъ" не заслуживаетъ даже права на существованіе. Но Боже мой, разъ онъ живетъ, то пусть себѣ живетъ; онъ конечно не причинитъ никакого вреда своему единомышленнику, пусть умретъ естественной смертью,

въдь онъ уже и безъ того дошелъ до начала конца. А у Люнге и безъ него много другихъ заботъ въ головъ.

Александръ Люнге былъ далеко неудовлетворенъ тъми тысячами, которыя онъ зарабатывалъ, и той славой, которую онъ пріобрѣлъ; давно уже въ головѣ у него зародились другія стремленія. Правда, его зналъ каждый встръчный поперечный, ему оказывали почести, о немъ говорили и очень многіе его боялись,но что же изъ этого? Что мѣшал, ему добиться большаго, расширить свое вліяніе и завладіть каждымъ домомъ, каждымъ чувствомъ. Развъ у него не было достаточно ума и силъ для этого? За последнее время у него действительно являлось время отъ времени такое чувство. будто онъ уже не такой дъятельный, какъ прежде, на него нападали минуты, когда онъ былъ не вполнъ на высотъ своего положенія, и онъ не могъ понять, что съ нимъ случилось. Но во всякомъ случаъ безпокоиться было не о чемъ, въ груди у него горълъ все тотъ же огонь, а въ рукахъ онъ держалъ то же острое перо, никому и въ голову не могло притти, что онъ остылъ и утомился. Онъ натянетъ свой лукъ еще сильнъе, онъ заполнитъ собою каждый уголокъ въ городъ и деревнъ, онъ сдълается злободневнымъ вопросомъ, нашумитъ своимъ именемъ, и раздуетъ его до громадныхъ размъровъ, - почему бы и нътъ? А что касается до какихъ-то двухъ тысячъ подписчиковъ "Норвежца", то онъ въ нихъ совсемъ не нуждается, онъ можетъ пріобръсти себъ сколько угодно новыхъ подписчиковъ только при помощи своего таланта и своей работы. Какую кучу золота онъ можетъ собрать такимъ образомъ! И вивств съ тъмъ имя его будетъ у всъхъ на языкв!

Теперь онъ сидълъ какъ разъ за бумагами, соображая, какъ ему продълать эту операцію, и въ его умной головъ роились мысли. На его долю выпало невъроятное счастье: на этихъ дняхъ въ его контору пришелъ крестьянинъ и сообщилъ о скандальной связи приходскаго священника съ его, крестьянина, дочерью, ребенкомъ, дъвочкой, которой не исполнилось еще десяти лътъ.

Жилы на лбу Люнге надулись отъ негодованія. Священникъ, женатый священникъ, и ребенокъ чуть ли не въ пеленкахъ! Слыхано ли было когда-нибудь о такой невъроятной мерзости! А ребенокъ сознался?

«Да, ребенокъ сознался. И, что еще важнѣе: крестьянинъ самъ засталъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Можно себѣ представить, какъ сжалось его родительское сердце, когда онъ увидалъ это въ первый разъ!

Въ первый разъ? Такъ значитъ, онъ видълъ это не одинъ разъ?

Крестьянинъ съ удрученнымъ видомъ утвердительно кивнулъ головой. Да, къ несчастью, онъ видълъ это два раза; онъ хотълъ хорошенько удостовъриться въ томъ, что это дъйствительно такъ. Къ тому же во второй разъ онъ приготовилъ свидътеля, чтобы какъ-нибудь не ошибиться. Въдь предъявлять такое обвинение священнику—дъло не легкое, а такъ какъ онъ человъкъ простой, то для него это еще труднъе, а потому онъ и позаботился, чтобы его слова могъ кто-нибудь подтвердить.

А тотъ другой, свидътель, кто это такой?

Вотъ здѣсь бумаги, тутъ все объяснено и стоятъ имена, редакторъ можетъ самъ прочесть это.

Люнге былъ въ такомъ восторгъ отъ этой находки, что весь затрепеталъ. Какое бездонное болото мерзости онъ теперъ раскроетъ! Бумаги дрожали въ его рукахъ. Да здравствуетъ правда, кого бы она не касалась — малаго или великаго, всякаго, кто нарушалъ законъ и позорилъ общество! Онъ не могъ вдоволь нарадоваться тому, что никто раньше него не пронюхалъ этой исторіи; если бы крестьянинъ пошелъ къ редактору "Норвежца", то тотъ, по своему тупоумію, которое онъ выдавалъ за чувство справедливости, сообщилъ бы о происшедшемъ полиціи, и испортилъ бы все дъло. Счастье, что у крестьянина было хотъ сколько-нибудь сообразительности, и что онъ догадался, къ кому надо было обратиться. Какую сенсацію произведетъ его сосбщеніе,

какой крикъ поднимется въ лагеръ духовенства. И къ довершенію всего онъ окончательно утвердитъ за "Газетой" славу единственнаго органа въ странъ, который стоило читать.

И Люнге объщаетъ крестьянину заняться этимъ дъломъ и приложить къ нему всъ свои силы и все свое умънье. Священникъ, конечно, потеряетъ свое мъсто; какъ только онъ будетъ изобличенъ, онъ долженъ будетъ сейчасъ же покинуть приходъ.

Но крестьянинъ продолжалъ сидъть на стулъ и, повидимому, вовсе не собирался уходить. Люнге еще разъ увърилъ его, что сдълаетъ все, что отъ него зависитъ, но крестьянинъ смотритъ на него и говоритъ, что... гм... что онъ... такъ сказатъ... не пошелъ съ этимъ сообщеніемъ прямо къ начальству.

Ну, конечно, но это вовсе и не надо было дѣлать. Вѣдь его сообщеніе будетъ напечатано, оно не могло попасть въ лучшія руки.

Да, да. Но... но... не могъ же онъ... такъ, даромъ... совсѣмъ даромъ сообщить эту новость.

Даромъ! Что онъ хочетъ сказать? Онъ желаетъ получить награжденіе за...

Да, маленькое вознагражденіе, ну, да. Можно назвать это такъ. Прівхаль онъ издалека, потратился и на пароходъ, и на желвзную дорогу.

Тутъ редакторъ Люнге съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него. Неужели это норвежскій крестьянинъ, коренной норвежскій крестьянинъ, этотъ человѣкъ, который хочетъ за деньги огласить позоръ своей родной дочери? Жилы на его лбу снова надулись, и онъ уже хотѣлъ показать крестьянину на дверь, но потомъ опомнился. Крестьянинъ былъ не дуракъ и, судя по всему, онъ уже заранѣе обдумалъ это маленькое дѣльце; онъ былъ способенъ обойти "Газету" и отдать свою тайну въ полицію. А если бы даже "Газета" завтра же по своему собственному почину напечатала разоблаченіе, то въ немъ не было бы уже той неподдѣльности, той соли, разъ полиція уже наканунѣ была бы по-

ставлена въ извъстность относительно этого факта. Тогда газетное сообщение потеряло бы эффектъ взорзавшейся бомбы или молніи, упавшей съ яснаго неба.

Люнге обдумываетъ.

"А сколько вы желали бы получить за эту новость о вашей дочери?"—спрашиваетъ онъ. Въдь у Люнге насмъшка всегда наготовъ, потому то онъ и сказалъ: за эту новость о вашей дочери.

Однако крестьянинъ, этотъ коренной крестьянинъ, заломилъ довольно круглую сумму, нъсколько сотенъ; ясно было, что онъ потребовалъ не только возмъщенія путевыхъ издержекъ, но хотълъ также получить грязныя деньги за самую тайну.

И въ груди Люнге снова закипаетъ негодованіе противъ этого негодяя. Но онъ опять овладъваетъ собой. Ни за что на свътъ онъ не выпуститъ изъ своихъ рукъ это дъло. Его огласитъ именно "Газета" и вызоветъ цълую бурю негодованія, а также и восхищенія собою. Онъ снова обдумываетъ все. Дъло былъ ясно, не могло быть никакихъ сомнъній, священникъ былъ пойманъ на мъстъ преступленія, ошибки не могло быть; показанія были на лицо, да въдь и сама дъвочка во всемъ созналась. Къ довершенію всего самъ отецъ лично явился сообщить о возмутительномъ фактъ.

И Люнге дѣлаетъ предложеніе.

Но крестьянинъ качаетъ головой. Дъло въ томъ, что онъ долженъ.. гм... долженъ подълиться съ тъмъ, съ другимъ, со свидътелемъ, котораго онъ приготовилъ для второго раза. Нътъ... гм... ужъ ничего не подълаешь съ этимъ, онъ долженъ получить всю сумму сполна.

Люнге охватило такое глубокое отвращеніе къ этому отцу съ извращенными чувствами, что онъ прибавилъ цълую сотню кронъ къ своему первоначальному предложенію, чтобы поскоръе покончить съ этимъ непріятнымъ дъломъ; однако крестьянинъ сообразилъ, что редакторъ клюнулъ, а потому онъ твердо стоялъ на

своемъ. Надо имъть въ виду также и то... гм... что онъ послъ огласки этой исторіи во многихъ отношеніяхъ пострадаетъ, потому что его односельчане узнаютъ, что у него такая дочь. Да и вообще ему жилось не очень то хорошо, у него были различныя обязательства, долги, и, по правдъ сказать, онъ не можетъ ничего... скинуть... гм... съ той суммы, которую потребовалъ за свою новость.

И Люнге долженъ былъ уступить. Съ безграничнымъ презрѣніемъ къ этой низкой душѣ выплатилъ онъ ему деньги. Онъ самъ пошелъ къ кассиру и взялъ деньги на свой собственный счетъ, чтобы сохранить въ тайнѣ всю эту исторію.

И вотъ Люнге сидитъ теперь въ своемъ кабинетѣ въ редакціи и передъ нимъ на столѣ лежитъ еще больше бумагъ, еще больше неопровержимыхъ доказательствъ отвратительнаго факта. Эти три дня послѣ посѣщенія крестьянина онъ употребилъ для предварительнаго разслѣдованія; онъ послалъ Лепорелло, своего вѣрнаго помощника, на мѣсто преступленія, чтобы все разнюхать, и Лепорелло возвратился съ подтвержденіемъ всего.

И вотъ теперь бомба должна взорваться.

Люди приходять въ контору и уходять изъ нея, дверь ни на минуту не остается въ поков, и редакторъ въ самомъ радужномъ настроеніи духа. Помимо этой удачи съ разоблаченіемъ грандіознаго скандала у него есть еще и другая радость впереди: вечеромъ у него назначено свиданіе, и онъ уже предвкушаєть удовольствіе отъ этого свиданія. Онъ шутитъ, отправляєть статьи и телеграммы съ улыбающимся лицомъ и отдаетъ свои приказанія въ конторъ голосомъ, въ которомъ слышится ликованіе. Онъ находитъ жизнь прекрасной. Черезъ нъсколько часовъ всъ прочтуть его важное разоблаченіе, весь городъ взволнуется уже на слъдующее утро отъ шума, произведеннаго "Газетой". Онъ такъ былъ доволенъ тъми свъдъніями, которыя ему доставилъ Лепорелло, что ръшилъ дать ему небольшое экстренное вознагражде-

ніе сверхъ его обычнаго жалованья,—до такой степени былъ редакторъ благодаренъ ему за его добросовъстную работу.

"Благодарю васъ, "—сказалъ онъ, протягивая Лепорелло руку. А такъ какъ въ комнатъ присутствовали и другіе, то они поняли другъ друга безъ лишнихъ словъ.

Впрочемъ, онъ собирался просить Лепорелло о новой услугъ. Сегодня онъ получилъ объявленіе отъ одной несчастной прачки изъ Хаммерсборга, это былъ вопль о помощи. И, Боже мой, эта несчастная прислала вмъстъ съ объявленіемъ также и плату за него,—сорокъ пять эре за напечатаніе въ одномъ номеръ! Развъ это не трогательно? Онъ былъ такъ радъ, что это письмо съ объявленіемъ по ошибкъ попало въ его собственныя руки, а не въ контору; теперь эта женщина, конечно, получитъ обратно свои жалкіе шиллинги. Онъ лъвый, это правда, но изъ этого еще не слъдуетъ, что онъ кровопійца,—эта женщина, конечно, не поняла цълей "Газеты". И вотъ онъ хотълъ попросить Лепорелло отнести ей этотъ кредитный билетъ, предварительную помощь,—а потомъ онъ откроетъ подписку въ ея пользу. Тутъ, конечно, нужна была основательная помощь.

И Люнге добился своими словами того, что тѣ посторонніе люди, которые сидѣли въ конторѣ, предложили свое содѣйствіе. При этомъ на глазахъ у него чуть не навернулись слезы: онъ былъ растроганъ до глубины души, и сердце его было полно состраданія къ несчастной женщинѣ изъ Хаммерсборга...

Вечеромъ онъ не сразу пошелъ домой изъ конторы. У него было такъ много всевозможныхъ дѣлъ, онъ долженъ былъ быть и тутъ, и тамъ и не пропустить ничего. А въ этотъ вечеръ онъ долженъ былъ присутствовать на большомъ собраніи въ союзъ рабочихъ. Онъ собственноручно передалъ статью о скандалъ фактору въ типографіи, сказалъ своему секретарю, куда уходитъ, и покинулъ редакцію, какъ юноша, какъ сорокалѣтній франтъ, легкими шагами, надѣвъ шляпу немного на бекрень по своему обыкновенію.

Залъ рабочаго союза былъ биткомъ набитъ и пренія были въ полномъ разгарѣ. Одинъ правый, настоящій правый, какимъ-то образомъ очутился на кафедрѣ и осмѣлился высказать свое мнѣніе относительно поднятаго вопроса; но его то и дѣло прерывали возгласами.

Когда Люнге вошелъ, то онъ на мгновеніе остановился у дверей и сталъ обводить собраніе взглядомъ, какъ бы ища кого-то. Онъ очень скоро увидалъ того, кого искалъ, и началъ пробиваться черезъ залъ. Онъ безпрестанно кивалъ направо и налѣво, всѣ знали его и ему сейчасъ же уступали дорогу. Онъ остановился у противоположной стѣны и дружески поздоровался съ одной молодой дамой съ свѣтлыми волосами и темными глазами. Она быстро подвинулась на скамъѣ, и онъ у всѣхъ на глазахъ сѣлъ рядомъ съ ней; ясно было, что она его ждала. Эта дама была фру Дагни Хансенъ, урожденная Къелландъ; она пріѣхала изъ одного прибрежнаго города и послѣдній годъ прожила въ Христіаніи въ то время, какъ ея мужъ, морской офицеръ Хансенъ, находился въ плаваніи. У нея были необыкновенно густые свѣтлые волосы, свернутые въ узелъ, одѣта она была очень богато.

"Добрый вечеръ", —сказала она; "вы пришли поздно".

"Да, у меня столько дѣла",—отвѣтилъ онъ. Но тутъ онъ уже не былъ больше въ состояніи дольше молчать о своей великой тайнѣ, и онъ продолжалъ; "но иногда получаешь и награду за свои труды. Я какъ разъ долженъ уничтожить одного изъ наиболѣе извѣстныхъ у насъ священниковъ,—выстрѣлъ раздастся завтра".

"Уничтожить священника? Какого священника?"

"Да, будьте спокойны", — сказалъ Люнге, смѣясь, "это не касается вашего отца".

Она также улыбнулась на его слова и изъ-за ея красныхъ губъ показались нъсколько желтоватые зубы.

"Но что же онъ сдълалъ, этотъ священникъ?"

"Мм..." — отвътилъ Люнге, "какъ вамъ сказать, онъ большой гръшникъ, онъ совершилъ ужасное злодъяніе, ха-ха".

"Господи, какъ много дурного вездъ!"

Она опустила глаза и замолчала. Ее ничуть не развеселило сообщение объ этомъ скандалъ, напротивъ, весь день у нея было такъ тяжело на душъ, а теперь стало еще тяжелъе. Если бы она не находилась среди большого собранія людей и не слышала безпрерывно этотъ гудящій голось ораторовъ, смінявшихъ другъ друга на кафедръ и прерываемыхъ возгласами публики, то она закрыла бы лицо руками и заплакала бы. За послъдній годъ фру Дагни начинала дрожать всемъ теломъ каждый разъ, когда слышала о какомъ-нибудь скандалѣ; у нея также была своя исторія, маленькое, жизненное недоразумѣніе. Это не былъ какой-нибудь большой грахъ, натъ, и даже не пятно, -- она это сама хорошо сознавала; но все-таки это было не хорошо, ахъ, какъ не хорошо! Около года тому назадъ она совершенно случайно познакомилась съ однимъ молодымъ неизвъстнымъ никому челов Вкомъ по имени Іоганъ Нагель, это былъ невзрачный карликъ, который вдругъ сталъ на ея пути и совершенно вскружиль ей голову, - и съ тъхъ поръ у фру Дагни было свое тайное горе, которое всегда угнетало ее. Ея отношенія къ этому человъку не кончились тъмъ, что онъ въ одинъ прекрасный день снялъ шляпу и, низко опустивъ ее, сказалъ драматически "прости". Нътъ, этотъ дикій человъкъ бросился въ море и покончилъ съ собой, не сказавъ ни слова. Такимъ образомъ онъ свапилъ на нее всю отвътственность, слъдствіемъ чего было то, что она увхала изъ дому сейчасъ же, какъ только имвла возможность это сдълать, и поселилась въ Христіаніи. Уже раньше у

нея была еще одна исторія; въ нее безумно влюбился несчастный молоденькій теологъ... но это было такъ жалко, такъ смѣшно, она не хотѣла даже и вспоминать объ этомъ. Другое дѣло было съ Нагелемъ, ради котораго она уже чуть было не забылась; все висѣло на волоскѣ, когда она видѣлась съ нимъ въ послѣдній разъ; еще единственное слово, едва высказанная просьба съ его стороны, и она забыла бы весь свѣтъ и бросилась бы въ его объятья. Но онъ не высказалъ этой просьбы, онъ не рѣшился повторить ее, и въ этомъ она сама была виновата, потому что раньше она нѣсколько разъ такъ жестоко отталкивала его. Да, конечно, во всемъ виновата она одна.

Но съ тѣхъ поръ на совѣсти фру Дагни тяжело лежала эта вина противъ себя самой и противъ него. Никто не зналъ, что угнетало ее, но часто, когда она шутила, дурачилась и кокетничала безъ удержу, она вдругъ становилась угрюмой и молчаливой. Такою она теперь стала.

А тутъ еще Люнге разсказалъ ей эту исторію съ священникомъ, она догадалась въ чемъ дѣло, и это конечно не мсгло хорошо подѣйствовать на ея настроеніе. Всегда и вездѣ случалось что-нибудь нехорошее. Почему люди не жили такъ, чтобы не дѣлать себя несчастными? Люнге сейчасъ же увидалъ, что навелъ на нее грустныя мысли, онъ такъ хорошо зналъ ее, что не могъ ошибиться въ этомъ. А потому онъ сказалъ ей, понизивъголосъ:

"Хотите, я сейчасъ пойду въ типографію и возьму обратно статью?"

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Она вовсе не чувствовала ни малѣйшаго состраданія къ священнику, и главнымъ образомъ ее угнетала вовсе не эта скандальная исторія. Она сказала:

"Вы эго серьезно говорите?"

"Само собой разумъется!" — отвътилъ онъ.

"Но почему же вы задаете мнѣ такой вопросъ? Развѣ священникъ не виноватъ?"

"Да. Но ради васъ, вы знаете..."

"Ахъ",—сказала она, смѣясь. "Какъ вы смѣетесь надо мной!" Однако его предложеніе всетаки разсѣяло немного ея тяжелое настроеніе. Она знала, что онъ былъ въ состояніи исполнить то, что предложилъ, а потому она поблагодарила его самымъ искреннимъ образомъ.

"Я только одного не могу понять, какимъ образомъ вы все узнаете, какъ вы выслъживаете всъхъ этихъ людей? Вы безподобны, Люнге!"

Эти слова: "Вы безподобны, Люнге!" заставили радостно забиться его сердце редактора и сдѣлали его счастливымъ. Въ сущности такъ рѣдко приходится слышать такое непосредственное и искреннее одобреніе при всѣхъ своихъ заслугахъ, а потому онъ отвѣтилъ ей съ искренней благодарностью полушутливой фразой: "Удочки у насъ закинуты повсюду, зѣвать не приходится. Мы—пресса, мы—государственная власть!"

И онъ самъ засмъялся надъ своими словами...

Настоящій правый закончилъ наконецъ свою рѣчь и предсѣдатель объявилъ:

"Слово принадлежитъ господину Вондесену".

И радикалъ Эндре Бондесенъ встаетъ съ своего мѣста посреди залы и быстро направляется къ кафедръ. Онъ сидълъ рядомъ съ сестрами Иленъ и дѣлалъ замѣтки. Онъ рѣшилъ показатъ предыдущему оратору свое превосходство и разбить его, насколько это было въ его силахъ. Онъ не будетъ радикаломъ или даже просто передовымъ человѣкомъ, если не укажетъ этому господину его мѣсто, а мѣсто его было въ темной затхлой берлогъ реакціонной партіи, откуда онъ и вышелъ. Здѣсь ему не было мѣста. Бондесенъ уже не разъ стоялъ на этой кафедръ и возвѣщалъ свои истины всему залу.

Да, милостивыя государыни и милостивые государи, онъ возвъщалъ свои истины не разъ по мъръ своихъ скромныхъ силъ. А потому и теперь также онъ расчитывалъ на внимаміе слуша-

телей въ теченіе нъсколькихъ минутъ. Онъ отмътилъ только два пункта. Здъсь только-что стоялъ человъкъ-теперь онъ уже усвлся... на своихъ лаврахъ (смвхъ)-который хотвлъ увврить людей, людей современнаго теченія, что лівые заведуть страну на ложный путь. Неправда ли, надо мужество отчаянія, чтобы обратиться съ такой ръчью къ самой большой политической партіи въ Норвегіи? Правда, они лѣвые, они радикалы, но они не дураки, не анархисты, не чудовища. Если страна и попала на ложный путь, то только благодаря правительству, которое такимъ скандальнымъ образомъ перешло направо, а правительство это сдълало. (Одобреніе). Въ чемъ состояла программа лъвыхъ? Судъ присяжныхъ, всеобщее избирательное право для совершеннолѣтнихъ мужчинъ и женщинъ, бережливость въ государственномъ хозяйствъ, всеобщая демократизація, сокращеніе штата чиновниковъ, изгнаніе Понтоппидановъ изъ школъ, введеніе третейскихъ судовъ и такъ далве, -все это лишь гуманныя учрежденія, лишь соотв'єтствующія современнымъ требованіямъ. А тутъ приходять и говорять, что страна попала на ложный путь! Можно было назвать программу радикальной, противъ этого никто ничего не могъ сказать, но онъ самымъ решительнымъ образомъ отвергаетъ всякое болъе или менъе серьезное обвинение.

Тутъ правый снова поднимиется и говоритъ:

"Но я и утверждалъ, что именно своимъ радикализмомъ лъвые ведугъ страну на ложный путь!"

Предсъдатель прерываетъ:

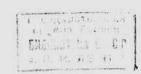
"Слово принадлежитъ господину Бондесену".

Но какой-то осторожный лъвый вмъшивается въ это:

"Мы вовсе не согласны съ господиномъ Бондесеномъ, который называетъ лѣвую партію радикальною. Господинъ Бондесенъ радикалъ и говоритъ съ своей точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія лѣвой."

Туть председатель крикнуль громовымъ голосомъ:

"Слово принадлежитъ господину Бондесену!"

И Бондесенъ не имълъ ничего противъ того, чтобы выступить одному въ этой залъ въ качествъ великаго радикала; онъ уже и раньше выступалъ одинъ: и теперь въ это мгновеніе онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для этого. И, переходя снова къ своей ръчи, онъ заговорилъ громче и увъреннъе, чтобы показать, что онъ никого не боится:

Правые всегда видъли заблужденіе и ошибки въ каждомъ движеніи, паденіе и отступничество, въ каждомъ шагъ впередъ. Какъ, должно быть, тяжело утратить способность къ пониманію своего собственнаго времени. Ибо люди эти, которые неустанно тормозили и тянули вспять и въ концъ концовъ остановились на одномъ мъстъ, все-таки когда-то соотвътствовали своему времени, и они когда-то были передовыми-лътъ пятьдесятъ тому назадъ. (Смъхъ). Но теперь они не способны чувствовать никакого единенія съ нашимъ временемъ, - демократическимъ временемъ свободы. Однако не надо ихъ за это побивать камнями, надо пожальть этихъ немногихъ, которые остались такъ далеко позади, въ то время, какъ весь остальной міръ ушелъ впередъ. Кто знаетъ, быть можетъ, эти немногіе приносятъ нѣкоторую косвенную пользу; своимъ противодъйствіемъ они заставляютъ насъ, другихъ, удваивать наши усилія на служеніе прогрессу. (Одобреніе). Но пусть они берегутся, пусть они берегутся совращать людей съ пути свободы! Имъ будетъ оказано самое упорное сопротивленіе по всей линіи, они будуть побиты въ каждомъ вопросъ! Всъ увидятъ, что правые-это кучка людей, обреченныхъ на то, чтобы лъвые тащили ихъ за собой въ своемъ побъдоносномъ шествіи, въ то время, какъ они сопротивляются всей своей тяжестью по закону инерціи. Лівые-это стражи въ дълъ развитія и работники прогресса.

Рѣчь Бондесена ежеминутно прерывали выраженіями одобренія: несмотря на свой крайній радикализмъ онъ прекрасно выполняль свое дѣло. Сестры Иленъ были совершенно увлечены имъ; онъ поблѣднѣли отъ волненія и никакъ не могли понять.

откуда взялись такія способности у ихъ друга, который, какъ онъ знали, никогда ничего не читалъ и ни надъ чѣмъ не работалъ. Но какая голова, какой талантъ! Все, что онъ говорилъ, всъ его слова,—все было такъ легко и понятно, все трогало и вмъстъ съ тѣмъ никого не возмущало. Это были непоколебимыя истины лѣвыхъ, заимствованныя въ стортингъ, на политическихъ собраніяхъ или изъ газетъ. Онъ говорилъ, сильно жестикулируя, и его дрожащій голосъ былъ проникнутъ глубокой вѣрой и вдохновеніемъ; было истиннымъ наслажденіемъ слушать этого молодого человъка! Отъ смълыхъ словъ этого воодушевленнаго радикала такъ и вѣяло духомъ свободы. Вотъ какова должна быть молодежь въ старой доброй Норвегіи!

Ораторъ продолжаетъ перелистывать свои замътки и собирается сказать еще нъсколько словъ. Онъ сосредоточенно крутитъ свои красивые усы и долго раздумываетъ. Какъ это, должно быть, утомительно для него произносить такую длинную рѣчь, стоя! Его уважаемый противникъ воспользовался случаемъ, чтобы насмъхаться надъ ничтожествомъ правительства, за это онъ выражаетъ свою искреннюю благодарность уважаемому противнику, -- въ этомъ вопросѣ они могутъ вполнѣ сойтись; ибо онъ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы защищать правительство, напротивъ, онъ готовъ употребить всв усилія на то, чтобы его свергнуть. Но онъ хотълъ задать только одинъ вопросъ уважаемому противнику: какое отношеніе имѣютъ лѣвые къ бездарности правительства? Надо сказать совершенно откровенно, что лѣвые больше не признаютъ существующаго правительства лъвымъ, и въ особенности они не признаютъ его главу, -- этого человъка, большой талантъ котораго уже покрываютъ вечерніе сумерки; правительство изм'єнило, оно продало себя или уснуло. (Одобреніе). И не пора ли, наконецъ, прекратить эту безсмысленную болтовню объ отвътственности лъвыхъ за бездарность правительства? Именно лъвые-то всъми силами и работали надъ низверженіемъ правительства, и они никогда не перестанутъ работать въ этомъ направленіи, — ужъ слишкомъ долго и слишкомъ кровно оскорбляло это, такъ называемое, лѣвое пра вительство принципы прогресса и демократіи! И заключительнымъ словомъ оратора къ собранію будетъ его призывъ къ возстанію, — къ возстанію противъ этой горсти продажныхъ душъ среди норвежскаго народа, чтобы свергнуть ихъ съ ихъ скамей всѣми средствами, какіе только допускаетъ законъ!

Бондесенъ сошелъ съ кафедры подъ громкіе и продолжительные аплодисменты. Нѣтъ, никогда въ своей жизни Шарлотта и Софи не думали, что въ его словахъ можетъ быть столько мощи! А слова "продажныя души",—сколько въ нихъ силы и красоты! Ноздри Шарлотты расширялись, и она глубоко и быстро дышала, не отрывая отъ Бондесена своихъ глазъ. Когда онъ подошелъ къ ней, она кивнула ему и улыбнулась, глядя на него съ восторгомъ, и Бондесенъ отвътилъ ей улыбкой. Его рѣчь продолжалась около четверти часа, онъ былъ еще разгоряченъ и нѣсколько разъ провелъ платкомъ по лбу.

Снова раздается голосъ предсъдателя:

"Слово принадлежитъ господину Карльсену".

Однако господинъ Карльсенъ встаетъ и отказывается отъ слова. Онъ хотълъ сказать только нъсколько словъ по поводу лъвыхъ, какъ радикаловъ. Но такъ какъ это уже сдълано другимъ, такъ какъ господинъ Бондесенъ въ концъ своей прекрасной ръчи сказалъ только то, съ чъмъ лъвые вполнъ согласны, то ему не остается ничего больше прибавить, и онъ только благодаритъ господина Бондесена.

И господинъ Карльсенъ садится.

"Въ такомъ случав слово принадлежитъ господину Хёй... господину Хёй"...

"По всей въроятности слово принадлежитъ мнъ", сказалъ кто-то изъ собранія, поднимаясь, но не подходя къ кафедръ.— "Хёйбро", добавилъ онъ.

Бондесенъ слишкомъ корошо зналъ, зачемъ этотъ медеедь

Лео Хёйбро хотѣлъ говорить. Онъ сидѣлъ прямо противъ кафедры и все время улыбался во время рѣчи Бондесена. Теперь онъ хочетъ отомстить ему, потому что завидуетъ его успѣху, онъ хочетъ затмить его, отличиться въ глазахъ Шарлотты. Да, онъ это зналъ очень хорошо. Его маленькій успѣхъ не давалъ Хёйбро покоя.

Никто не зналъ Хейбро, предсѣдатель не могъ даже разобрать его имени, а потому, когда этотъ неизвѣстный человѣкъ всталъ, то публика стала обнаруживать нѣкоторые признаки нетерпѣнія. Предсѣдатель вынулъ часы и объявилъ, что долженъ ограничить каждому оратору время пятью минутами; собраніе встрѣтило его рѣшеніе рукоплесканіями.

Дагни, которая долго молчала, шепнула Люнге:

"Боже, до чего онъ черенъ, посмотрите, какъ блестятъ его волосы!"

"Я его совсъмъ не знаю", отвътилъ Люнге равнодушно.

Хёйбро началъ говорить съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, не входя на кафедру. У него былъ глубокій голосъ, какъ бы исходившій изъ бездонной пропасти, и онъ говорилъ очень медленно; иногда бывало даже трудно понять, что онъ хочетъ сказать, такъ неясно онъ выражался. Да и самъ онъ извинился передъ слушателями, сказавъ, что не привыкъ публично говорить.

Ограничивать время ради него было совершенно лишнее, онъ, можеть быть, не будеть говорить даже и десяти минутъ. Онъ хотъль попросить только всъхъ строгихъ людей о снисхожденіи къ тъмъ несчастнымъ личностямъ, которые не принадлежатъ ни къ какой партіи,—къ этимъ безпріютнымъ душамъ, къ радикаламъ, которые не пристали ни къ правымъ, ни къ лъвымъ. Въдъ сколько умовъ, столько головъ, одни идутъ тихо, другіе быстро; есть люди, которые върятъ въ либеральную политику и республику и считаютъ это самымъ радикальнымъ на свътъ, тогда какъ другіе продумали эти вопросы и покончили съ ними уже много лътъ тому назадъ. Человъческую душу трудно выразить

въ цълой величинъ, она состоитъ изъ отгънковъ, изъ противорѣчій, изъ мелкихъ дробей, и чѣмъ она болѣе соотвѣтствуетъ духу своего времени. тъмъ въ ней больше оттънковъ и составныхъ частей. Но такой сложной душъ трудно найти себъ постоянное мъсто въ той или другой партіи. Она уже давно пережила то, чему партія учила и во что партія вфрила. Такъ и радикалы во время своего развитія мало по малу совершенно утратили ту небольшую долю твердаго политическаго сознанія, которымъ они когда-то обладали; это блуждающія кометы, избравшія свой собственный путь. Вотъ за нихъ то онъ заступается. Они по большей части люди, обладающіе волей, это сильные люди, цъль ихъ: счастье, самое великое счастье, какого только можно достичь. Они имъютъ также и средства для достиженія этой цѣли: честность, безусловную неподкупную честность, презрѣніе къ личнымъ выгодамъ. Они борятся не на жизнь, а на смерть за свою въру, они помаютъ себъ спину изъ-за нея; а между тъмъ они върятъ не въ опредъленныя политическія формы, почему они и не могутъ быть членами какой-нибудь партіи. Но они върятъ въ благородство души и прекрасныя качества сердца. Ихъ слова иногда бываютъ тяжелы и жестоки, ихъ оружіеопасно, но почему бы этому и не быть? Зато они чисты сердцемъ, а отъ этого все зависитъ. Онъ замѣтилъ дурные признаки сердечной испорченности въ политическихъ партіяхъ, -- вотъ почему онъ хочетъ шепнуть предостережение лѣвымъ, партія которыхъ была ему, конечно, наиболъе близка, онъ хочетъ шепнуть имъ, чтобы они не слишкомъ сильно полагались на людей, лишенныхъ сердечной простоты: надо остерегаться, осматриваться и выбирать людей...

Таковъ былъ смыслъ его бормотанья. Собраніе выказало чрезвычайную терпимость уже тѣмъ только, что не заставило его замолчать шиканьемъ. Никогда еще въ этой залѣ не произносили такихъ плохихъ рѣчей, а на этой кафедрѣ стояло не мало жалкихъ ораторовъ. Хёйбро не могъ имѣть никакого успѣха,

онъ стоялъ твердо и неподвижно, какъ гора, подолгу молчалъ, и въ это время бормоталъ себъ что-то подъ носъ, шевеля губами, заикался, прерывалъ ръчь, въ которой не было ни начала, ни конца. Никто ничего не понялъ, и однако ясно было, что онъ дъйствительно почувствовалъ потребность высказаться, шепнуть это жалкое предостереженіе, которое лежало у него на сердцъ. Видно было, что онъ вкладывалъ частицу своей души въ каждую свою запутанную фразу и даже въ свои паузы.

Бондесенъ, который вначалѣ отнесся къ нему свысока за то, что онъ такъ плохо владѣлъ рѣчью, мало по малу совсѣмъ потерялъ терпѣніе. Въ неясныхъ словахъ Хёйбро онъ почувствовалъ тутъ и тамъ тонкіе, но ядовитые намеки на себя. И онъ былъ справедливо оскорбленъ тѣмъ, что на него нападаютъ. Это еще что такое? Ужъ не хотятъ ли отъ него отнять его радикализмъ? Онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и крикнулъ:

"Къ дълу, къ дълу!"

Собраніе поддержало его и крикнуло также: къ дълу!

Казалось, словно не доставало этого проявленія нетерпѣнія этого маленькаго сопротивленія, чтобы Лео Хёйбро вспыхнуль. Онъ насторожиль уши, онъ узналь этотъ бергенскій голосъ и, смѣясь надъ тѣмъ неудовольствіемъ, которое онъ возбудилъ, онъ крикнулъ своимъ глубокимъ голосомъ нѣсколько фразъ, которыя сверкнули, какъ молнія, какъ искры:

Сперва онъ сдълалъ маленькое замъчаніе относительно Бондесена, какъ радикала. Радикализмъ господинъ Бондесена былъ конечно очень великъ, о чемъ и свидътельсвовали его собственныя слова; но онъ хочетъ защитить господина Бондесена отъ переоцънки собраніемъ его радикализма. За него бояться нечего; нътъ сомнънія, что если господинъ Бондесенъ въ одинъ прекрасный день вздумаетъ угощать своимъ радикализмомъ радикаловъ, то тъ отвътять ему: Помнится, что этимъ мы занимались

давнымъ давно, въ тѣ времена приблизительно, когда мы конфирмовались...

Тутъ Бондесенъ не могъ больше сдерживать себя, онъ вскакиваетъ съ мъста и кричитъ:

"Этотъ человѣкъ... я знаю этого человѣка, эту блуждающую комету! Не могу себѣ представить, чтобы онъ вообще могъ выражать какія-нибудь мнѣнія о политическихъ вопросахъ,—вѣдь онъ въ норвежской политикѣ смыслитъ не болѣе грудного ребенка. Онъ даже не читаетъ "Газеты". (Смѣхъ). Онъ говоритъ, что "Газета" для него скучна, а потому онъ не оказываетъ ей больше чести и не интересуется ею". (Бурный смѣхъ).

Но Хёйбро улыбается съ упорнымъ видомъ и продолжаетъ: Въ такомъ случав пусть ему разрвшатъ разобраться немного въ другомъ выраженіи, которое было здвсь сегодня произнесено...

Но тутъ вмъшивается предсъдатель:

"Время прошло!"

Хёйбро смотритъ на кафедру и говоритъ почти умоляюще:

"Только пять минутъ еще! Иначе все мое вступленіе останется непонятымъ. Только двѣ минуты!"

Но предсѣдатель требуетъ подчиниться его рѣшенію въ виду того, что назначенное время прошло, и Хёйбро долженъ былъ сѣсть.

"Ахъ, какъ жалко!" сказала фру Дагни "а онъ только что разошелся".

Она была, быть можеть, единственнымь человькомь изъ всѣхъ сидѣвшихъ въ залѣ, слѣдившимъ за рѣчью Хейбро даже тогда, когда рѣчь его была безсвязна. Этотъ человѣкъ производилъ на нее какое-то странное впечатлѣніе, быть можетъ, своимъ голосомъ, своими странными мнѣніями, сравненіемъ радикаловъ съ блуждающей кометой. Ей казалось, что она слышитъ слабые отзвуки голоса Іогана Нагеля, и передъ ней стали проноситься картины минувшаго. Но она сейчасъ пожала плечами и зѣвнула. Когда немного спустя въ залѣ начало становиться

шумно и послышались громкіе крики, требовавшіе голосованія, она сказала:

"Не уйти ли намъ? Не будете ли вы такъ добры и не проводите ли меня домой?"

Люнге тотчасъ же встаетъ и помогаетъ ей надъть пальто. Конечно, онъ съ удовольствіемъ проводить ее, лучшаго онъ и не желаетъ! И онъ шутитъ и остритъ и заставляетъ и ее смъяться въ то время, какъ они спускаются съ лъстницы и выходятъ на улицу. Онъ спрашиваетъ:

"Не написать ли мнъ о немъ замътку, объ этомъ человъкъ съ блуждающей кометой? Не подшутить ли мнъ надъ нимъ?"

"Ахъ, нѣтъ", говоритъ она, "оставьте его въ покоѣ, да? А теперь разскажите мнѣ лучше исторію со священникомъ. Что онъ спѣлалъ?"

Но Люнге никогда не забывается, никому не удается поймать его, и онъ никогда не проболтается. Если онъ и скажетъ нѣсколько словъ о какомъ-нибудь фактѣ, то подробности онъ покрываетъ мракомъ неизвѣстности. Между тѣмъ они вышли на желѣзнодорожную площадь, здѣсь они сѣли въ наемный экипажъ и поѣхали вдоль Драмменсвей у всѣхъ на виду при яркомъ свѣтѣ газа.

٧.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ Христіаніи только и было разговору, что о большомъ скандалѣ. Въ первое утро, когда разорвалась бомба, казалось, словно городъ былъ потрясенъ до самаго основанія. Словно каждый отецъ, каждая дочь стоятъ на краю паденія. Да развѣ это было удивительно, разъ этотъ священникъ, имя котораго было извѣстно во всей странѣ, палъ такъ низко и былъ уничтоженъ. Но Люнге былъ увѣренъ въ себѣ онъ не обращалъ вниманія ни на угрозы, ни на крики, онъ былъ непоколебимъ. Онъ то и дѣло снова поднималъ эту исторію и

повторяль обвиненіе въ болье рызкой формь. А когда первое сильное впечатльніе прошло, онъ позаботился о томъ, чтобы подогрывать свое розаблаченіе маленькими подробностями, добавленіями и онъ использоваль этоть инцинденть до послыдней возможности. Онъ самъ придумываль себы противниковь, когда видыть, что интересь въ публикь ослабываеть, печаталь яростныя анонимныя письма, которыя онъ, якобы получаль отъ приверженцевъ пастора. Вообще онъ наполняль весь городъ своими разоблаченіями. Люди сдались, развы можно было пройти мимо этого единственнаго въ своемъ роды редактора, когда всы, даже его непримиримые противники, должны были преклониться передънимъ и сознаться, что онъ не человыкъ, а дьяволъ.

Въ первый разъ Люнге испытывалъ такое грандіозное торжество. Этимъ ловкимъ ударомъ онъ пріобрѣлъ не малое количество новыхъ подписчиковъ. Люди, жизнь которыхъ была болѣе или менѣе безупречна, читали его газету ради развлеченія и изъ любопытства, чтобы слѣдить за скандаломъ; а тѣ несчастные, у которыхъ на совѣсти былъ тотъ или другой тайный грѣхъ, читали "Газету" съ лихорадочнымъ возбужденіемъ и съ сильно бьющимся сердцемъ, дрожа отъ страха, что теперь насталъ ихъ чередъ для разоблаченій.

Но теперь надо было позаботиться о томъ, чтобы поддержать произведенный эффектъ, надо было продолжать, какъ говорятъ въ билліардной игрѣ, "оставаться въ ударѣ". Да Люнге и не принадлежалъ къ числу тѣхъ пюдей, которые очень скоро успокаиваются; этотъ скандалъ со священникомъ былъ только первымъ большимъ ударомъ, вѣдь онъ еще не проникъ въ каждый домъ, въ каждое сердце, а эта мысль постоянно занимала его.

Тѣмъ не менѣе, говоря откровенно, онъ надѣялся, что скандалъ этотъ произведетъ еще больше шума и принесетъ еще больше дохода. Новые подписчики не прибывали цѣлыми массами, не являлись толпой, мало того,—нашлись даже такіе глупые люди, которые отказались отъ газеты именно изъ за этого скандала. Ну развъ можно понять этихъ людей? Онъ преподноситъ имъ единственную въ своемъ родъ сенсаціонную новость, а они отказываются читать ее! Какъ бы то ни было, но онъ достигъ того, что нъкотсрое время имя его было у всъхъ на языкъ. Онъ сдълалъ неожиданное и очень существенное прибавленіе къ той славъ, которую уже раньше создалъ себъ, а это уже само по себъ стоило не малыхъ денегъ. Онъ не чувствовалъ ни малъйшаго упадка силъ, напротивъ энергія его какъ будто, только возросла. Онъ не могъ безъ улыбки вспоминать о томъ, какъ полиція и начальство долго не хотъли вмъшиваться въ эту исторію, и какъ въ концъ концовъ ему удалось принудить ихъ поступить согласно его требованіямъ. И священникъ долженъ былъ съ позоромъ оставить свое мъсто.

Люнге ничуть не возгордился послѣ этой великой побѣды; напротивъ. Удача сдѣлала его еще болѣе обходительнымъ, настроеніе у него стало мягкое и доброжелательное, и онъ безкорыстно помогалъ многимъ бѣднякамъ, и ядовитый тонъ въ его статьяхъ нѣсколько смягчился. Только къ правительству онъ относился по прежнему; со всею безпощадностью, какую онъ только могъ вложить въ перо, онъ, какъ герой, защищалъ старые принципы лѣвыхъ, а также и своихъ. Пусть никто не обвиняетъ его въ уступчивости!

Нѣкоторое время слѣдствіемъ его разоблаченій было также и то, что къ нему въ контору болѣе чѣмъ когда-нибудь, стали являться посѣтители, чтобы повидать его. Приходили засвидѣтельствовать ему свое безграничное уваженіе, пожать ему руку, или просто повидать его подъ какимъ-нибудь ничтожнымъ предлогомъ; съ нимъ старались говорить по телефону, извиняясь тѣмъ, что соединились съ нимъ по ошибкѣ. И ко всему этому онъ относился съ неизмѣнной любезностью, не дѣлая никакой разницы между людьми, которые обращались къ нему. Предсѣдатель Нижней палаты, состоявшій въ то же время членомъ королевской комиссіи, пріѣхалъ въ городъ и сейчасъ же явился

къ Люнге. Этотъ честный предсъдатель пользовавшійся, какъ политическій дъятель, всеобщимъ уваженіемъ, очень видный человъкъ среди оппозиціи правительства, привътствовалъ редактора съ такой сердечностью, словно онъ былъ его хорошимъ знакомымъ или даже другомъ. И Люнге въ свою очередь выразилъ ему все то уваженіе, которое онъ заслуживалъ, и съ интересомъ прислушивался къ его словамъ.

Ахъ ужъ эта королевская комиссія! Она состоитъ изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, что ея работа не можетъ бытъ плодотворной; одинъ хочетъ одного, другой—другого. Если правительство хотъло загладить свою вину противъ лъвыхъ, то оно могло это сдълать при назначеніи членовъ этой комиссіи.

На это Люнге отвътилъ:

"Правительство? Такъ вы еще чего-нибудь ждете отъ него?"

"Къ сожалѣнію, нѣтъ,"—отвѣчаетъ предсѣдатель, "я ничего не жду и ни на что не надѣюсь,—я жду только его паденія."

Люнге, который принялъ это за комплиментъ себъ,—отвътилъ:

"Мы нашъ долгъ исполнимъ!"

Когда предсѣдатель поднялся чтобы уйти, Люнге поразилъ переутомленный видъ этого сгорбленнаго, вѣрнаго, стараго борца за дѣло либерализма. Его куртка изъ домотканнаго сукна свѣшивалась съ одного плеча, а на штанахъ у него ниже колѣнъ Люнге замѣтилъ сѣроватую полоску, по которой онъ понялъ, что этотъ почтенный человѣкъ зажигалъ спички о свои штаны. Предсѣдатель остановился у дверей и сказалъ, обернувшись къ Люнге, что хочетъ прочесть лекцію, прочесть обширный политическій докладъ въ помѣщеніи Р. L. К. дня черезъ два. И онъ попросилъ Люнге оказать ему содѣйствіе и какъ можно шире оповѣстить публику о предстоящемъ докладѣ. При этомъ онъ выразилъ также надежду на то, что будетъ имѣть удовольствіе видѣть Люнге самого на своей лекціи.

Люнге отвътилъ, что это само собой разумъется. Онъ, ко-

нечно, будетъ присутствовать при такомъ важномъ событіи, какъ докладъ предсъдателя Нижней палаты. До свиданья, до свиданья!

Послѣ этого Люнге обратился къ своему Лепорелло, который только-что вошелъ къ нему въ кабинетъ:

"Что новаго? О чемъ говорятъ сеголня въ городъ?"

"Въ городъ говорятъ", отвътилъ Лепорелло, "о статьяхъ въ "Норвежцъ" объ условіяхъ жизни нашихъ моряковъ. Они возбудили большое вниманіе. Повсюду, гдъ я сегодня ни былъ, говорятъ объ этихъ статьяхъ?"

"Да? Въ самомъ дълъ?"

И хотя они сейчасъ же перешли на другое, Лепорелло хорошо видълъ, что мысли редактора заняты чъмъ-то, что онъ что-то обдумываетъ.

"Вчера былъ очень интересный вечеръ въ Тиволи," говоритъ Лепорелло, "я провелъ очень пріятно время".

"И я также", отвътилъ Люнге, вставая съ мъста. Онъ открываетъ дверь въ контору и кричитъ секретарю:

"Послушайте: напишите нѣсколько словъ о нашихъ морякахъ, напишите, что наши предшествующія статьи объ условіяхъ жизни моряковъ произвели громадную сенсацію… что даже такія газеты, какъ "Вестландская Почта" начинаютъ поддерживать насъ".

Несмотря на то, что секретарь привыкъ принимать безъ всякаго удивленія самыя странныя распоряженія изъ кабинета редактора, на этотъ разъ онъ однако вытаращилъ глаза на своего начальника.

"Но въдь у насъ не печатали такихъ статей", говоритъ онъ, "ихъ печатали въ "Норвежцъ".

Люнге нетерпъливо морщитъ лобъ и отвъчаетъ:

"Что за наивность! Вѣдь могла же и у насъ быть какаянибудь замѣтка, или какое-нибудь сообщеніе. Развѣ будутъ люди просматривать старые номера, чтобы отыскать, гдѣ объ этомъ говорилось. Напишите, что наши предыдущія замѣтки объ условіяхъ жизни моряковъ пробудили неимовѣрный интересъ, да это и неудивительно... ну, и такъ далѣе и такъ далѣе! Вы можете написатъ цѣлый столбецъ; но торопитесь, это должно быть напечатано завтра утромъ".

Съ этими словами редакторъ закрылъ свою дверь и снова скрылся въ своемъ кабинетъ.

Однако Лепорелло въ этотъ день не дождался отъ него никакихъ разговоровъ; онъ былъ, повидимому, занятъ чѣмъ-то, что-то обдумывалъ и отвѣчалъ на его слова только короткими "да" и "нѣтъ".

Въ сущности жизнь, которую онъ велъ, была очень тяжела, и не удивительно, если руки у него загрубъли и запачкалисъ отъ такой утомительной и часто нечистоплотной работы. Приходилось постоянно вездъ втираться, слъдить за всъмъ и изворачиваться на всѣ лады, а какая была награда за это? Его заслугъ никто не цвнилъ. Но теперь его изворотливость часто измъняла ему, и ему казалось, что результаты, которыхъ онъ достигаетъ, не соотвътствуютъ его напряженной дъятельности. Сегодня прибъгала къ нему прачка изъ Хаммерсборга и жаловалась на то, что ея воззванія не напечатали, Не напечатали, да не напечатали. - въчно одна и та же жалоба! Но развъ они могутъ печатать все ръшительно? Женщина поблагодарила за деньги, которыя она получила, но тутъ же начала плакать, потому что ей нечъмъ жить: деньги она уже истратила, а ея воззванія въ гезетъ до сихъ поръ еще не напечатали. Эта сцена растроила Люнге, онъ и безътого уже былъ въдурномъ настроеніи духа,нельзя же быть въчно веселымъ. И онъ коротко и ясно сказалъ женщинъ, что у него самого есть жена и дъти, о которыхъ онъ долженъ заботиться, а кромъ того, ей проще всего обратиться въ какое-нибудь благотворительное общество. Въдь онъ уже помогъ ей отъ чистаго сердца. Богъ свидътель, что онъ пожалълъ ее и сдълалъ, быть можетъ, болъе, чъмъ имълъ на это право, какъ человъкъ семейный. А что касается до ея воззванія, то онъ просто забылъ его. Нельзя же помнить обо всемъ. А впрочемъ,

онъ отложилъ ея объявленіе только потому, что заботился о ней же самой: если бы ея воззваніе было помѣщено одновременно съ его большимъ разоблаченіемъ, то ни одна душа не обратила бы на него вниманія, потому что въ этотъ день всѣ были заняты только разоблаченіемъ. Но теперь онъ во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, и воззваніе будетъ завтра же напечатано.

Нътъ, онъ не видълъ ни благодарности, ни признанія его заслугъ, ни съ чьей стороны и меньше всего со стороны простого народа. А онъ работалъ, какъ волъ, всѣ эти годы, положилъ всѣ силы на служеніе народу. Но напрасно онъ это дѣлалъ,—наградой ему была одна только грубость.

Какъ хорошо онъ чувствовалъ себя въ домъ фру Дагни Хансенъ, гдъ все было такъ элегантно и богато, гдъ приходилось имъть дъло съ образованными людьми и гдъ умъли цънить человъка по заслугамъ. И вовсе не потому, что онъ какимъ бы то ни было образомъ сталъ ей ближе; нътъ, котя она и кокетничала съ нимъ, кружила ему голову и дотрогивалась своей бѣлой ручкой до его руки, онъ никогда не обольщалъ себя никакими надеждами; не было на свътъ другой болъе безупречной женщины, нежели эта молодая дама изъ приморскаго города. Вотъ почему приходилось ему возвращаться къ своей увядающей актрисъ, на которую уже почти никто не хотълъ больше смотръть. Впрочемъ, говоря правду, у него была еще въ запасъ одна уроженка Бергена, фру Л.; но эта женщина, которую вслъдствіе ея толщины и ея бълой кожи прозвали камбалой, начала ему невыразимо надобдать, а онъ не былъ такимъ человъкомъ, который могъ мириться съ какимъ-нибудь стесненіемъ. Разъ онъ не могъ произвести впечатлънія на фру Дагни, то онъ во всякомъ случав наслаждался лицеэрвніемъ ея очаровательной особы, и ему доставляло невыразимое удовольствіе пожатіе ея руки и ароматъ распространявшійся въ ея гостиной. На каждомъ шагу въ ея квартиръ онъ наталкивался на что-нибудь изящное и оригинальное, и въ ушахъ его звучалъ оживленный разговоръ. Какая разница была между этой обстановкой и той, въ которой онъ всегда вращался! Политика и снова политика, бездарность правительства, королевскія комиссіи, воззванія бѣдняковъ и неблагодарность за усердную работу! Это была спертая атмосфера, которая время отъ времени вызывала въ его артистической душѣ глубокое отвращеніе.

Вотъ хотя бы взять этого предсъдателя нижней палаты, который послъ ухода его превосходительства былъ опорой всей партіи! Въдь это простой крестьянинъ, только-что оставившій свою соху, человъкъ, которому никогда не приходилось учиться хорошимъ манерамъ, рабочій въ платьъ изъ домотканнаго сукна съ полосами на штанахъ отъ сърныхъспичекъ. Но зачъмъ такъ далеко ходить? Стоитъ только вспомнить того крестьянина, который продалъ новость о безчестіи своей дочери за деньги, за звонкую монету! Нътъ, этому нътъ конца, это бездонное болото! Въдь онъ долженъ былъ прямо торговаться съ этимъ негодяемъ, чтобы хоть сколько-нибудь удержать его въ границахъ приличія.

И такъ было повсюду. Ни воспитанности, ни благородства, одна грубость, куда ни посмотришь. Неужели же онъ не съумъетъ исправить этого? Но что-нибудь надо во всякомъ случат сдълать. И это также входило въ его великій замыселъ,—покорить вст сердца и подчинить себт всю страну. Пусть его газету читаетъ не одна только чернь, пусть заговорятъ о немъ также и болте высокіе слои общества. Никто не знаетъ, какую цъль онъ себт поставилъ.

"Ну, теперь я уйду,"—говоритъ Лепорепло, видя, что редакторъ все еще не выходитъ изъ задумчивости.

"Подождите минутку, тогда мы выйдемъ вмѣстѣ, я готовъ." На этотъ разъ произошло то же самое, что и много разъ раньше,—когда редакторъ шелъ вмѣстѣ съ Лепорелло по улицѣ: пюди кланялись ему, оглядывались на него, толкали другъ друга поктемъ и указывали на него. Но кто были эти люди, обращав-

шіе на него вниманіе? Увы, это были люди средніе, неизв'встные, изъ разныхъ закоулковъ города,—это была толпа, среди которой не было ни одного избраннаго. Тэмъ не мен'ве настроеніе его немного улучшилось, его шутливость вернулась къ нему, и оба господина шли по улицѣ, тихо разговаривая. Нельзя давать себѣ волю,—пусть всѣ видятъ, что глаза у него раскрыты, а мозгъ работаетъ даже теперь. Онъ сдвинулъ шляпу еще немножко на бокъ.

Мимо нихъ проъзжають велосипедисть и велосипедистка Пюнге останавливается, велосипедистка бросила на него взглядъ, и онъ замътиль ея изящную фигуру, когда она проносилась мимо него, и онъ спрашиваетъ:

"Вы видъли эту даму? Кто она?"

И Лепорелло, который знаетъ весь городъ и который, кромъ того, узналъ въ велосипедисткъ сестру Софи Иленъ, отвъчаетъ коротко:

"Это фрекенъ Иленъ, Шарлотта Иленъ".

Бъдный Лепорелло! Онъ конечно не забылъ, какъ эта коварная Софи однажды вечеромъ провела его за носъ и представила его цълому обществу съ башмаками въ рукахъ, а потому онъ и отвътилъ такъ коротко.

Но Люнге не удовлетворенъ отвѣтомъ, онъ вдругъ вспоминаетъ нѣчто и спрашиваетъ опять;

"Иленъ?"

"Да".

Люнге вспоминаетъ, что въ кипѣ его бумагъ на столѣ лежитъ статья, которую принесъ какой-то Иленъ. Это былъ молодой человѣкъ въ сѣромъ костюмѣ, онъ вдругъ такъ ясно припоминаетъ его.

"А у этой Шарлотты есть братъ, не знаете вы?"—спрашиваетъ онъ.

"Да, у нея есть братъ", — отвъчаетъ Лепорелло, "ея братъ

кандидатъ Иленъ, слабоватый, глуповатый, но въ общемъ прекрасный человъкъ".

И Люнге снова погружается въ свои мысли, глядя вслѣдъ велосипедистамъ. Господина онъ узналъ, это былъ радикалъ Бондесенъ, который говорилъ въ рабочемъ союзѣ; но дама ему показалась совсѣмъ незнакомой. Какой странный взглядъ она на него бросила, будто она его молила о чемъ-то. Ея взглядъ поразилъ его въ самое сердце. И какъ она изящно ѣздитъ на велосипедѣ въ своемъ синемъ платъѣ, которое было настолько восхитительно коротко, насколько это было возможно. Она пронеслась мимо Люнге, какъ какое-то видѣніе, какъ сткровеніе; взглядъ молодой дѣвушки сразу воспламенилъ его.

Вдругъ онъ поворачиваетъ обратно. Онъ говоритъ Лепорелло, что забылъ что-то въ редакціи, и разстается съ нимъ.

Иленъ! Это благородное старинное имя заставляетъ сильно биться его сердце. Она сразила его своимъ взглядомъ, онъ не могъ устоять противъ ея глазъ. Что, если онъ напечатаетъ эту маленькую статью о сортахъ ягодъ, и подъ нею будетъ красоваться одно изъ лучшихъ именъ въ странѣ. Что люди скажутъ тогда? Что такое? Иленъ, въ "Газетъ"! Это можетъ доставить ему столько же уваженія и столько же подписчиковъ, сколько большой скандалъ со священникомъ. Не надо упускать удобнаго случая, а имя Илена никого не заставитъ поморщить носа. А какъ это обрадуетъ его семью! Нѣтъ, стоило ему только вспомнить этотъ умоляющій взглядъ...

Люнге быстро поднимается въ редакцію и запирается тамъ. Онъ роется въ бумагахъ на своемъ столѣ и находитъ статью о "сортахъ нашихъ ягодъ". Пробѣжавъ ее, онъ разыскиваетъ послѣднюю книжку журнала Letterstedtska, которую онъ также разрѣзаетъ и просматриваетъ. Немного спустя онъ уже все выяснилъ себѣ, планъ готовъ въ его головѣ, и онъ начинаетъ писать.

Статья Илена должна была быть помѣщена уже на другой день, напечатаніе ея нельзя было больше откладывать ни на

одинъ день. Правда изъ-за нея придется кое-что выкинуть изъномера, но дълать было нечего. Сообщеніе о лекціи предсъдателя нижней палаты и воззваніе прачки придется отложить до слъдующаго раза,—невозможно было найти мъста въ газетъ для всего.

VI.

Въ помъ у вдовы Иленъ всъ были поражены и не могли опомниться отъ счастья, когда статья Фредрика была напечатана. Всѣ потеряли уже надежду на это. Самъ Фредрикъ печально покачивая головой, говорилъ, что его статью, конечно, бросили въ корзину для бумаги; мать въ такихъ дълахъ ничего не понимала, но лумала, что разъ статью не напечатали, то значитъ, она не годилась. И руки ея работали усерднее, чемъ когда-либо. Фру Иленъ стало казаться, что вокругъ нея собираются тучи, чего раньше эта добрая женщина никогда не замъчала. Она никакъ не могла понять, что случилось съ Шарлоттой за последній месяцъ; дочь вдругъ совершенно потеряла всякое желаніе работать. — она только и думала о томъ, какъ бы надъть свое новое синее платье и увхать куда-нибудь на велосипедв. А этотъ молодой человъкъ. Бондесенъ, продолжалъ увиваться вокругъ нея, и въ этомъ ничего дурного не было, такъ какъ, повидиму, и онъ также очень нравился Шарлоттъ. Но, Боже мой, разъ этотъ моподой человъкъ не хочетъ больше продолжать своихъ занятій, чтобы выйти въ люди, то и это не такъ, какъ должно было быть; правда, отецъ его богатый землевладълецъ, но это ничуть не обезпечивало сына и не давало ему возможности жениться.

Кромъ того, у бъдной фру Иленъ была еще одна забота, которая приносила ей не мало огорченія:—дъло въ томъ, что ея жилецъ, господинъ Хёйбро, пришелъ къ ней на-дняхъ и отказался отъ ея угловой комнаты. Это было какъ разъ на другой

день послѣ собранія въ рабочемъ союзѣ, на которомъ присутствовала вся семья. Когда онъ сказалъ ей о своемъ отказъ, то она всплеснула руками и спросила, почему онъ хочетъ оставить ихъ; быть можетъ, онъ недоволенъ чъмъ-нибудь опредъленнымъ? Она постарается сдълать такъ, чтобы всъ неудобства были устранены, чтобы все было такъ, какъ онъ этого желаетъ. Когда Хёйбро увидалъ, какъ она не хочетъ, чтобы онъ отказался отъ комнаты, то онъ согласился остаться, но при этомъ лицо у него было довольно грустное, словно онъ покорялся своей участи. Впрочемъ, онъ сказалъ, что и онъ не желаетъ ничего лучшаго, какъ остаться у нихъ, но что онъ предпочиталъ бы жить поближе къ банку, гдъ онъ работаетъ. Да, онъ остался; но уже нельзя было больше поручиться за то, что онъ въ одинъ прекрасный день опять не откажется и уже безповоротно. Онъ почти совствить пересталь появляться въ комнатахъ Иленовъ и былъ очень молчаливъ.

Все это вмѣстѣ заставляло фру Иленъ смотрѣть нѣсколько мрачно на будущее.

Вотъ и на Фредрика она возлагала такія большія надежды, когда онъ покончилъ со своимъ ученьемъ. Она, конечно, понимала, что онъ не геній, что онъ самый обыкновенный молодой человѣкъ съ средними способностями; впрочемъ, и это внушила ей Софи, которая въ сущности была гораздо сообразительнѣе своего брата во многихъ отношеніяхъ. Но человѣкъ, который окончилъ полный курсъ образованія, не могъ сидѣть сложа руки, онъ долженъ былъ хоть какимъ-нибудь образомъ примѣнить свой познанія къ чему-нибудь, онъ долженъ былъ найти способъ зарабатывать свой хлѣбъ. Бондесенъ и дѣвочки возлагали такъ много надеждъ на статью Фредрика, но фру Иленъ приходила въ отчаяніе отъ того, что она такъ и не появлялась. У нея являлась даже мысль отправить Фредрика въ Америку, разъ здѣсь изъ него ничего не выходитъ; вѣдь туда уѣзжало такъ много очень хорошихъ людей, она знала многихъ изъ нихъ.

И вдругъ дъла сразу получили другой оборотъ. Въ одинъ прекрасный день "Газета" выпустила буквально Иленовскій номеръ: на видномъ мъстъ была напечатана статья Фредрика, а ниже была замътка о самомъ Фредрикъ. Весь домъ пришелъ въ волненіе, даже Хёйбро пожалъ руку хозяйкъ со страннымъ выраженіемъ на лицъ, когда она разсказала ему о великомъ событіи. А Бондесенъ кричалъ во все горло, онъ былъ внъ себя отъ восторга и гордился тъмъ, что былъ причиной всего этого. Дъйствительно, имъ пришлось ждать очень долго, и даже увъренность Бондесена въ успъхъ стала колебаться, хотя онъ въ этомъ и не признавался. Но не успълъ выйти Иленовскій номеръ, какъ онъ бросился на велосипедъ и явился къ Иленамъ. Ну что! Развъ онъ не говорилъ? Ни разу, ни на одну минуту онъ не терялъ своей въры въ Люнге, развъ когда-нибудь Люнге зъвалъ въ подобныхъ случаяхъ? Развъ не онъ первый открылъ студента Эйена, писателл Эйена, въ талантъ котораго онъ первый убъдился? Ничто не укрывалось отъ вниманія Люнге; акто говорилъ противное, тотъ, видно, не читалъ "Газеты".

Больше всего Бондесенъ гордился тъмъ, что по отношенію къ заглавію случилось именно такъ, какъ онъ это предсказывалъ. Статья уже не имъла заголовка: "Нъчто о сортахъ нашихъ ягодъ". Развъ на это обратилъ бы кто-нибудь вниманіе? Теперь надъ статьей красовались три заглавія, одно надъ другимъ, громадными буквами: Ягоды. 2 милліона сбереженій. Народный вопросъ. Вотъ это заглавіе бросалось въ глаза! Вотъ какъ великій редакторъ дълаетъ статью достойной вниманія, облагораживаетъ ее! Теперь читатели ни за что не пропустятъ статьи, разъ дъло идетъ о народномъ вопросъ въ два милліона. Въдь это, такъ сказать, сама жизнь!

И рядомъ съ этой статьей, напечатанной крупнымъ шрифтомъ, была напечатана на первой же страницъ редакціонная замътка мелкимъ шрифтомъ съ двойнымъ разстояніемъ между строкъ, въ которой публику знакомили съ самимъ Иленомъ: Господинъ

Иленъ, сенсаціонную статью котораго о сортахъ нашихъ ягодъ мы помѣщаемъ сегодня въ нашей газетѣ, опубликовалъ въ послѣдней книжкѣ Letterstedtska Tidskrift статью о грибахъ, которая отличается выдающимися достоинствами, какъ въ научномъ, такъ и въ стилистическомъ отношеніи, и которая возбудитъ большіе споры. Это блестящій анализъ съѣдобныхъ и ядовитыхъ грибовъ, грибовъ съ запахомъ и грибовъ съ самой яркой и красивой окраской. Если господинъ Иленъ и впредь будетъ опубликовывать подобныя статьи, то можно съ увѣренностью сказать, что въ Норвегіи появилось однимъ ученымъ болѣе.

Самъ Иленъ читалъ замѣтку съ большимъ сомнѣніемъ и съ недовѣріемъ, —онъ былъ честенъ и сознавалъ свою незначительность. Однако Бондесенъ уничтожилъ всѣ его сомнѣнія. Что? Онъ еще недоволенъ? Вѣдь это было напечатано въ "Газетѣ!" И Бондесенъ телеграфируетъ своему отцу о присылкѣ нѣсколькихъ кронъ, чтобы отпраздновать это событіе.

Между тъмъ друзья ръшили, что Илену необходимо пойти къ Люнге и поблагодарить его за вниманіе. И Иленъ пошелъ. Но на улицъ онъ случайно встрътился съ Хёйбро, который отсовътоваль ему итти къ редактору. Лучше не дълайте этого, сказалъ Хёйбро, Богъ знаетъ, стоитъ пи вамъ итти къ кему.. мнѣ кажется, что лучше не ходитъ. Однако оказалось, что Хёйбро ошибался, и что Иленъ сдълалъ хорошо, что пошелъ къ Люнге. Тотъ принялъ его необыкновенно любезно, спросилъ, надъ чѣмъ онъ теперъ работаетъ, и выразилъ надежду на его дальнѣйшее сотрудничество. Въ концѣ концовъ Иленъ получилъ оченъ кругленькую ассигновку за свою статью. Да, Иленъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что пошелъ къ Люнге и поблагодарилъ его.

У Хёйбро всегда были какія-то особенныя сужденія относительно всего; а онъ даже и не сознавалъ, что эта его способность дѣлала его очень страннымъ, даже смѣшнымъ. Съ того самаго вечера, когда онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ неудачнымъ выступленіемъ въ рабочемъ союзѣ, онъ какъ-то измѣнился, поблѣднѣлъ, сталъ молчаливъ и даже какъ будто дичился людей. Всѣ въ домѣ старались по мѣрѣ силъ заставить его забыть свое фіаско, но Хёйбро смѣялся надъ этими дѣтскими попытками и продолжалъ упорно насмѣхаться надъ громкими словами лѣвыхъ о свободѣ, демократизаціи и прогрессѣ, которыя произносились съ кафедры въ рабочемъ союзѣ.

Разъ какъ-то утромъ онъ встрѣтился съ Шарлоттой на лѣстницѣ, и оба они невольно остановились, а она даже слегка покраснѣла. Хёйбро не могъ удержаться и спросилъ, улыбаясь:

"А вы еще не въ синемъ платьъ фрекенъ?" И говоря это, онъ посмотрълъ на часы и добавилъ иронически: "Въдь ужъ половина девятаго".

Но это было слишкомъ. Кто знаетъ, быть можетъ Шарлоттъ самой уже не доставляло больше такого удовольствія ея синее платье, какъ всѣ это думали. Но что ей было дѣлать? Бондесенъ уговаривалъ ее ѣхать съ нимъ, велосипедъ былъ всегда вычищенъ, и ей оставалось только надѣть велосипедный костюмъ. Она не промолвила ни слова въ отвѣтъ на шутку Хёйбро, только углы ея рта слегка подергивались.

Онъ увидѣлъ что она обидѣлась, и ему захотѣлось загладить свою вину. Что бы тамъ ни было, но лучше нея никого не было на всемъ свѣтѣ, и теперь когда онъ позволилъ себѣ по отношеню къ ней такую злую выходку, она простила его и не ушла, а продолжала стоять у дверей. Это болѣе, чѣмъ онъ заслуживалъ.

"Простите, меня", сказалъ онъ. "Не буду обманывать васъ, говоря, что не хотълъ оскорбить васъ, потому что я этого именно и хотълъ. Но я раскаиваюсь въ своемъ чоступкъ".

"Мнъ кажется", отвътила она, "что вамъ должно быть совершенно безразлично, какое на мнъ платье,—синее, или сърое".

"Да, да", отвътилъ онъ.

Въдь она сказала правду. Онъ взялся за шляпу и хотълъ уходить.

"Я только хотъла сказать", добавила она, "что васъ это не

можетъ итересовать. Въдь вы даже и не заглядываете къ намъ больше".

Онъ, конечно, прекрасно понялъ эту любезность, которой она хотъла загладить предыдущія слова. И онъ отвътилъ такъ-же осторожно, такъ-же холодно: "Да, у меня теперь накопилось много дъла и мнъ приходится усердно работать". Съ этими словами онъ слегка улыбнулся и поклонился очень низко.

Въ этотъ вечеръ вся семья отправилась въ театръ на деньги Фредрика, и Хёйбро остался дома одинъ. Онъ смотрълъ въ книгу, но читать не могъ. Шарлотта поблѣднѣла. Нельзя сказать, чтобы она отъ этого подурнъла, нътъ, ея тонкое лицо съ пухлыми губами, сдълалось еще нъжнъе, еще прекраснъе. Кажется, не было ничего, что не шло бы къ ней. Но не мучило ли ее что-нибудь, не было ли у нея какой-нибудь заботы? Хёйбро казалось также, что въ ея отношеніяхъ къ Бондесену произошла нѣкоторая перемѣна, — они стали какъ будто ближе друъ къ другу, разъ онъ видълъ даже, какъ они шептались въ передней. Ну, ему во всякомъ случать не было до этого никакого дъла. Да и сегодня утромъ, когда онъ встрътился съ ней на лъстницъ, она покраснъла вовсе не изъ за него, что впрочемъ, уже ясно было по ея словамъ, которыя она ему потомъ сказала. Ну, что же изъ этого? Стисни зубы, сожми кулаки, Лео Хёйбро! Теперь для него остается только одно: поскоръе покончить со своимъ непріятнымъ дѣломъ въ банкѣ и затѣмъ постараться найти успокоеніе при помощи работы и чтенія. Впрочемъ, что касается до банка, то это дѣло было бы уже покончено, если бы только добрая фру Иленъ не пришла къ нему надняхъ и не попросила у него въ долгъ денегъ, до полученія своей пенсіи за полгода. Въ этой услугъ Хёйбро не могъ отказать ей, онъ видълъ въ ея просъбъ доказательство ея дружескаго отношенія къ нему, и это его очень тронуло. Можетъ быть, ему удастся расчитаться съ банкомъ какимъ-нибудь инымъ способомъ, можетъ быть онъ найдетъ возможность сократить свои расходы, отказать

себъ иногда въ объдъ; кромъ того, у него въдь есть еще часы, пальто, въ которыхъ онъ не особенно нуждался. Въ банкъ во всякомъ случаъ будетъ во время внесено то, что должно быть внесено.

На этотъ разъ отецъ Бондесена не послалъ сыну такъ много денегъ, какъ онъ просилъ, но онъ всетаки не совсѣмъ остался глухъ къ просъбѣ сына, и денегъ хватило и на то, и на другое, а Бондесенъ конечно и не подумалъ отложить ни одного шиллинга и пустилъ въ ходъ всѣ деньги.

"Да дай же мнѣ откупорить бутылки!" сказалъ онъ, отнимая штопоръ у Илена. "Въ тѣлесномъ спортѣ я такъ же опытенъ, какъ ты въ духовномъ, ха-ха".

Настроеніе стало сразу приподнятымъ, Фру Иленъ предложила уговорить также и Хёйбро присоединиться къ нимъ; но по всей въроятности Хейбро услышалъ хлопанъе пробокъ, и онъ стоялъ уже со шляпой въ рукъ, готовясь уйти, когда къ нему вошла фру Иленъ. Спасибо, онъ не могъ притти. Онъ былъ приглашенъ на партію въ карты, онъ вернется домой очень поздно.

Бондесенъ крикнулъ черезъ двѣ комнаты, двери которыхъ были раскрыты: "Послушайте, да идите же сюда! Я вовсе не сержусь на васъ за то, что вы говорили противъ меня въ рабочемъ союзѣ. Я привыкъ уважать искреннія убѣжденія всякаго человѣка".

Тутъ Хёйбро разразился короткимъ беззвучнымъ смѣхомъ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

"Что за медвъдь!" сказалъ Бондесенъ спокойно, "съ нимъ любезны, а онъ отвъчаетъ на это хохотомъ".

Немного спустя, въ передней раздался звонокъ. Иленъ пошелъ самъ отворять дверь и оставилъ дверь въ комнату раскрытой, такъ какъ былъ увъренъ, что это почтальонъ, которому онъ скажетъ только спасибо и запретъ дверь.

Но это былъ не почтальонъ, это былъ редакторъ Люнге.

Пораженный Иленъ отступилъ назадъ; но Люнге улыбнулся и сказалъ, что пришелъ къ нему по одному маленькому дълу, онъ проходилъ мимо и зашелъ на минутку.

Иленъ совсѣмъ растерялся отъ такой великой чести и крикнулъ въ комнату черезъ раскрытую дверь:

"Мама, это господинъ редакторъ Люнге, можетъ быть ты"...

Фру Иленъ сейчасъ же вышла въ переднюю и самымъ сердечнымъ образомъ просила редактора войти. Для нихъ это такое удовольствіе, такая честь...

И Люнге позволилъ уговорить себя и вошелъ.

Дъло въ томъ, что спекуляція съ именемъ Илена оказалась удачной. Помимо того, что люди были поражены открытіемъ новаго генія и той новостью, что при соотвѣтствующемъ обращеніи съ нашими ягодами можно сделаться капиталистомъ и обогатить страну на два кругленькихъ милліона, Люнге снова обратилъ на себя вниманіе своей безпристрастностью и готовностью, съ которыми онъ призналъ человъка даже изъ враждебнаго лагеря. Люнге, и только Люнге могь это сдълать! Развъ кто-нибудь другой былъ бы способенъ на это? Онъ былъ и остался единственнымъ въ своемъ родъ. Впрочемъ, уже раньше были доказательства безпартійности этого человѣка, который открылъ писателя Эйена. Въдь онъ зналъ о немъ только то, что это геній, но онъ въ то же время могъ быть самымъ крайнимъ правымъ. Всёмъ было также извъстно, что онъ отрекся отъ своего собственнаго Лепорелло, послѣ его ночного похожденія. Да, Люнге дѣйствительно сознавалъ высокое призваніе печати! И такимъ способомъ онъ привлекалъ къ себъ много подписчиковъ.

И теперь, благодаря своей удивительной находчивости онъ напалъ на одну идею, необыкновенно удачную идею, потому то онъ и пришелъ къ Иленамъ безъ дальнъйшихъ церемомоній. Ради этого ему пришлось отказаться отъ присутствія на лекціи предсъдателя нижней палаты; но не было никакой возможности присутствовать вездъ. А кромъ того въдь

онъ былъ на большомъ собраніи въ рабочемъ союзѣ, и должны же быгь предѣлы тѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявлять одному человѣку.

Онъ сейчасъ же обратился къ Илену и сталъ излагать то дѣло, по которому пришелъ къ нему: въ послѣдній разъ, когда господинъ Иленъ былъ у него въ конторѣ, онь забылъ спросить у него разрѣшенія напечатать въ "Газетъ" содержаніе его статьи о производствѣ очищенныхъ дрожжей прежде, чѣмъ эта статья появится въ печати. Если онъ не можетъ получить всей статьи, то не можетъ ли Иленъ датъ ему хоть часть ея или ея содержаніе вкратцѣ. Онъ обращается къ нему съ этой просьбой, имѣя въ виду пекарни и вообще печеніе хлѣба; ему такъ хотѣлось бы и въ этой области внести нѣкоторое улучшеніе,—насколько это въ его силахъ.

Но оказалось, что Иленъ успѣлъ уже отослать свою статью въ одинъ журналъ, въ маленькій популярный журналъ, въ которомъ печатали всякую всячину; онъ надѣялся, что тамъ его статью примутъ. Онъ сказалъ, что статья уже отослана, какъ это и было на самомъ дѣлѣ.

Тогда Люнге отвътилъ:

"Въ такомъ случав верните ее телеграммой. Мы, конечно, заплатимъ за все."

И Иленъ, преисполненный глубокой благодарности, объщалъ телеграфировать и вернуть статью.

Тутъ добрая фру Иленъ не могла больше сдерживаться и чуть не со слезами на глазахъ стала благодарить Люнге за все, что онъ сдълалъ для Фредрика. Онъ доставилъ имъ всъмъ такую радость, и это было такъ неожиданно и незаслуженно, — они считаютъ себя въ неоплатномъ долгу передъ нимъ.

"Дорогая фру Иленъ, мы только исполнили нашъ долгъ", отвътилъ Люнге.

"Однако, кромъ васъ ни одинъ человъкъ не нашелъ, что это его долгъ".

"Да", сказалъ онъ, "у различныхъ редакторовъ различные взгляды на задачи печати".

"Да, это, конечно, такъ. Но мы искренно благодарны вамъ, и мы никогда не забудемъ, что вы первый оказали поощреніе". Люнге отвътилъ шутливо съ улыбкой:

"Очень радъ, что на мою долю выпала честь оказать должное таланту. Въдь мы, лъвые, вовсе не людоъды".

Тутъ Эндре Бондесенъ громко расхохотался и ударилъ себя по колънямъ. До этого мгновенія онъ сидълъ, онъмъвь отъ восторга, и не шевелился; замъчательно было то, что когда Люнге пришелъ, то онъ уже былъ немного навеселъ, но онъ сейчасъ же отрезвълъ. Къ счастью оказалось, что они выпили не все, что еще не всъ бутылки были опорожнены. Когда Люнге предложили выпить рюмку, то онъ сейчасъ же согласился безъ всякихъ церемоній и поблагодарилъ. Въ этотъ вечеръ онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа.

Онъ сказалъ Шарлоттъ комплиментъ по поводу ея изящной ъзды на велосипедъ и заставилъ ее покраснъть. Раза два онъ наклонялся къ ней, чтобы полюбоваться на ея рукодъліе; вообще же онъ былъ очень сдержанъ и разговаривалъ главнымъ образомъ съ мужчинами, словно онъ пришелъ только исключительно для того, чтобы переговорить о стать илена. Всъ его взгляды, которые снъ искоса бросалъ на Шарлотту, не должны были означать ровно ничего. А какая она была все таки очаровательная, какая молоденькая и цвътущая! Ея рыжеватые волосы отливали золотомъ при свътъ лампы, онъ никогда ничего подобнаго не видалъ; а брови почти сходились надъ переносицей. Даже маленькія розовыя родимыя пятнышки на ея лицъ приводили его въ восторгъ. Кровь заиграла, какъ у юноши, въ жилахъ этого пожилого человъка, его живые глаза блестъли, и онъ все время улыбался отъ влюбленности. Къ тому же онъ чувствовалъ себя такъ корошо въ этомъ уютномъ семейномъ кругу, среди молодыхъ дѣвушекъ и ихъ поклонниковъ! Старое, хорошее имя семьи

чувствовалось во всемъ, оно проявлялось въ рѣзьбѣ старинной мебели, въ нѣсколькихъ фамильныхъ портретахъ, висѣвшихъ на стѣнахъ, оно звучало въ каждомъ словѣ, сказанномъ этими людьми, у которыхъ было врожденное благородство и у которыхъ воспитаніе было въ крови. И Люнге не замѣчалъ, какимъ ветхимъ и потертымъ все стало у фру Иленъ, онъ не видалъ недостатковъ, онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, какъ голодный человѣкъ, который наконецъ добрался до тарелки и наслаждается. Щиты на стѣнахъ были, конечно, старинной художественной работы, а рюмка, изъ которой онъ пилъ дешевое шампанское, была хрустальная. А какъ пріятно пить изъ хрустальной рюмки!

Онъ нехотя всталъ, чтобы уходить, отъ всего сердца поблагодарилъ за пріятно проведенное время и пошелъ къ двери.

"Итакъ я буду ждать вашей статьи въ самомъ непродолжительномъ времени", сказалъ онъ Илену, "до свиданія!".

Люнге пошелъ дальше по Хегдехаугену въ противоположную сторону отъ сврего дома, на окраину города, гдѣ улицы были шириною съ поле, а дома стояли на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Онъ искалъ господина Конгсвольда, своего товарища по университету, который служилъ въ департаментѣ юстиціи. Люнге хотѣлъ подготовить почву для того, чтобы вывѣдать отъ него одну тайну, когда это ему понадобится. Эта блестящая мысль вдругъ пришла ему въ голову въ то время, какъ онъ сидѣлъ у Иленовъ. Даже тамъ среди обстановки, которая такъ импонировала ему, лицомъ къ лицу съ молодой дѣвушкой, которая произвела на него такое сильное впечатлѣніе, онъ сохранялъ спокойствіе и полное самообладаніе, и его живой умъ ни на минуту не переставалъ работать. Не даромъ онъ былъ великимъ редакторомъ.

Наконецъ онъ находитъ скромное жилище Конгсвольда и входитъ къ нему.

"Не пугайся", говоритъ онъ и улыбается; онъ все еще въ радужномъ настроеніи, а потому онъ продолжаетъ шутить. "Я пришелъ вовсе не для того, чтобы интервьюировать тебя".

Но Конгсвольдъ, который чувствуетъ себя польщеннымъ этимъ посъщенемъ, смущается и стоитъ молча, онъ даже забылъ, что былъ когда то на "ты" съ редакторомъ. Люнге по товарищески пожимаетъ ему руку и, какъ всегда, онъ неотразимъ. Немного погодя товарищи усълись у стола и начали бесъдоватъ.

Судьбы ихъ были различны. Люнге посчастливилось, онъ сталъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ людей въ странѣ, онъ былъ могущественъ и могъ однимъ своимъ словомъ заставить склониться передъ собой и провести свое желаніе. Конгсвольдъ пѣтъ двѣнадцать-четырнадцать просидѣлъ въ департаментѣ, и отъ вѣчнаго писанья у него даже пальцы скрючились. Жалованье онъ получалъ ничтожное, и рукава его сюртука лоснились отъ ветхости. Да, на государственной службѣ повышеній приходилось ждать очень долго.

Люнге спросилъ:

"Ну, какъ поживаешь? Хорошо ли ты устроился?"

"Не очень-то хорошо, " отвътилъ Конгсвольдъ, "перебиваюсь кое-какъ со дня на день ".

"Вотъ какъ".

И Люнге сталъ осматриваться по сторонамъ. Обстановка комнаты была не слишкомъ роскошна для жилища чиновника королевскаго департамента. Эта довольно большая комната составляла все жилище его товарища. Когда онъ бывалъ дома, то ему приходилось всегда находиться среди этихъ стульевъ, этого письменнаго стола, этого шкапа, этой кровати. На одной изъ стънъ висъло его пальто и покрывалось пылью.

"Мнѣ кажется, Конгсвольдъ, что ты подвигаешься по службѣ очень медленно", говоритъ Люнге.

"Да, къ сожалѣнію," отвѣчаетъ Конгсвольдъ, "конечно можно было бы подвигаться быстрѣе".

"Ну, скоро дѣло пойдетъ лучше, не сегодня, завтра правительство падетъ, и тогда у тебя, конечно, будетъ больше шансовъ выдвинуться. Вѣдь ты правый?"

"Да".

"Да, правительство уйдетъ, оно должно уйти. Мы не будемъ больше щадить его".

"Да вы и до сихъ поръ не очень то щадили его",

"Да, къ счастью мы настолько еще единодушны. Мы прощаемъ лѣвому правительству, если оно споткнется, если оно изъ слабости сдѣлаетъ какую-нибудь маленькую уступку противной партіи,—мы прощаемъ ему грѣхи, происходящіе отъ безсилія. Но здѣсь идетъ рѣчь о сознательной непорядочности, о нарушеніи вѣрности и законовъ, о серьезномъ вредѣ,—а этого мы никогда не простимъ!"

Между прочимъ Люнге пришелъ попросить его объ одной услугъ, объ одномъ маленькомъ одолженіи, но онъ боится, не пришелъ ли онъ напрасно?

Для Конгсвольда будетъ большимъ одолженіемъ оказать редактору услугу, если только ему представится возможность.

"Дъло идетъ о новыхъ назначеніяхъ въ департаментъ юстиціи", говоритъ Люнге. "Ты, въроятно имъешь къ этому какоенибудь отношеніе, будешь пересылать бумаги?"

"Право, не знаю".

"Ну, время терпитъ, — до этого, въроятно еще не скоро дойдетъ. Но мнъ хотълось только заранъе уговориться съ тобой. Если тебъ придется отсылать бумаги, то ты могъ бы оказать мнъ эту услугу".

"Какимъ образомъ?"

"Ты могъ бы дать мнв списокъ въ тотъ день, какъ ты будешь отправлять его въ Стокгольмъ".

Конгсвольдъ молчитъ.

"А есла этимъ дъломъ займется кто-нибудь другой, а не ты, то тебъ во всякомъ случаъ легко будетъ узнать, кого назначаютъ.

Мнъ очень хотълось бы, чтобы моя газета первая сообщила объ этомъ, понимаешь—только этого я и хочу".

Конгсвольдъ продолжалъ обдумывать.

"Право на знаю, могу ли я это сдълать", говоритъ онъ. "Номожетъ быть, это ужъ не такъ опасно?"

Люнге начинаетъ смѣяться.

"Само собою разумѣется, что твое имя нигдѣ не будетъ фигурировать. Ужъ не боишься же ты, что я тебя выдамъ, старый другъ? Я пришелъ съ этой просьбой только ради своей газеты, вѣдь эти назначенія сильно интересуютъ всю страну, и я хотѣлъ, чтобы "Газета" первая раскрыла эту тайну. Ты сдѣлаешь мнѣ чисто дружескую услугу, больше ничего".

И вотъ тутъ Люнге пригодилось, что онъ принялъ въ свою газету Илена, этого человъка съ именемъ, которое изъ поколънія въ покольніе принадлежало всегда людямъ съ правымъ направленіемъ. Онъ сейчасъ же заговорилъ объ Иленъ; конечно, это его политическій противникъ, но это не мъшало ему признаватъ талантъ Илена. Въ этомъ отношеніи онъ не похожъ на другихъ лъвыхъ, которые слъпо и упорно стоягъ на одной точкъ; да, въ своихъ убъжденіяхъ онъ былъ непоколебимъ, но, Боже ты мой, въдь есть же порядочные люди и у правыхъ, и онъ научился уважать многихъ изъ нихъ.

Конгсвольдъ дѣйствительно обрадовался, когда увидалъ имя Илена въ "Газетѣ". Его сердце праваго преисполнилось глубокой благодарностью къ Люнге за этотъ поступокъ. Въ этомъ Конгсвольдъ признается съ улыбкой и не безъ нѣкотораго смущенія.

Кстати, Люнге будетъ считать своей нравственной обязанностью содъйствовать тому, чтобы Конгсвольдъ получилъ повышеніе по службѣ, и въ этомъ отношеніи "Газета" окажетъ ему необходимую поддержку. И это будетъ сдълано вовсе не въ видѣ воздаянія за его услугу, но просто изъ чувства справедливости. Нельзя сказать, чтобы "Газета" не имъла никакого вліянія, да и впредь она будеть имъть извъстную силу.

И товарищи пришли къ соглашенію въ этомъ маленькомъ дълъ.

Конгсвольдъ нашелъ бутылку хереса въ буфетѣ, и Люнге ушелъ отъ него только часа два спустя. Онъ потиралъ себѣ руки отъ удовольствія. Сегодня онъ былъ дѣятеленъ и ему везло, этотъ день не пропалъ даромъ.

По дорогѣ домой онъ сталъ припоминать, что будетъ помѣщено завтра въ "Газетѣ". Да, онъ былъ въ ударѣ, когда писалъ свою маленькую остроумную статью о собраніи правыхъ въ Трондъемѣ; въ этихъ нѣсколькихъ словахъ было много ядовитаго остроумія, въ немъ снова вспыхнуло былое пламя, когда онъ писалъ это. Въ общемъ этотъ номеръ, который долженъ былъ появиться завтра, будетъ очень удачнымъ по содержанію. Въ особенности онъ ожидалъ многаго отъ статьи въ четыре столбца объ агентѣ Іенсенѣ въ Осло, который велъ подозрительную торговлю сукнами и отказался показать свои книги представителю "Газеты". Нельзя безнаказанно оскорблять современную печать.

VII.

На этотъ разъ Фредрику Илену не пришлось долго ждать напечатанія своей второй статьи въ "Газетъ. Эта небольшая статья о приготовленіи очищенныхъ дрожжей, составленная по статьямъ, взятымъ изъ нъмецкихъ журналовъ, состоящая изъ добросовъстныхъ и осторожныхъ заключеній по нъкоторымъ опытамъ, и отличавшаяся честнымъ отношеніемъ Илена къ дълу,— эта маленькая статья, въ которую авторъ вложилъ много усердія, была помъщена на самомъ видномъ мъстъ въ "Газетъ" и производила импонирующее впечатлъніе. Самъ Иленъ не могъ себъ представить, чтобы его работа заслуживала такой чести.

Теперь о немъ начали говорить, люди обращали на него вниманіе на улицѣ; какъ жалко, что такой человѣкъ не получаетъ никакого назначенія, въ его распоряженіи должна была бы быть лабораторія, хотя бы и маленькая,— во всякомъ случаѣ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы самостоятельно производить свои опыты: онъ можетъ быть, чего-нибудь и добился бы, сдѣлалъ бы какія-нибудь самостоятельныя научныя открытія. Ну, во всякомъ случаѣ, теперь онъ находится въ рукахъ Люнге, и онъ не пропадетъ.

Что касается до Люнге, то онъ не переставалъ поощрять его, старался выдвигать его и давалъ ему возможность проявлять себя. На гонораръ онъ также не скупился: за свои двъ статьи въ "Газетъ" Фредрикъ получилъ столько, что могъ оказать своей матери серьезную поддержку, кромъ того онъ пріобръть нъсколько дорогихъ книгъ. Люнге оченъ деликатнымъ образомъ взялъ всю семью Иленовъ подъ свое покровительство, даже о рукодъліи старой фру Иленъ была помъщена замътка въ его газетъ.

Изъ тъхъ или другихъ соображеній "Газета" вдругъ стала интересоваться также и спортомъ. Въ ней начали появляться телеграммы о скачкахъ и гонкахъ, имена побъдителей были напечатаны жирнымъ шрифтомъ, и статьямъ о нихъ было отведено такое видное мѣсто, что ихъ никто не могъ пропустить. Десятьдвѣнадцать велосипедистовъ изъ городскихъ обывателей и вообще всѣ, кто на чемъ-нибудь ѣздилъ, пріобрѣли въ "Газетѣ" самаго горячаго друга, который съ достоинствомъ защищалъ ихъ отъ всякихъ нападковъ; имъ была отведена особенная рубрика въ газетъ, это былъ настоящій маленькій отдълъ спорта, который всегда изобиловалъ именами участниковъ въ состязаніяхъ. Это была новая область, новая страна, которую Люнге покорилъ; каждый приказчикъ, имфвшій велосипедъ, сталъ его вфрнымъ подписчикомъ, а блѣднолицыя учительницы начали раскачивать руками и подергивали плечами, разгуливая взадъ и впередъ по Слотсбаккену. Онъ имъли необыкновенно бравый видъ при

этомъ. Въ одинъ прекрасный день въ "Газетъ" появилась мапенькая пикантная новость относительно дочери полковника Н. Н., которую видъли въ Копенгагенъ сидящей на козлахъ своего экипажа и управляющей четырьмя лошадьми. Какая замъчательная молодая дъвушка! Раза два газета пользовалась также случаемъ открыто восхищаться ъздой на велосипедъ Шарлотты Иленъ.

Вообще Люнге продолжалъ постоянно сообщать разнообразныя и интересныя злободневныя новости. "Утренняя Почта" не могла больше равняться съ нимъ; не было такого пожара далеко или близко, не было такого убійства или катастрофы съ парусной лодкой, о которыхъ въ "Газетъ" не было бы длинныхъ телеграммъ. Газета Люнге становилась все болъе и болъе необходимой въ каждомъ домъ, гдъ интересовались теченіемъ жизни.

У него явилась счастливая мысль обратиться къ своимъ знакомымъ художникамъ и другимъ остроумнымъ людямъ съ просьбой о сотрудничествъ. Эти люди, которые совсъмъ не умъли писать, да и читали не безъ труда, наполняли столбцы неподражаемымъ свъжимъ и геніальнымъ жаргономъ художниковъ, и эти столбцы читались необыкновенно легко и доставляли публикъ громадное удовольствіе. Незадолго до Рождества, когда велосипедный спортъ прекратился, и доставать матеріалъ для газеты становилось все труднъе и труднъе, судьба снова улыбнулась Люнге и ему посчастливилось наткнуться на одного священника, извъстнаго праваго, который началъ изучать соціальные вопросы и имъть охоту и мужество подълиться своими взглядами на этотъ предметъ со своими ближними. Этотъ истинно правый, да еще священникъ, который вздумалъ заниматься рабочимъ вопросомъ и финансовыми реформами, былъ для Люнге настоящей находкой. И онъ сейчасъ же принялъ отъ него цълый рядъ статей для напечатанія въ своей газеть. Ну, развъ не везло ему прямо чертовски! Быть можеть, статьи пастора не имъли значенія, быть можетъ, онѣ не отличались глубиной мысли, — его это не касалось, важно было то, что онъ еще разъ предоставилъ столбцы своей газеты одному изъ извъстныхъ въ странъ консерваторовъ. Пустъ весь свътъ видитъ, что личностъ для него не играетъ никакой роли! Конечно, не одна газета, какъ изъ среды правыхъ, такъ и лѣвыхъ, облизывалась на эгого замѣчательнаго священника, который обратился именно въ "Газету", а не въ какойнибудь другой органъ, чтобы излагать свое мнѣніе относительно соціальныхъ вопросовъ.

"Газета" должна была увеличить свой формать, такъ какъ разнообразный и богатый матеріаль и американскія заглавія переполнили ее. Подъ конець публика стала обращаться къ ней съ различными маленькими дѣлами; дѣловые люди тихо и скромно рекламировали себя на ея столбцахъ и при всякомъ удобномъ случаѣ пропечатывали свои имена. Одинъ часовщикъ, который только что открылъ магазинъ, придумалъ кормить тридцать маленькихъ дѣтей обѣдомъ, приготовленнымъ при помощи пара; и онъ самъ принесъ эту новость въ "Газету", въ которой отвели для нея видное мѣсто. Одному профессору была посвящена редакціонная замѣтка по случаю его семейнаго горя, когда у него умеръ шестилѣтній сынъ. Люнге былъ вездѣсущъ, а его агенты шныряли повсюду съ утра до вечера. И онъ былъ награжденъ тѣмъ, что число подписчиковъ все расло и расло.

Редакторъ Люнге ни за что не признался бы самому себъ, что прибъгаетъ ко всъмъ этимъ маленькимъ фокусамъ, чтобы скрыть недостатки своей газеты. Нельзя было дольше отрицать, что въ ней все больше и больше проявлялся недостатокъ прежняго пыла. Его талантъ имълъ свои границы, онъ былъ смышленнымъ деревенскимъ парнемъ съ умной головой и съ такой способностью мгновенно воспламеняться, что онъ могъ легко написать эпиграмму, но на что-нибудь болъе серьезное его не хватало; все, что выходило за предълы одного столбца, онъ долженъ былъ предоставлять писать другимъ. Въ теченіе многихъ лътъ

онъ писалъ свои замътки въ семь строчекъ, и въ нихъ онъ вложилъ всю свою иронію и всю свою горечь, и теперь силы его начали ослабъвать, и онъ все чаще и чаще давалъ свою работу другимъ. Ему никогда не приходило въ голову сдаться, уваженіе къ нему пустило слишкомъ глубокіе корни въ общественномъ мнъніи, онъ могь еще разыгрывать свою роль съ большой легкостью. Надо было только прикрывать появляющіеся недостатки новыми ухищреніями, новыми неожиданностями, — а для этого не было недостатка въ разоблаченіяхъ относительно странствующихъ проповъдниковъ въ Вестландъ и пронырливыхъ агентовъ въ Осло. Когда онъ почувствовалъ, что теряетъ свой полемическій талантъ, при помощи котораго онъ одержалъ столько блестящихъ побъдъ, онъ перемънилъ фронтъ, сдълался желчнымъ и началъ вдругъ осуждать тонъ прессы и высказывать по этому поводу самое искреннее сожалъние. Какъ грубо и недостойно спорить такимъ образомъ! Во всякомъ случаъ "Газета" не хочетъ вмъшиваться въ эти дрязги, для этого она слишкомъ высоко себя цънитъ, у нея есть болъе возвышенныя цъли, на что она и тратитъ свои силы. Нельзя даже въ печати переступать извъстныхъ границъ, которыя ставять себъ воспитанные люди въ частныхъ спорахъ; "Газета" просто не будетъ отвъчать больше на нападки, и за это ее конечно будутъ одобрять всъ воспитанные люди... Однако люди, которые хорошо знали Александра Люнге съ давнихъ поръ, никакъ не могли понять, откуда у него взялась эта идея о воспитанности.

Теперь прежде всего надо было использовать Фредрика Илена; ни одна другая газета не могла похвастать болъе благороднымъ именемъ, которое когда-то носили генералы, епископы и сановники. Молодой человъкъ очень хорошо и удачно справлялся съ вопросами о ягодахъ, и приготовленіи очищенныхъ дрожжей, и ничто не мъшало Люнге дать ему возможность заняться болъе насущными вопросами, — въдь кандидатъ естественныхъ наукъ имълъ обширныя познанія по многимъ предметамъ. И вотъ въ

одинъ прекрасный день Люнге остановилъ Илена, когда тотъ принесъ ему нъсколько столбцовъ о норвежскомъ винъ, и предложилъ ему самымъ ръшительнымъ образомъ постоянное мъсто въ газетъ, вознаграждение такое-то и такое-то

Иленъ пораженъ и смущенъ.

Люнге повторяетъ свое предложение.

Иленъ обдумываетъ его.

Тогда Люнге обращаетъ его вниманіе на то, что мѣсто это временное, такъ какъ онъ не сомнѣвается въ томъ, что вскорѣ Иленъ получитъ стипендію. А потому не могло быть рѣчи о какомъ-нибудь вѣчномъ обязательствѣ, онъ предлагаетъ ему только временное, но опредѣленное занятіе.

Иленъ находитъ предложение прекраснымъ, а вознаграждение необыкновенно высокимъ. Онъ соглашается, и договоръ заключенъ.

Конечно Илену пришлось сейчасъ же вынести маленькую стычку съ Лео Хёйбро, который счелъ нужнымъ вмѣшиваться въ чужія дѣла; онъ совѣтовалъ ему не дѣлать этого шага. Въ чемъ только Хёйбро не видалъ несчастья!

"Вы пожалѣете объ этомъ", сказалъ Хёйбро, "это спекуляція". И на глазахъ его навернулись слезы, когда онъ пожималъ руку Илена, еще разъ прося его подумать хорошенько.

Но Иленъ отвътилъ:

"Благодарю васъ за участіе ко мнѣ. Но вы должны согласиться, что предложеніе эго очень соблазнительно, и что жалованье хорошее".

Если бы даже Хёйбро просто на просто обидѣлся и рѣшилъ бы изъ-за этого уйти отъ Иленовъ, то пусть его! Слава Богу, теперь они уже больше не до такой степени зависятъ отъ другихъ, а кромѣ того, въ крайнемъ случаѣ угловую комнату могъ бы нанять Эндре Бондесенъ.

Впрочемъ, вскоръ выяснилось, что Хёйбро вовсе и не думаетъ отказываться отъ своей комнаты. Онъ ни однимъ словомъ боль-

ше не упоминалъ о постоянномъ мъстъ Илена въ "Газетъ",повидимому, онъ измѣнилъ свое мнѣніе относительно этого. Онъ сталъ еще болъе замкнутымъ и все ръже и ръже появлялся въ комнатахъ Иленовъ; дъвочки почти весь день сидъли однъ. За послъднее время Хейбро сталъ также менъе обходительнымъ и утратилъ нѣкоторую долю того расположенія, которое проявляли къ нему вначалъ Илены. Разъ какъ-то вечеромъ Софи даже серьезно разсердилась на него. И все вышло изъ за чистъйшихъ пустяковъ. Они совершенно неожиданно начали спорить о бракъ. Хёйбро никакъ не могъ понять, какимъ образомъ эта передовая дъвушка съ коротко остриженными волосами могла вмъшиваться въ такіе вопросы, какъ бракъ. Въ его глазахъ она была въ нъкоторомъ родъ мужчиной въ юбкъ существомъ третьяго пола; ему казалось, что стоитъ ее только взрѣзать, какъ изъ нея посыплется шебень. Хёйбро былъ въ скверномъ настроеніи духа и давалъ фрекень Софи дерзкіе отвъты. Шарлотта сидъла и слушала ихъ споръ, но ничего не говорила, она изръдка только дълала нетерпізливое движеніе, словно весь этотъ разговоръ быль ей непріятенъ. А между темъ Хейбро казалось, что она только и могла имъть какое-нибудь мнъніе въ этомъ вопросъ; а потому все, что онъ говорилъ, онъ говорилъ только ради нея, хотя ему и было досадно на себя за то, что онъ вообще завелъ весь этотъ разговоръ.

Споръ начался съ того, что Софи сказала въ шутку, что хотъла бы, чтобы ее повънчалъ городской фогтъ. Это практично, современно, экономно, и при этомъ нътъ ни лжи, ни шарлатанства съ именемъ Божіимъ и тому подобнымъ.

Хейбро сказалъ, что желаетъ вънчаться въ церкви. И вовсе даже не въ какой-нибудь маленькой провинціальной церкви, въ которой нътъ ни красоты, ни искусства, не въ какомъ-нибудь домъ Божіемъ, сколоченномъ какъ попало изъ бревенъ, но въ великолъпномъ храмъ Божіемъ, въ соборъ съ мраморомъ, мозаикой и колоннами. И въ церковь онъ желалъ бы поъхать въ

великолъпной каретъ, запряженной четверкою вороныхъ лошадей съ бълыми шелковыми бантами надъ ушами.

"Хо-хо, и еще чего захотъли! Ну, а невъста, какова должна быть невъста?"

Шарлотта подняла голову. Да, какова должна быть невъста? какъ будто спрашивала и она. Почему она посмотръла на него именно теперь? Лицо у нея было ясное и нъжное, лобъ невинный, какъ у ребенка.

Онъ отвътилъ:

"Невъста должна быть молода и невинна". Онъ задумался на мгновеніе и потомъ снова повторилъ, кивая головой: "да, молода и невинна".

Шарлотта вдругъ вся вспыхнула, она стала усердно считать стежки въ своей работъ, и при этомъ пальцы ея дрожали. Потомъ она начала распарывать одинъ стежокъ за другимъ, хотя, можетъ быть у нея и было вышито все върно. Богъ знаетъ, можетъ быть она порола напрасно.

Но тутъ фрекенъ Софи стала насмъхаться надъ Хёйбро. Невинна? Что онъ хотълъ этимъ сказать? Придурковата немножко, да? Безпомощная?

"Да, или во всякомъ случав менве посвященная, нежели дввушка съ ребенкомъ", отвътилъ Хёйбро грубо, "называйте это, какъ хотите".

Софи не могла больше сдерживаться, она разсердилась, стала его выспрашивать, сказала, что вопросъ о невинности чистъйшая мужская мораль, и она хотъла поймать его своими вопросами. Такъ вотъ, въ какомъ смыслъ невинна! Такъ значитъ, женщина, которая жила, страдала, плакала, уже не невинна больше? И какъ бы она ни была совершенна во всъхъ отношеніяхъ, разъ она осмълилась познать нъкоторыя стороны жизни, то... фу!

Но Хёйбро Отлично понималъ, что со стороны фрекенъ Софи это была только пустая болтовня. Эта дъвушка, въ которой было такъ мало теплоты, которой приходилось преодолъвать такія

слабыя искушенія, желанія которой были такъ сухи и спокойны, старалась показать себя опытной и прошедшей черезъ искушенія.

Онъ молчалъ; не изъ-за Софи началъ онъ этотъ разговоръ.

"Но если бы она была совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ", снова начала Софи, "то..."

"То и тогда я не женился бы на ней, нѣтъ", оборвалъ онъ рѣзко. Софи расхохоталась. Надъ чѣмъ она смѣялась? Онъ пожалъ плечами, и Софи, которая замѣтила это, вдругъ обидѣлась. Она быстро встала и сказала:

"Я предоставляю Шарлоттъ слушать вашу дальнъйшую болтовню".

И Софи ушла изъ комнаты, поблъднъвъ отъ гнъва.

Однако Хейбро и Шарлотта не обмѣнялись ни единымъ словомъ, они оба сидѣли молча. Софи возвратилась, а они такъ и не произнесли ни звука, во время ея отсутсвія. Шарлотта, которая была такъ же нѣжна и горяча, какъ ея сестра черства и холодна, конечно, была, согласна съ нимъ, онъ это видѣлъ по ея лицу, хотя она такъ и не взглянула на него больше. Она снова принялась усердно шить.

За послѣднее время вообще Шарлотта измѣнилась, она уже не была больше веселой и жизнерадостной, какъ дитя. Ну, что же, можетъ быть и у нея были свои маленькія заботы. Она начала провожать своего брата въ редакцію по утрамъ; Люнге всегда такъ любезно встрѣчалъ ее, что она съ удовольствіемъ шла въ редакцію,—это было для нея развлеченіемъ. Люнге былъ извѣстенъ своимъ умѣньемъ занимать дамъ, у него всегда была наготовѣ какая-нибудь шутка, и онъ вовсе не скрывалъ того восхищенія, которое вызывалъ въ немъ пышный бюстъ и алыя губы. Только въ обществѣ дамъ онъ становился юнымъ среди юныхъ, а потому не стоило приглашать Люнге въ такія собранія, гдѣ не было дамъ, потому что онъ тогда или совсѣмъ не являлся, или приходилъ, скучалъ нѣкоторое время и вскорѣ исчезалъ.

Нътъ, безъ дамъ для него праздникъ былъ не въ праздникъ. Стоило только посмотръть, что дълалось въ клубъ журналистовъ: двадцать пьющихъ и курящихъ мужчинъ и не одной юбки во всемъ залъ; вотъ почему Люнге по цълымъ мъсяцамъ не являлся въ клубъ журналистовъ и предпочиталъ ходить въ другія мъста.

Таковъ онъ былъ. Но никто не могъ бы сказать, что редакторъ Люнге былъ настоящимъ соблазнителемъ, этого въ немъ не было. Онъ никогда не терялъ самообладанія и ничѣмъ не рисковалъ въ сердечныхъ дѣлахъ. Если случалось, что его вожделѣнія по отношенію къ какой-нибудь женщинѣ оканчивались успѣхомъ, то онъ не терялся отъ восторга, все его существо только наполнялось веселымъ тихимъ смѣхомъ, и онъ радовался своей побѣдѣ: хи-хи-хи-хи, ты моя, да, моя! И онъ дрожалъ отъ нетерпѣнія поскорѣе добраться до лакомаго кусочка, и въ такія минуты онъ былъ вѣрнымъ изображеніемъ деревенскаго парня, ошеломленнаго всѣмъ тѣмъ великолѣпіемъ, до котораго онъ наконецъ дорвался. Чортъ возьми, какихъ только чудесъ не приключится съ человѣкомъ, когда онъ попадетъ въ городъ!

Въ первый же разъ, когда Шарлотта пришла къ нему въ редакцію, онъ бросиль свою работу и весь отдался въ ея распоряженіе. Онъ даже нашелъ какой-то предлогъ, чтобы выслать Лепорелло изъ комнаты. Онъ сейчасъ же обратилъ ея вниманіе на это и сказапъ ей честно и откровенно, что все это дѣлаетъ только ради нея, и его слова заставили ее покраснѣть, ахъ, какъ она мило покраснѣла! Маленькій влюбленный редакторъ позволилъ ей рыться въ рукописяхъ и журналахъ, сколько ей было угодно, а самъ онъ въ это время любовался на нее и старался быть пріятнымъ на всевозможные лады. Какъ онъ былъ счастливъ, что эта молоденькая дѣвушка была такъ близко возлѣ него! Но послѣ того, какъ она ушла отъ него, и онъ бросилъ ей вслѣдъ послѣдній влюбленный взглядъ, оказалось, что мозгъ его и на этотъ разъ не былъ празднымъ. Даже въ тѣ минуты, когда его сердце сильно билось отъ любви, его умъ не дремалъ.

Онъ зоветъ Илена. Иленъ теперь сидитъ въ конторѣ за столомъ секретаря. Онъ быстро встаетъ, по голосу редактора онъ понимаетъ, что дѣло касается чего-то серьезнаго.

А между тъмъ особенно важнаго ничего не было. Редакторъ спрашиваетъ его чуть не шутя, каковы его политическія убъ-

"Скажите мнъ, пожалуйста, какіе у васъ вообще взгляды на политику?"—спрашиваетъ онъ съ улыбкой.

Иленъ бормочетъ что-то относительно того, что онъ, къ сожалѣнію, плохой политикъ, до сихъ поръ у него не было времени заняться этими вопросами.

Было ли это дъйствительно искреннимъ мнѣніемъ Люнге или въ его словахъ была обычная искорка насмѣшки, но онъ сказалъ:

"Да, наука, конечно, всецъло поглотила васъ".

На это Иленъ ничего не отвѣтилъ.

"Но вы человѣкъ взрослый и вы, конечно, сочувствуете болѣе мли менѣе той или другой партіи",—продолжаетъ Люнге.

Иленъ былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе. "За послъднее время на меня оказывалъ сильное вліяніе Эндре Бондесенъ, радикалъ".

"Да, да. Да. Не примите это за давленіе въ какомъ-нибудь смыслъ. Но мнъ только хотълось.... Какъ вы относитесь къ во-просу объ уніи?".

Это была какъ разъ слабая сторона Илена, онъ былъ сторонникомъ уніи,—въ этомъ отношеніи Бондесенъ былъ безсиленъ и не могъ поколебать его убъжденій. Но зачѣмъ Люнге понадобилось знать его точку зрѣнія именно въ этомъ вопросѣ? Дошли до него какіе-нибудь слухи? Ужъ не хочетъ ли онъ отказать ему отъ мѣста?

Онъ отвътилъ честно:

"Я стою за унію. Я нахожу, что для насъ лучше всего остаться при настоящемъ положеніи вещей, такъ это полезнѣе для насъ". Пауза.

Иленъ думаетъ, что разговоръ оконченъ, онъ хочетъ уже поклониться и уйти.

"Нътъ, подождите минутку! говоритъ редакторъ. "Напишите нѣсколько статей объ уніи. Скажите честно и откровенно, что настоящее положеніе вещей наиболѣе благопріятно для насъ, скажите, почему вы это находите и изложите ваши доводы. Мы—лѣвые, но мы уважаємъ всякое искреннее убѣжденіе. Вопросъ относительно нашего собственнаго дипломатическаго корпуса представляется мнѣ довольно сложнымъ. Но я надѣюсь, что вы не хотите, чтобы мы находились въ подчиненіи у Швеціи?"

"Нѣтъ. Не болѣе, чѣмъ мы находимся въ настоящее время".

"Не болѣе, чѣмъ мы находимся въ настоящее время? Но мы вовсе не находимся въ подчинени у Швеціи, мы самостоятельное государство, по І-му параграфу основныхъ законовъ. Итакъ, напишите эти статьи въ "Газетъ", вы можете не стѣсняться и свободно высказать свое мнѣніе. А тамъ мы посмотримъ, что изъ этого выйдетъ".

Иленъ вышелъ отъ редактора и затворилъ за собою дверь.

Но какъ разъ теперь, когда Люнге такъ нуждался въ покоъ, чтобы наконецъ заняться той работой, которую онъ прервалъ ради Шарлотты, къ нему въ кабинетъ стали являться посътители одинъ за другимъ, и они мъшали ему сосредоточиться. Наконецъто ему выпало нъсколько свободныхъ минутъ, но тугъ явилась прачка изъ Хаммерсборга, она пришла въ третій разъ. А онъ совсъмъ и забылъ про ея воззваніе, со своимъ легкимъ сердцемъ, онъ даже забылъ о существованіи этой бабы. Но за что, собственно, принимаютъ всъ эти люди "Газету?" Что это, бумажка, что ли, какая-нибудь, въ которую можно заворачивать всякую дрянь, или она не бумажка?

"Я посмотрълъ ваше воззваніе, мы не можемъ напечатать его", говоритъ онъ. И, сказавъ это, онъ начинаетъ торопливо перебирать бумаги.

Женщина продолжаетъ стоять, она не говоритъ ни слова, но она и не двигается съ мъста.

"У насъ нътъ мъста для этого", говоритъ Люнге снова и протягиваетъ женщинъ ея воззваніе.

Она не принадлежала къ числу тъхъ женщинъ, на которыхъ пріятно смотръть; несмотря на то, что она занималась стиркой, сама она не отличалась чистотой. И чего она тутъ стоитъ и ждетъ? Разъ онъ далъ отвътъ, то нечего больше и ждать, его слово неизмѣнно.

"Такъ вы не можете этого напечатать?" спрашиваетъ женщина кротко.

"Нътъ. Развъ вы не можете обратиться съ этимъ въ "Вечернюю Почту?".

Женщина ничего не отвъчаетъ на это, она какъ будто не поняла его.

Люнге хватается за карманъ. Если бы у него были съ собой деньги, то онъ все-таки далъ бы ей крону, несмотря на ея непривлекательный видъ, видитъ Богъ, онъ далъ бы ей. Онъ вовсе не безсердеченъ, но ему надоѣли постоянныя приставанія этой женщины, она не трогала его больше, а денегъ у него съ собой не было. Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ, когда женщина наконецъ ушла. Какой благодарности могъ онъ ожидать отъ такой несчастной? Ни малѣйшей,—одно забвеніе было бы ему наградой за все.... Войдите!

Въ кабинетъ входитъ пожилой господинъ, Люнге встаетъ и называетъ его Биркеландомъ. Это былъ норвежскій политикъ и заводчикъ Биркеландъ, а въ настоящее время онъ также членъ королевской комиссіи. Онъ блѣденъ и печаленъ и говоритъ прерывающимся голосомъ.

"Насъ постигъ тяжелый ударъ!" говоритъ онъ.

"Ударъ? Что случилось, ужъ не умеръ ли кто-нибудь?".

И Биркеландъ разсказываетъ медленно и удрученно, что пришелъ сообщить о смерти предсъдателя нижней палаты. Онъ скончался утромъ совершенно неожиданно, безъ предварительной бользни, онъ умеръ отъ удара.

Люнге вздрагиваетъ, и онъ также потрясенъ, онъ нѣсколько разъ спрашиваетъ: "Предсѣдатель нижней палаты? Вы увѣрены въ этомъ?"... Что за несчастье! Самая крупная сила лѣвыхъ, надежда и опора во всѣхъ ихъ затрудненіяхъ! Люнге на мгновеніе весь проникается глубокой и искренней печалью, онъ сразу увидаль все значеніе этого прискорбнаго событія. Вѣдь его партія лишилась одного изъ самыхъ умныхъ и дѣльныхъ представителей въ палатѣ депутатовъ, всѣми уважаемаго человѣка, которому отдавали должное даже правые. Онъ сказалъ глухимъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ:

"Мы не можемъ никъмъ замънить его, Биркеландъ,—это ясно".

"Да, онъ незамѣнимъ. Я даже не могу себѣ представить, что мы будемъ дѣлать!".

Биркеландъ проситъ разрѣшенія поговорить по телефону, онъ хочетъ сообщить Эрнсту Сарсу о печальномъ событіи. Биркеландъ не привыкъ говорить по телефону и Люнге даетъ ему нѣсколько указаній, послѣ чего снова садится.

Да, эта потеря очень чувствительна для лѣвыхъ и тѣмъ болѣе теперь, когда надо было провести столько существенныхъ реформъ. Какъ это печально! Вдругъ Люнге начинаетъ улыбаться. Онъ сдерживается изо всѣхъ силъ, лицо у него дѣлается пунцовымъ отъ напряженія, но наконецъ онъ разражается громкимъ смѣхомъ.

Биркеландъ кончилъ говорить, отъ отворачивается отъ телефона и съ недоумъніемъ смотритъ на Люнге, который продолжаетъ еще бороться со смѣхомъ, его впечатлительность снова сказалась въ немъ, и онъ нашелъ, надъ чѣмъ посмѣяться.

"Пустяки!" говоритъ онъ, качая головой. "Наблюдали ли вы когда-нибудь за человѣкомъ, который говоритъ по телефону? Онъ киваетъ, склоняетъ голову на бокъ и на лицъ у него появляется участливое выраженіе, совсѣмъ, какъ если бы онъ стоялъ передъ живымъ человѣкомъ, а не передъ деревяннымъ ящикомъ. Да я и самъ продѣлываю все это. Ха-ха-ха!"

Однако Биркеландъ не расположенъ смѣяться, онъ слегка раздвигаетъ губы, дѣлая слабую попытку улыбнуться, чтобы быть вѣжливымъ, но его губы дрожатъ. Онъ откидываетъ со лба сѣдые волосы и беретъ свою шляпу, ему надо еще зайти кое къ кому и сообщить объ этой потерѣ. Надо дать знать также и правительству. Да, онъ дѣйствительно видѣлъ впереди одинъ только безпроглядный мракъ.

И Люнге, который снова сталъ серьезнымъ, соглашался съ нимъ.

Когда Биркеландъ ушелъ, Люнге сейчасъ же принялся готовить экстренное прибавленіе къ газетѣ съ новостью; когда выйдуть вечернія газеты, то окажется, что онъ уже опередиль ихъ,—черезъ часъ весь городъ будетъ знать о смерти предсѣдателя. И вотъ онъ написалъ превосходный экстренный листокъ, онъ сочинилъ въ нѣкоторомъ родѣ маленькое художественное произведеніе,—въ нѣсколькихъ строкахъ онъ высказалъ умершему горячую благодарность за его неутомимую общественную дѣятельность, каждое слово было полно неподдѣльнаго чувства и глубокой скорби. И Люнге самъ остался очень доволенъ своимъ произведеніемъ.

Затъмъ онъ снова принялся за письма и рукописи.

Онъ останавливается на одномъ письмѣ отъ совершенно неизвѣстнаго ему человѣка, отъ юноши, который жилъ въ бѣдной каморкѣ на Торденскіольдсгаде и у котораго не было никакихъ средствъ къ существованію; если бы у него еще было хотъ приличное платье, то онъ явился бы лично въ редактору. Просьба его заключалась въ томъ, чтобы ему дали хоть какую-нибудь литературную работу, переводъ, или что-нибудь другое; у него какъ разъ подъ рукой большой романъ, но онъ еще не готовъ и онъ не можетъ получить за него денегъ. Что-то въ этомъ письмѣ тронуло Люнге, въ немъ было столько довърія, и оно было написано такъ хорошо; на глазахъ у Люнге навернулись слезы, онъ поможетъ этому бъднягъ, дастъ ему переводную работу, — и онъ снимаетъ кольцо съ правой руки и надъваетъ на лъвую, чтобы не забыть юношу. Вечеромъ, когда снъ уходилъ изъ редакціи, онъ остановился передъ секретаремъ и сказалъ, натягивая перчатки:

"У васъ готовъ рефератъ о докладъ предсъдателя нижней палаты въ Р. L. К.?"

"Да, я только что отослалъ его въ типографію".

"Верните его, раздълите на части и печатайте по четыре вершка каждый день. Надо придумывать что-нибудь, чтобы поддерживать въ публикъ интересъ. А теперь мы устроимъ такъ, что въ нашей газетъ будетъ говорить человъкъ черезъ три недъли послъ своей смерти!"

И Люнге ушелъ, ухмыляясь надъ своей удачной выдумкой.

VIII.

Иленъ выступилъ въ качествъ политическаго писателя, котя и анонимно, отъ имени редакціи. Его статьи объ уніи произвели невъроятную сенсацію, Люнге снова привлекъ вниманіе всей страны на свою газету; но больше всего, конечно, взволновалась Христіанія, а редакторъ "Норвежца", не скрывая своего изумленія, спрашивалъ встръчнаго и поперечнаго, что эго должно означать. "Газета", которая за все время своего существованія никогда не проявляла колебанія, которая въ продолженіе двадцати лътъ изъ года въ годъ такъ глубоко ненавидъла унію и позорное братство, которая даже задъвала Его Величество, "Газета", редакторъ которой, меча молніи, съ геройской твердостью превозносилъ Гамбетту, Кастеляра и Ульянова, который писалъ хвапебные стихи въ честь польскаго возстанія и бразильскаго переворота, который каждый Божій день въ теченіе всей своей жизни журналиста пе-

чаталъ статьи, замътки и сентенціи въ истинномъ духъ лѣвыхъ и только лѣвыхъ, — "Газета" вдругъ перемѣнила фронтъ! Покажите намъ такого человѣка, который осмѣлился бы взять на себя отвътственность за радикальное измѣненіе уніи, о которомъ идетъ рѣчь, говорила она: мы можемъ смѣло утверждать, что такого человѣка не найдется!

Это были подлинныя слова "Газеты".

Иленъ выполнилъ свою задачу честно и добросовъстно. Его старая любовь къ правымъ и унаслъдованная склонность къ консерватизму заговорили въ немъ въ то время, какъ онъ писалъ эти статьи, — къ его собственному удивленію оказалось, что вліяніе Бондесена не особенно глубоко отразилось на немъ. А потому статьи его представляли собою продуктъ умъреннаго праваго, который получилъ возможность обратиться къ лъвымъ читателямъ.

Публика никакъ не могла понять этого маневра "Газеты". Органы правыхъ начали цитировать ее и ссылаться на нее; теперь уже ясно было, что "Газета" нашла наконецъ политику лъвыхъ слишкомъ крайней, даже она не нашла болъе возможнымъ продолжать безсовъстное дъло попиранія священнъйшихъ интересовъ отечества! Однако люди разумные, которые сообразили въ чемъ дъло, прекрасно сознавали въ глубинъ своей души, что со стороны Люнге это была только шутка, маленькая выходка, на которую нельзя было смотръть серьезно. На это надо было смотръть просто, какъ на дъловой фокусъ, — нътъ Люнге не такъ-то легко поймать, онъ неуязвимъ для своихъ враговъ! Онъ просто напросто позволилъ этому корреспонденту-да, корреспонденту-покувыркаться немного; статьи эти были ни болье, ни менъе, какъ корреспонденціи, за которыя сама газета не отвъчала. Эндре Бондесенъ ударялъ кулакомъ по столу и клялся всъмъ святымъ, что статьи эти не болъе, какъ корреспонденціи. Когда онъ узналъ отъ своего друга Илена, кто былъ ихъ авторомъ, то ему стало сперва досадно на то, что всъ его старанія

обратить Илена остались безъ результата; но потомъ онъ обрадовался, что былъ правъ относительно того, что статьи эти были не болѣе какъ корреспонденціи. Да, онъ это хорошо зналъ, онъ видѣлъ это по всему, никто не можетъ упрекнуть его, что у него нѣтъ чутья въ политикѣ. Конечно, Илену и въ голову не придетъ воображать себѣ, что взгляды его и "Газеты" на унію одно и то же. Правда, онъ человѣкъ науки, онъ умѣлъ обращаться съ лупой и находить грибки въ сырѣ; но сдѣлать переворотъ въ двадцатилѣтней политикѣ "Газеты"—этого онъ не могъ! Да этого никто и не думалъ.

Бондесенъ старался убѣдить въ этомъ, какъ фру Иленъ, такъ и дѣвочекъ и ничуть не старался скрыть, что онъ всей душой и всѣмъ сердцемъ несогласенъ съ Фредрикомъ въ его политическихъ взглядахъ.

Софи отвѣтила:

"Хёйбро говоритъ, что онъ ожидалъ этого, что онъ ожидалъ этого фокуса со стороны "Газеты". Онъ сказалъ это вчера".

"Ну, конечно", замѣтилъ Бондесенъ, пожавъ плечами, "нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы не зналъ Хёйбро и чего бы онъ не ожидалъ заранѣе".

Было раннее утро, дѣвочки сидѣли въ своихъ утреннихъ платьяхъ и работали; печка топилась, и полѣнья весело потрескивали; Фредрикъ еще не вставалъ.

Бондесенъ продолжаетъ:

"Я тоже встрътился вчера съ Хёйбро, но онъ мнъ ничего не сказалъ. Онъ излагаетъ свое мнъніе только дамамъ".

"Но почему бы ему и не излагать дамамъ". отвътила Софи съ сердцемъ. Ей такъ часто приходилось слышать остроты Бондесена по поводу женщинъ, что она не хотъла больше терпъть этого. Онъ былъ радикаломъ, говорилъ громкія слова о прогрессъ, стоялъ за избирательное право женщинъ, но въ глубинъ души онъ былъ твердо убъжденъ въ томъ, что женщина стоитъ ниже его. Женщина—человъкъ, она половина всего чело-

въчества, но она отнюдь не мужчина, нътъ, женщина не мужчина! Софи уже собиралась выпустить когти.

Однако Бондесенъ вывернулся. Вѣдь онъ сказалъ только, что-Хёйбро пошелъ къ дамамъ со своими умными мыслями,—онъсообщилъ только о фактѣ, вотъ и все. А ему Хейбро не сказалъни слова, напротивъ онъ избѣгалъ его.

И это было върно, Хейбро старался избъгать всъхъ на улицъ. У него не было даже пальто, часы его были "тамъ", и онъ не хотълъ кого-нибудь заставлять говорить на улицъ зимою съ человъкомъ, у котораго даже не было пальто. Ему не было холодно, нътъ, ему было совсъмъ тепло, когда онъ съежившись и пытливо озираясь кругомъ, пробирался по улицамъ въ банкъ и изъ банка домой. Но видъ у него былъ нездоровый, и это онъ самъ сознавалъ. Ну, до весны уже осталось недолго, а кромътого, весьма возможно, что ему удастся выручить свое пальто уже до еесны, Но одно было върно, ему совсъмъ не было холодно, онъ не мерзъ.

"Хёйбро ушелъ въ контору?" спрашиваетъ Бондесенъ.

"Онъ какъ разъ уходитъ", отвътила Шарлотта.

Въ передней послышались шаги Хейбро. Онъ обыкновенно уходилъ очень рано изъ дому, чтобы не встрътиться съ къмънибудь на лъстницъ.

Бондесенъ отворилъ дверь въ переднюю и позвалъ его. Слышно было, какъ онъ отвътилъ, что долженъ уйти; но когда Шарпотта подошла къ двери и кивнула ему издали, то онъ все-таки подошелъ и ласково поздоровался.

Какъ давно они его не видали! Почему онъ сталъ чуждаться ихъ?

Хёйбро улыбнулся. Нътъ, онъ вовсе не чуждается ихъ, но у него накопилось такъ много работы, право, очень много срочной работы.

"Скажите мнъ", сказаль Бондесенъ, "что вы думаете о статьяхъ объ уніи въ "Газетъ"?"

У него не было никакого мнѣнія относительно этого. "Но вы, конечно, знаете, кто авторъ этихъ статей?"

Да, онъ слышалъ объ этомъ.

"Но, можетъ быть, вы не читали этихъ статей, -- въдь вы вообще не читаете "Газеты?"

Нѣтъ, онъ читалъ эти статьи.

"Вотъ видите! Но неужели вы думаете, что сама "Газета" раздѣляетъ эти мнѣнія?"

Этого онъ не зналъ.

"Но въдь вы вчера сказали, что ожидали этого фолуса отъ "Газеты"?"

Хёйбро вспомнилъ свои слова и отвътилъ:

"Да, я вчера сказалъ нѣчто подобное фрекенъ Софи. А впрочемъ, я не совсъмъ върно выразился. Я, конечно, не могъ вообще ожидать чего-нибудь отъ "Газеты", я не ясновидящій. Я только хотвлъ сказать, что даже этотъ маневръ со стороны "Газеты" ничуть не удивилъ меня".

"Вы, конечно, очень хорошо знаете Люнге", сказалъ Бондесенъ; "вы съ нимъ лично знакомы?"

На это Хёйбро ничего не отвътилъ. Ему стало досадно, и онъ заговорилъ съ дѣвочками.

Но Бондесенъ повторилъ свой вопросъ, не сводя съ него глазъ.

"Вы непремѣнно хотите это знать?" отвѣтилъ Хёйбро. "Но я не понимаю для чего вамъ это?" И вдругъ весь вспыхнувъ, онъ продолжалъ: "Вы, такой радикалъ, членъ опредъленной партіи, какъ вы можете примириться съ политикой "Газеты?"

"Да, я не могу сказать, чтобы эта политика лишала меня сна..."

Хёйбро прервалъ его горячо:

"Ну, конечно, въ этомъ и заключается хорошая сторона у васъ и у вашихъ-я повторяю: у васъ и у вашихъ-что вы такъ скоро приспособляетесь къ извъстнымъ неправильностямъ, которыя происходять отъ "измънившагося убъжденія". Вы не теряете голову, вы не краснъете отъ негодованія или стыда, вы примиряетесь съ измѣнившимися обстоятельствами, оглядываетесь вокругъ и мало по малу успокаиваетесь. А затъмъ вы проникаетесь понемногу новыми убъжденіями, — съ тою же искренностью и на такой же долгій срокъ, какъ и въ предыдущій разъ. Это называется быть современнымъ".

Какъ это было грубо и плоско. Хёйбро почувствовалъ самъ, что зашелъ слишкомъ далеко, что былъ невѣжливъ, и онъ смутился, почувствовавъ, что взоры всѣхъ обращены на него, и снъ опустилъ голову.

Но Бондесенъ окончательно вышелъ изъ себя. Не надо забывать, сказалъ онъ, что ръчь идетъ не о немъ, и не о его присныхъ, а о Люнге.

Какъ всегда въ горячихъ спорахъ, Хёйбро окончательно потерялъ самообладаніе, онъ засунулъ руки въ карманы и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатъ. Онъ, повидимому, совсъмъ забылъ, гдв находится.

"Вамъ очень хотълось знать мое скромное мнъніе о Люнге", сказалъ онъ, "Богъ знаетъ, для чего вамъ это надо, но вы этого непременно хотите. А потому я въ двухъ словахъ скажу вамъ, что я думаю. Люнге это одинъ изъ насъ, студентовъ-крестьянъ, нутро у котораго искалъчилось, вслъдствіе того, что онъ былъ перенесенъ на чужую почву и въ чуждую атмосферу; онъ просто деревенскій краснобай, который разыгрываетъ роль передового человъка и государственнаго дъятеля, на что онъ въ сущности совсъмъ не способенъ. У этого человъка нътъ нравственной воспитанности и кровь въ немъ поддельная. Выражаясь точнъе, это просто способный, изворотливый парень, который никогда не станетъ взрослымъ человъкомъ. Вотъ мое маленькое миъніе".

Бондесенъ вытаращилъ глаза, его гнъвъ даже остылъ, онъ не спускалъ глазъ съ Хёйбро и телько могъ произнести:

"Но, если смотрѣть на него съ психологической стороны, то . Люнге совсѣмъ не такой, я говорю съ психологической стороны..."

"Съ психологической стороны! Да въдь у этого человъка нъть никакой психологіи! Скажите, что всв его поступки являются слъдствіемъ мимолетнаго вдохновенія артиста или мелочной расчетливости, или того и другого вмѣстѣ; скажите, что онъ дълаетъ все только ради того, чтобы имя его было постоянно на языкъ у жителей Христіаніи, чтобы прослыть необыкновеннымъ редакторомъ своей ничтожной бумаженки, чтобы удовлетворить свою мужицкую жадность и пріобръсти нъсколько сотъ кронъ лишнихъ въ годъ,— и вы будете имѣть передъ собой этого человѣка цъликомъ вмѣстѣ со всей его психологіей".

Бондесенъ понемногу успокаивается, ему ничинаетъ казаться этотъ разговоръ интереснымъ, ему дъйствительно пріятно послушать Хёйбро. Онъ говоритъ:

"Но я не понимаю, почему вы такъ возстановлены противъ Люнге. Въдь вы даже не принадлежите къ его партіи. Въдь вы блуждающая комета; чъмъ же онъ васъ такъ возмутилъ? Въдь вамъ должно быть совершенно безразлично, побъдитъ ли лъвая, или все пойдетъ прахомъ?".

"Да, тутъ опять является на сцену превосходная способность васъ и вашихъ, которая заключается въ томъ, что вы никакъ не можете понять, какимъ образомъ человѣкъ можетъ чувствовать себя кровно обиженнымъ, когда его идеальная вѣра въ какого-нибудь человѣка, или вообще въ какое-нибудь дѣло поколеблена, и поколеблена только какими-нибудь неблаговидными продѣлками какого-то спекулянта, in саѕи, редакторомъ. Долженъ вамъ сказать слѣдующее: знаете, вѣдь я увлекался Люнге, я любилъ Люнге! Я писалъ яростныя письма тѣмъ, кто бранилъ его въ газетахъ, клянусь, я былъ самымъ горячимъ и самоотверженнымъ его другомъ. Когда я услыхалъ, что одинъ военный въ довольно высокомъ чинъ частнымъ образомъ выражалъ сожалѣніе по по-

воду того, что правые не подкупили Люнге, чтобы онъ защищалъ коронный судь, такъ какъ Люнге продаженъ, то я написалъ ему письмо, разбилъ его по пунктамъ и назвалъ его клеветникомъ и лгуномъ: подъ этимъ письмомъ я подписалъ свое имя и свой адресъ... Это было до того, какъ я немного узналъ Люнге... Почему я такъ золъ на него? Върьте, я вовсе не золъ на него, я сталъ къ нему совершенно равнодушенъ и даже не хочу брать его газету въ руки. Я только не забылъ о немъ, потому что онъ существуетъ и потому что онъ ведетъ съ успъхомъ свое вредное дъло; ну, а публика находитъ, что онъ издаетъ очень забавную газету. Читайте ее, разберите хорошенько и вы увидите, какъ этотъ ничтожный человъкъ безъ всякихъ убъжденій, который не обладаетъ мужествомъ, но зато въ достаточномъ количествъ обладаетъ наглостью, какъ этотъ человъкъ, у котораго одно только стремленіе-жить въ довольствъ и заставить говорить о себъ на улицъ, - какъ онъ пишетъ и о чемъ онъ пишетъ! Онъ потираетъ себъ руки отъ удовольствія, когда ему удается поймать какогоиибудь несчастнаго агента, который старается какимъ-нибудь способомъ добыть себъ кусокъ хлъба. Да, Люнге весь дрожитъ отъ восторга, что ни одна другая газета раньше его не пронюхала про этого бъднаго гръшника. Какую прекрасную картину человъческаго ничтожества онъ можетъ представить публикъ. Его почтенные читатели не могутъ желать ничего лучшаго... Дъло въть въ чемъ: онъ человъкъ испорченный, это нездоровая натура. Если онъ можетъ выкинуть безнаказанно какую-нибудь штуку, какой-нибудь фокусъ, благодаря которому онъ можетъ пріобръсти славу чертовски ловкаго человъка, а кромъ, того, нъсколько лишнихъ подписчиковъ, то онъ совершенно счастливъ,и больше ему ничего не надо. Онъ чувствуетъ себя превосходно послъ такого фокуса, самодовольно хихикаетъ и радуется, что первый принесъ извъстіе нъсколькимъ тысячамъ добродушныхъ обывателей о пожаръ въ Мьесъ. Когда въ Драменнъ происходитъ народное собраніе, то онъ требуетъ, чтобы телеграфная станція

была открыта "за нашъ счетъ", пока собраніе не окончится. Въ собраніи узнають о распоряженіи Люнге. Его телеграмму читають, захлебываются отъ восторга передъ такимъ могуществомъ, благодаря которому телеграфъ работаетъ "за нашъ счетъ". А сколько стоитъ это неслыханное требованіе держать телеграфъ открытымъ? Цълые семъдесятъ пять эре за каждые полчаса! Весь расходъ не можетъ быть ниже семидесяти пяти эре и болѣе четырехъ кронъ пятидесяти эре! Но виноватъ ли самъ Люнге въ томъ, что его телеграмму читаютъ и что она превращается въ рекламу? Можетъ быть, не непосредственно, этого я не могу сказать. Но я знаю, что такую телеграмму не читали бы, если бы она была отъ другой газеты, напримъръ, отъ "Норвежца". Люнге уничтожилъ въ людяхъ скромность, своимъ выкрикиваніемъ на площадяхъ онъ сдѣлалъ людей безстыдными. Да къ тому же самъ онъ иронизируетъ надъ своими выходками, онъ смѣется безобидно и безсмысленно: "Газета" интервью ировала водолаза и воздухоплавателя, "Газета" самый освъдомленный органъ, какъ въ моръ, такъ и въ воздухѣ".

Хёйбро остановился на мгновеніе, и Бондесенъ сказаль:

"Не буду вступать съ вами въ пререканія, для этого вы ставите дъятельность Люнге слишкомъ низко. Но это прямо смъшно. Развъ не имъетъ значенія то, что "Газета" уличила священника въ преступномъ обращеніи съ дътьми?"

"Но, Боже мой, какая отрицательная заслуга огласить такой скандаль только для того, чтобы пріобъсти нъсколько лишнихъ подписчиковъ!".

"Ну, конечно только для этого!".

"Да, исключительно для этого! Потому что въ противномъ случать объ этомъ преступленіи довели бы до свідівнія полиціи, что и было бы единственнымъ правильнымъ путемъ".

"Ну, что касается до священника, то, слава Богу, онъ во всякомъ случат долженъ былъ оставить свое мъсто; для меня главное—результатъ. Агентъ Іенсенъ въ Осло ведетъ противозаконную торговлю платьемъ, "Газета" узнаетъ объ этомъ, она обращается къ агенту и требуетъ, чтобы онъ показалъ книги. Человѣкъ этотъ отказывается исполнить требованіе "Газеты", и она печатаетъ пару статей, и три недѣли спустя господинъ агентъ принужденъ связать свои узлы и бѣжать въ Америку. Вотъ еще одинъ результатъ!".

"Вотъ еще одинъ фокусъ со стороны Люнге для того, чтобы пріобрѣсти нѣсколько лишнихъ подписчиковъ. Этотъ человѣкъ является представителемъ прессы, онъ хочетъ проникнуть во всѣ дома, дѣлать допросы и производить слѣдствіе: будьте любезны, подавайте книги! Клянусь Богомъ и всѣми святыми я схватилъ бы этого маленькаго проныру за шиворотъ и спустилъ бы его съ лѣстницы, если бы онъ только посмѣлъ явиться ко мнѣ! И я сдѣлалъ бы это даже въ томъ случаѣ, если бы былъ въ десять разъ болѣе виновенъ, нежели этотъ несчастный агентъ, въ незаконной торговлѣ платьемъ...

"Да, берегитесь, онъ можетъ явиться къ вамъ въ одинъ прекрасный день".

"Ему будетъ оказана подобающая встрѣча... Самъ онъ слишкомъ трусливъ, для того, чтобы рѣшиться на какой-нибудь болѣе или менѣе рискованный шагъ. Онъ всегда старается спрятаться, когда грозитъ какая-нибудь опасность его благополучію. Онъ любитъ темные, окольные пути,—поцѣлуй въ углу, рукопожатіе тайкомъ,—шарлатанство подъ предпогомъ, будто онъ очищаетъ нравы общества. Всѣ должны были бы это видѣть, вѣдь онъ черезъ небольшіе промежутки времени обнажаетъ себя и показываетъ въ истинномъ свѣтъ"...

Въ передней раздается звонокъ. Софи идетъ и отворяетъ дверь, она возвращается съ послъднимъ номеромъ "Газеты", и Бондесенъ набрасывается на газету съ обычнымъ интересомъ.

Но въ этомъ номерѣ Люнге ясно и опредѣленно поднялъ флагъ. Редакціонная статья выясняетъ отношеніе газеты къ обратившимъ на себя вниманіе статьямъ объ уніи: среди публики

возникло сомнѣніе относительно того, написана ли эта статья отъ имени самой редакціи, или она является корреспонденціей частнаго лица. Для разъясненія этихъ сомнѣній Люнге сообщаетъ, что статьи принадлежатъ самой "Газетѣ", и что въ нихъ выражены ея политическіе взгляды, и газета беретъ за нихъ всю отвѣтственность на себя. Точка.

Бондесенъ читаль это съ раскрытымъ ртомъ, онѣмѣвъ отъ удивленія, въ груди у него боролись самыя разнообразныя чувства. Какъ это однако печально, что онъ такъ грубо ошибся! Какъ онъ ни горячился, ни стучалъ кулакомъ по столу, онъ въ концѣ концовъ оказался неправымъ. Онъ бросилъ газету черезъ столъ Хёйбро, не говоря ни слова.

Хёйбро находитъ длинную передовую статью объ одной ворожев въ Кампенв, которую случайно открылъ одинъ изъ репортеровъ; эта женщина ворожила по картамъ и по кофейной гущв за рюмку водки или за чашку кофе у сосвдей. Какъ она обманывала народъ, и какъ безсовъстно водила всъхъ за носъ! Побольше школъ, побольше народнаго просвъщенія въ Кампенв! Наконецъ Хёйбро дошелъ до объясненія редактора. Онъ прочель его, какъ и все остальное, безъ малъйшаго удивленія и сказалъ, когла кончилъ:

"Да, теперь вы сами видите".

"Да", отвътилъ Бондесенъ, "я это вижу".

Пауза.

"И все таки пусть никто не говоритъ мнѣ, что Люнге такой дрянной человѣкъ, за какого вы выдаете его", продолжалъ Бондесенъ. "Я продолжаю стоять за него, для меня надо больше, чтобы поколебать мою вѣру въ него".

"Вамъ даже мало того, что Люнге перешелъ къ правымъ въ своей политикъ по отношенію къ уніи?".

"Одинъ чортъ, — что бы онъ ни дълалъ, если онъ даже старался получить чинъ камергера!".

Пауза,

"Ну, да, конечно! " сказалъ Хёйбро. "Новрежскому радикалу не за чѣмъ ломать спину изъ за своихъ убѣжденій онъ можетъ слегка согнуть ее".

И онъ собрался уходить.

Но у Бондесена, повидимому явилась какая-то мысль, тонкая и остроумная,—такъ ему самому казалось.

"Но разв'в вы увтрены въ томъ, что у Люнге не было при этомъ какой-нибудь задней мысли? "спросилъ онъ". Вы не находите возможнымъ, что у этого человтка есть какая-нибудь цъль, что онъ хочетъ выполнить какую-нибудь тайную миссік? Разв'в вы не можете себ'в представить, что онъ посредствомъ своего маневра хочетъ попытаться проникнуть въ лагерь правыхъ, хочетъ заставить ихъ читать себя, а за тъмъ мало-по-малу, мало-по-малу впустить ядъ лѣвой въ ихъ партію?".

"Во первыхъ", отвътилъ Хёйбро, "во первыхъ, я налъюсь что правые не до такой степени шатки въ своихъ убъжденіяхъ. чтобы ихъ могли поколебать статьи "Газеты". Такое ничтожество не можеть вліять на партію, состоящую изъ образованныхъ и солидныхъ людей. А во вторыхъ, вы глубоко ошибаетесь относительно Люнге самого. Въ чемъ его теперь подозрѣваютъ, или въ чемъ вообще онъ рискуетъ быть заподозрѣннымъ? Въ томъ, что онъ дълаетъ все для того, чтобы произвести какъ можно больше шума и волненія и привлечь къ себѣ любопытныхъ подписчиковъ Но этотъ человъкъ не могъ бы годами мириться съ такимъ подозръніемъ, если бы онъ не заслуживаль его. Но на это его не хватаетъ. Если бы побудительной причиной его поступка было желаніе превратить правыхъ въ лѣвыхъ, то онъ объ этомъ бы не молчалъ, онъ выболталъ бы эту тайну, онъ разсказалъ бы о ней на первой страницѣ своей газеты, напечаталъ бы жирнымъ шрифтомъ. Но, можетъ быть, ему нравится, что вы и другіе считаете его такимъ невъроятно непроницаемымъ?".

"Ну, зачъмъ эти оскорбительныя выраженія? Я все время не

отвъчалъ на нихъ, несмотря на то, что вы задъвали лично меня"... Хёйоро киваетъ головой и говоритъ:

"Да, васъ, какъ представителя новрежскаго радикализма".

На это Бондесенъ ничего не отвъчаетъ. Онъ только пожи-

"Да, да, никто изъ насъ не передълаетъ свъта", говоритъ онъ. "По правдъ сказать, когда я, какъ слъдуетъ, вникаю въ это объясненіе Люнге, то я начинаю понимать его доводы, я не могу не восхищаться имъ, несмотря ни на что. Это чертовски умный человъкъ! Теперь, конечно, его противники изъ лъвыхъ, его конкуренты, думаютъ, что онъ уже пошелъ ко дну; а онъ продолжаетъ себъ спокойно плавать на поверхности. Дьявольски умный человъкъ!".

"Есть только два сорта людей", отвъчаетъ Хейбро, "которые всегда преуспъваютъ въ жизни и всегда держатся на поверхности. Это—чистые сердцемъ. Они всегда держатся на поверхности, не въ практическомъ смыслъ, но фактически по отношенію къ своей совъсти. А затъмъ—второй сортъ людей—это люди нравственно испорченные, нахальные въ предълахъ закона, потерявшіе стыдъ и совъсть. Они никогда не пойдутъ ко дну, они всегда выкарабкаются на поверхность".

Но теперь Бондесену показалось, что эти постоянные отвъты на его доводы слишкомъ близко задъваютъ его и отодвигаютъ его на второй планъ. Можетъ быть онъ былъ дъйствительно слишкомъ уступчивъ въ этомъ споръ, — надо показать себя! И онъ говоритъ развязно:

"Ну, объ этомъ говорить больше нечего, взрослаго человѣка не переубѣдишь нѣсколькими фразами. Одно только вѣрно: когда такой человѣкъ, какъ Люнге, когда даже онъ поколебался въ отстаиваемыхъ имъ до сихъ поръ политическихъ взглядахъ, то это должно являться побудительнымъ примѣромъ для насъ, въ сравненіи съ нимъ дѣтей, снова продумать этотъ вопросъ. Впрочемъ, долженъ сознаться, что на меня доводы Люнге уже возы-

мъли свое дъйствіе, и даже не могу представить себъ теперькакъ эти простыя соображенія не приходили мнъ въ голову раньше? До такой степени яснымъ представляется мнъ все теперь.

Тутъ Хейбро разражается громкимъ и неудержимымъ смѣхомъ. "Такъ я этого и ожидалъ!" говоритъ онъ.

"Но, нотабене, я удерживаю за собой право продумать эти доводы еще разъ. Я"...

"Да, да, продумайте, продумайте! Ха-ха-ха! Это именно то, о чемъ я только что говорилъ, — прекрасная способность нѣкоторыхъ людей повко приспосабливаться къ убѣжденіямъ, которыя на первый взглядъ могутъ показаться не совсѣмъ-то правильными. Но эта маленькая неправильность не заставляетъ такихъ людей блѣднѣть отъ волненія, не лишаетъ ихъ сна и аппетита. Они примиряются съ перемѣной декорацій, осматриваются немного и свыкаются съ новой обстановкой. Да, да!"

До сихъ поръ дѣвочки не обмолвились ни однимъ словомъ. Шарлотта смотритъ съ минуту на Бондесена, потомъ она тоже начинаетъ смѣяться и говоритъ:

"Да, это именно и говорилъ господинъ Хёйбро".

Но тутъ Бондесенъ вспыхнулъ до корней волосъ и отвѣтилъ съ искаженнымъ отъ гнѣва ртомъ:

"Для меня совершенно безразлично, говорилъ это господинъ Хёйбро, или не говорилъ. Я вовсе не нуждаюсь въ томъ, чтобы ты свидътельствовала, — ты въ этомъ все равно ничего не смыслишь!"

Какъ могъ проговориться! Какая непростительная неосторожность! Шарлотта низко склонила голову надъ своей работой, а когда она немного спустя подняла голову, то она ничего не сказала. Она только пристально посмотръла на Бондесена.

"Что ты хочешь сказать?" спрашиваетъ Бондесенъ, все еще не приходя въ себя отъ возбужденія.

Тутъ вмѣшивается Хёйбро, онъ дѣлаетъ глупое и оскорбительное замѣчаніе, въ которомъ онъ самъ потомъ раскаивается:

"Фрекенъ хочетъ обратить ваше вниманіе на то, что она съ вами не на "ты".

На мгновеніе Бондесєнъ теряєть самообладаніе, онъ говорить: "Ахъ, простите!" Но злоба сейчасъ же снова закипаеть въ немъ и онъ выдаеть эту тайну, нарушаеть слово, которое онъ далъ. Она обращается къ Хейбро и говорить:

"А, впрочемъ, долженъ вамъ сказать, что у фрекенъ не было никакого желанія обращать на что-нибудь мое вниманіе. Мы съ нею на "ты".

На это Хёйбро ничего не могъ отвѣтить; онъ поблѣднѣлъ, поклонился и попросилъ прощенія. Онъ посмотрѣлъ на Шарлотту; взоръ, которымъ она посмотрѣла на Бондесена, выражалъ безграничную радость. Какъ это странно, она вся сіяла, глядя на него. Хёйбро ничего не понималъ. Ну, это во всякомъ случаѣ его не касалось! Но они были на "ты".

Онъ взялъ свою шляпу и пошелъ къ двери. Здѣсь онъ сдѣлалъ глубокій поклонъ и сказалъ почти шопотомъ, не глядя ни на кого: "прощайте", послѣ чего тихо вышелъ изъ комнаты. Немного спустя видно было изъ окна, какъ онъ почти бѣжалъ по улицѣ безъ пальто, въ очень легкой одеждѣ, съ развѣвающимися по вѣтру длинными волосами.

Бондесенъ остался у Иленовъ.

XI.

Это было върно, Шарлотта и Бондесенъ говорили другъ другу "ты" наединъ въ комнатъ у Бондесена на Парквейенъ. Она бывала у него уже много разъ; когда они возвращались домой изъ рабочаго союза въ тотъ памятный вечеръ, когда Бондесенъ окончательно овладълъ ея сердцемъ, это было въ первый разъ. Послъ того она очень часто въ теченіе осени и зимы заходила къ нему; она оставалась у него часъ или два послъ сов-

мъстныхъ поъздокъ на велосипедъ, а позже зимой, когда снъгъ покрылъ дороги, они ходили въ театръ или въ циркъ только для того, чтобы потомъ провести вмъстъ хоть нъсколько минутъ въ комнатъ Бондесена. Ей бывало всегда такъ жарко послъ быстрой ходьбы на свъжемъ воздухъ, она разстегивала пальто, когда входила къ нему, и Бондесенъ помогалъ ей сниматъ верхнее платье. Печка топилась, дрова потрескивали, и для того, чтобы было еще уютнъе, они тушили лампу.

Это повторялось такъ часто, что первая сильная влюбленность Бондесена начала понемногу остывать. Хуже всего было то, что Шарлотта начала приходить къ нему одна безъ всякихъ стъсненій, пользуясь всякимъ случаемъ, когда она ходила по какому-нибудь дълу въ городъ. Этихъ посъщеній средь бъла дня, чуть ли не у всѣхъ на глазахъ, онъ не могъ терпѣть. Онъ предпочиталъ приводить ее самъ, боясь каждую минуту встрътить кого-нибудь на лъстницъ. Когда они подходили къ его двери, то онъ принималъ озабоченный видъ, старался быть осторожнымъ, заглядывалъ вверхъ на лѣстницу и прислушивался, все ли въ верхнихъ этажахъ тихо. Такимъ образомъ каждый разъ посъщеніе Шарлотты походило на маленькое приключеніе, и вызывало въ немъ нѣкоторое волненіе. А когда они наконецъ благополучно пробирались къ нему въ комнату и запирали за собой дверь, то для него было наслажденіемъ перевести духъ послѣ этого маленькаго волненія и освобождать ее отъ верхняго платья съ лихорадочной торопливостью. Все это пропадало, когда она приходила средь бъла дня со свертками въ рукахъ, принося съ собой запахъ і такъ покупокъ, которыя она делала въ съестныхъ лавкахъ для своей матери. Она напоминала собой замужнюю женщину, которая возвращалась домой съ кускомъ мяса, завернутымъ въ бумагу. И какъ неинтересно было снимать пальто при полномъ дневномъ свътъ изъ двухъ оконъ, а иногда даже при солнечномъ свътъ, когда каждую минуту можно было ждать почтальона, или товарища, или даже хозяйку, которая могла притти за своей

пыльной тряпкой, забытой утромъ при уборкъ комнаты. Нътъ, Вондесенъ этого терпъть не могъ!

Если бы онъ не быль уже почти обручень съ Шарлоттой то онъ не допустиль бы этихъ посъщеній. Да къ тому же она ничего не замѣчала, она не понимала, что его первое увлеченіе уже прошло,—она приходила себъ, да приходила. И она была точь въ точь такъ же ласкова и нѣжна, когда уходила отъ него, какъ и когда входила къ нему — такой силы и постоянства въ чувствахъ онъ еще никогда не видалъ! Но онъ уже ничего не могъ подѣлать съ тѣмъ, что въ душѣ у него не было больше прежняго ликованія, когда она отворяла дверь и появлялась у него въ комнатъ.

Обо всемъ этомъ Эндре Бондесенъ думалъ, пока сидълъ у Иленовъ, и онъ сталъ противенъ самому себъ, да и вообще всъ ему опротивъли. А тутъ еще Фредрикъ до нъкоторой степени обманулъ его въ его ожиданіяхъ. Онъ, конечно, никогда не мечталъ сдълать изъ него убъжденнаго радикала, какимъ онъ былъ самъ, --- для этого у Фредрика не было достаточно силъ. Но всетаки ему было обидно, что несмотря на всв его горячія рвчи, на его сильные доводы, которые онъ подтверждалъ, стуча кулакомъ по столу, въ концъ концовъ оказалось, что его другъ остался тъмъ же неизмъннымъ Иленомъ, закоснълымъ правымъ, бюрократомъ. А потому Бондесену очень хотълось бы совсъмъ разойтись съ Иленами, онъ могъ бы завести новыя знакомства и вообще немного расшевелиться: въ концъ концовъ надофдало быть другомъ дома исключительно одной только семьи. Но всъ обстоятельства сложились противъ него, и онъ долженъ былъ мириться съ этимъ. Къ тому же Фредрикъ получилъ теперь постоянное мъсто въ "Газетъ" и изъ за этого также Бондесенъ долженъ былъ поддерживать съ нимъ дружбу. Бондесенъ былъ увъренъ, что у него въ головъ кое что зарождается, и онъ собирался написать стихи, или наброски, которыя по своему достоинству будутъ во всякомъ случав выше посредственности; и онъ всегда хотълъ дебютировать въ "Газетъ", которая все больше и больше распространялась среди публики.

А между тъмъ все складывалось такъ неудачно! Онъ собирался отправиться прямо отъ Иленовъ къ себъ домой и попробовать, не можетъ ли онъ начать прямо со стиховъ, -- въ это утро, когда онъ вставалъ съ постели, онъ чувствовалъ въ себъ самое подходящее настроеніе для этого; а теперь все это исчезло. Очень можетъ быть, что было глупо принимать все это такъ близко къ сердцу; но Бондесенъ былъ все-таки очень взволнованъ. Хёйбро подъйствовалъ на него раздражающимъ образомъ своими длинными и напыщенными отвътами на всъ его замъчанія, а тутъ Шарлотта заставила его выболтать передъ всеми ихъ тайну. Ахъ, зачъмъ онъ проговорился и сказалъ ей "ты!" Теперь онъ опуталъ себя еще кръпче, онъ лишился свободы, всякое его движеніе было стъснено. Онъ не былъ созданъ для того, чтобы быть въ неразрывной связи съ къмъ бы то ни было, а его слово. которое онъ дъйствительно далъ однажды Шарлоттъ въ минуту увлеченія, мучило его, вмісто того, чтобы дізлать счастливымъ.

Вотъ почему, когда фру Иленъ пришла изъ кухни и заговорила объ угловой комнатъ, онъ не могъ порадовать эту славную женщину, сказавъ ей сейчасъ же, что нанимаетъ ея комнату. Можетъ случиться — сказала фру Иленъ — что Хёйбро въ одинъ прекрасный день покинетъ ихъ; ей конечно, жалко было бы лишиться его, онъ былъ однимъ изъ самыхъ удобныхъ жильцовъ, но за послъднее время онъ сталъ такимъ страннымъ. А, если онъ уйдетъ отъ нихъ, то комната будетъ пустовать.

Въ одно мгновеніе Бондесенъ сообразилъ положеніе вещей. Онъ зналъ, что если въ придачу переселиться еще въ этотъ домъ, то онъ окончательно лишится свободы, его отношеніе къ Шарлоттъ сейчасъ же откроютъ, — это вообще было и то же самое, что жениться. Конечно, ему не приходило въ голову обмануть Шарлотту, въ такомъ низкомъ поступкъ никто не могъ бы обвинить его, — въдь между ними давно уже было все поръшено,

и онъ далъ ей слово. Но какъ разъ послъднее время у него явилось желаніе обдумать все это и обсудить хорошенько. Если ужъ все сложится такъ скверно, то ему придется снова приняться за ученіе и выдержать выпускной экзаменъ.

При всемъ своемъ желаніи сдѣлать пріятное фру Иленъ, онъ отвѣтилъ ей, что нанялъ уже комнату на Парквейенѣ на болѣе продолжительный срокъ, на цѣлый годъ. Онь очень пожалѣлъ, что все сложилось такъ неудачно.

Когда онъ въ это время услыхалъ, что Фредрикъ въ сосѣдней комнатѣ всталъ, онъ поднялся и ушелъ. Въ эту минуту Бондесенъ былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми. Если даже фру Иленъ нашла нѣсколько страннымъ, что онъ на этотъ разъ нанялъ себѣ комнату почему-то на цѣлый годъ, то пусть ее—ему все равно!

Шарлотта посмотрѣла ему въслѣдъ все тѣми же веселыми, довѣрчивыми глазами. Изъ всѣхъ присутствующихъ сна была самая счастливая, ее такъ обрадовало, что Бондесенъ открылъ ихъ тайну и выдалъ при всѣхъ, что они были на "ты".

Она встала и догнала Бондесена въ передней.

"Спасибо!" сказала она, "спасибо!"

Онъ обнялъ ее. И ее то минуту тому назадъ онъ хотѣлъ оттолкнуть! Какъ могло ему притти въ голову что-либо подобное? Никогда не будетъ онъ ее огорчать, никогда! Онъ попросилъ у нея прощенія за то, что погорячился и, прощаясь съ ней, наклонился къ ея уху, и они условились относительно свиданія вечеромъ...

Фредрикъ вошелъ въ общую комнату, онъ былъ немного блѣднѣе обыкновеннаго вслѣдствіе усиленной работы за послѣдніе дни надъ политическими статьями. Эта работа стоила ему гораздо большаго напряженія, чѣмъ всѣ его научныя статьи. Онъ не былъ политикомъ и никогда особенно и не интересовался политикой; если лѣвые говорили одно, а правые другое, то иначе и быть не могло,—но, конечно, правда была на сторонѣ пра-

выхъ, онъ это чувствовалъ въ самой глубинъ своей души, хотя и говорилъ, что находитъ много справедливаго также и въ оппозиціи лѣвыхъ. Но теперь онъ попалъ не на свое мѣсто, для его научныхъ познаній оставалось все меньше и меньше примѣненія. "Газета" изо дня въ день переполнялась политикой. Статьи объ уніи надълали много шуму во всей странь; и даже шведская братская пресса обратила на нихъ вниманіе и очень хвалила ихъ; и Люнге каждый день выступалъ то съ какимъ-нибудь объясненіемъ по поводу этихъ статей, то съ защитой противъ нападковъ на нихъ. А Иленъ былъ какъ будто непричастенъ ко всему этому, да и серьезнаго дъла почти у него никакого не было, онъ только переписывалъ маленькія замѣтки и дѣлалъ выръзки. Но эта работа вовсе не соотвътствовала его интересамъ, и каждый разъ, когда онъ шелъ въ редакцію, онъ отъ всей души желалъ, чтобы поскоръе кончилась эта политическая перебранка.

Но ей какъ будго не предвидълось конца. Люнге отложилъ въ сторону всъ остальныя дъла, чтобы всецъло отдаться защитъ своей новой точки зрѣнія въ вопросѣ объ уніи. И онъ снова проявилъ свою находчивость самымъ поразительнымъ образомъ. Что онъ сдълалъ? Въ чемъ состояло его ужасное преступленіе, противъ котораго ополчилась теперь вся глупость во всей странъ? Онъ только настаивалъ на томъ, что лучше всего было оставить унію въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась въ настоящее время, и что ни одинъ человѣкъ не могъ бы выступить и взять на себя отватственность за радикальное изманение уніи, что предлагають некоторые люди. Воть и все. Ну такъ что же изъ этого? Если лъвые хотятъ чего-нибудь другого, а не уніи, то они уже не пъвые. Пусть они лучше не пытаются вести тайкомъ республиканскую пропаганду подъ маской лѣвыхъ. Такое поведеніе "Газета" не можетъ считать честной политикой; "Газета" -- органъ пъвыхъ, какимъ онъ былъ и какимъ онъ будетъ и впредь, а потому она стоитъ за унію.

Однимъ словомъ: "Газета" была настолько честна и добросовъстна, что Лео Хёйбро былъ совершенно неправъ въ своихъ злобныхъ нападкахъ на нее, Ни одинъ человъкъ, который читалъ "Газету" съ толкомъ, не могъ обвинить ее въ чемъ-нибудъ.

И развъ это не было благородно и гуманно, когда "Газета" самымъ ръшительнымъ образомъ протестовала противъ злобнаго и мстительнаго отношенія къ братскому народу! Да, "Газета" не хочетъ больше принимать участія въ этой травлѣ; Люнге уже и въ другихъ отношеніяхъ повліялъ на улучшеніе тона прессы, естественно, что онъ задался цѣлью и въ этомъ случаѣ повліять благотворно на норвежскую журналистику, въ которой болѣе, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ надо проявлять воспитанность. И Люнге писалъ такъ легко, онъ былъ такъ очевидно правъ въ своихъ доводахъ, что нападки на него мало по малу стали прекращаться; немного осталось людей, на которыхъ не подѣйствовало бы это искреннее желаніе поднять уровень журналистики.

Впрочемъ, остался еще "Норвежецъ". Упорно и убъжденно онъ настаивалъ на своемъ, продолжая защищать свою устаръвшую лѣвую точку зрѣнія, которая никогда не терпѣла никакого измъненія, и онъ предостерегалъ всъми силами противъ происшедшей за послѣдніе дни перемѣны. Однако въ нападкахъ "Норвежца" не было силы, сила его заключалась въ разъяснении своихъ прежнихъ мнѣній, въ чемъ онъ впрочемъ очень нуждался, такъ какъ все, что онъ говорилъ и утверждалъ, искажалось самымъ невозможнымъ образомъ подъ самымъ его носомъ. По адресу "Норвежца" Люнге ограничился тъмъ, что сказалъ только нъсколько наставительныхъ словъ. Это было странно, но послъ этихъ серьезныхъ наставительныхъ словъ "Норвежецъ" замолчалъ. Боялся онъ Люнге? Неужели онъ не осмъливался даже нанести ему одинъ изъ своихъ ударовъ, которые были такъ хорошо извъстны тьмъ, что отъ нихъ никто не падалъ. Редакторъ Люнге пользовался славой такого умнаго и ловкаго человъка, что немногіе или никто не осмъливались шевельнуться прежде, чъмъ

онъ не дастъ знака; едва ли кто-нибудь осмъливался напасть на какого-нибудь шелопая, поддержать какое-нибудь начинаніе, высказаться по поводу какой-нибудь книги съ нѣсколько сомнительнымъ содержаніемъ, выразить пожеланіе относильно назначенія на какое-нибудь офиціальное мѣсто того или другого человѣка, прежде чѣмъ Люнге это сдѣлаетъ. Это видно было также по тому, какъ Люнге перехватилъ у "Норвежца" статьи объ условіяхъ жизни моряковъ, — бѣдняга редакторъ "Норвежца" на это не пикнулъ, не вступился за свои права, и такъ и осталось невыясненнымъ, гдѣ были сначала помѣщены эти статьи. Вѣдь ни у кого не было желанія снова перечитывать старыя газеты.

Но въ эти дни "Норвежецъ" былъ неожиданно обрадованъ наградой, выпавшей на его долю за его постоянство. Онъ пріобрълъ лесятки новыхъ подписчиковъ, -- старыхъ, върныхъ лъвыхъ, съдыхъ ветерановъ, ядро партіи, которые покинули "Газету". Въ первый разъ Люнге устроилъ публикъ сюрпризъ, который она не хотъла одобрить, -- такъ глупо Люнге еще никогда раньше не попадалъ впросакъ. Но онъ и тутъ не сдался. Скоро всъ убъдятся въ томъ, что побъда осталась за нимъ. Правда, онъ выкинулъ маленькій фокусъ, но развѣ онъ не имѣлъ права этого сдълать, котя бы только для развлеченія? Неужели же это надо сейчасъ же ставить ему въ вину? Развъ его газета не была единственной, которую стоилс читать? "Норвежецъ", который былъ, такъ сказать, при послѣднемъ издыханіи, снова ожилъ, пріобрѣлъ новыхъ подписчиковъ и собрался стать на ряду съ "Газетой"! Ну, и прекрасно, пусть себъ живеть; несмотря на всъ свои недостатки это былъ старый единомышленникъ, - пусть себъ живетъ! Люнге никогда не будетъ завидовать его нищенскимъ крохамъ.

Онъ зналъ, что большинство въ городѣ было на его сторонѣ. Христіанія не могла обойтись безъ него, здѣсь онъ былъ въ своей родной стихіи; какое значеніе могли имѣть для него нѣсколько провинціаловъ или кучка крестьянъ, которые отказались отъ его газеты? Вмъсто нихъ явились другіе подписчики, люди, политическія убъжденія которыхъ соотвътствовали его измънившемуся направленію. О, да, онъ выходилъ благополучно и не изъ такихъ передълокъ! И онъ каждый день выспрашивалъ Лепорелло о томъ, что говорятъ въ городъ по поводу "Газеты": Что слышно? Что говорятъ въ ресторанъ Грандъ?

Вь городѣ говорили, не исключительно только о статьяхъ объ уніи, Лопорелло подозрѣвалъ, что "Норвежецъ" снова привлекъ къ себѣ вниманіе своимъ сообщеніемъ о самоубійствѣ хуложника Дальбю.

Это самоубійство дъйствительно заинтересовало публику. Дальбю былъ молодой человъкъ, уже пользовавшійся извъстностью. Едва окончивъ среднюю школу, онъ издапъ "сборникъ стихотвореній, -- настолько онъ былъ талантливъ и развитъ. Поселившись въ Христіаніи, онъ очень скоро обратилъ на себя вниманіе нъсколькими скандалами, немного спустя, онъ выставилъ пару картинъ у Бломквиста. И вотъ теперь этотъ человъкъ вздумалъ застрълиться; случилось такъ, что сотрудникъ "Норвежца" случайно услышалъ этотъ выстрълъ, и первый сообщилъ о печальномъ событіи, сухо и сдержанно, безъ междометій и громкихъ словъ, какъ это было принято въ "Норвежцъ". Этотъ органъ высказалъ даже свою симпатію къ несчастному молодому человъку, который былъ доведенъ до самоубійства, какимъ-нибудь тайнымъ душевнымъ страданіемъ. Ни одна другая газета не знала о происшествіи, пока изв'єстіє о немъ не появилось въ "Норвежцъ".

Но гдъ же была "Газета?"

Чортъ возьми, гдъ она пропадала? Она прозъвала передовую статью огромнаго значенія. И Люнге былъ раздосадованъ гораздо болъе, чъмъ ему самому хотълось признаться въ этомъ, что такая хорошая добыча выскользнула у него изъ подъ рукъ.

Но что говорилъ городъ? Былъ ли онъ на сторонъ художника?

Насколько Лепорелло могъ узнать, городъ не особенно жалѣлъ молодого человѣка. Въ его талантѣ даже сомнѣвались, а кромѣ того онъ до нѣкоторой степени скомпрометировалъ одну молодую дѣвушку изъ очень хорошей семьи съ извѣстнымъ именемъ.

Тутъ Люнге взялся за перо. "Норвежцу" не удастся разжиръть отъ этой исторіи, которая по счастливой случайности безъ всякаго труда съ его стороны попала въ его руки. Онъ снова запъль въ тонъ общественному мнѣнію, сказаль, что это самоубійство кажется почти смѣшнымъ, —настолько оно безсмысленно и театрально, и онъ совѣтоваль полиціи выяснить, не могли ли другіе мальчики, товарищи умершаго, помѣшать этому ребенку лишить себя жизни. Такіе случаи не должны имѣть мѣста въ обществѣ, которое считаетъ себя цивилизованнымъ и нравственнымъ. Надо бороться противъ того, чтобы юноши сейчасъ же пускали въ ходъ револьверъ изъ за того, что ихъ супъ остылъ.

И Люнге снова возбудился и весь проникся сочувствіемъ къ общественному мнѣнію и къ самому обществу, которму приходится такъ много терпѣть; онъ вложилъ всю свою душу въ эти убѣдительныя строки и самъ нашелъ, что онѣ написаны превосходно... Люди будутъ снова восхищаться е:о удивительной способностью такъ вѣрно угадывать мнѣнія своихъ ближнихъ о томъ, или другомъ событіи. Безсмысленно! да, именно такъ! Театрально и смѣшно! Да изъ за чего было такому мальчику лишать себя жизни?

Когда Иленъ пришелъ въ редакцію "Газеты", то онъ услышалъ громкій разговоръ въ кабинетъ редактора, а секретарь сказалъ ему съ улыбкой:

"Онъ подводить счеты съ одной изъ своихъ пріятельницъ". Немного спустя отъ редактора дъйствительно вышла дама со всъми признаками душевнаго волненія. Она была толстая и жирная, и кожа у нея была необыкновенной бълизны, а глаза у нея были голубые. Это была фру Л., уроженка Бергена, которая была извъстна подъ названіемъ камбалы, —прозвище это она получила вслъдствіе своей толстоты и бълизны.

Люнге съ поклонами провожаетъ ее до дверей, онъ сохраняетъ въжливость и проситъ ее даже какъ-нибудь опять заглянуть къ нему, хотя онъ прекрасно знаетъ, что послѣ этого объясненія она уже никогда больше не придетъ къ нему. Примиреніе не могло больше состояться, непостоянство Люнге доставляло ей слишкомъ много огорченій, а онъ съ своей стороны уже давно съ нетерпъніемъ ждалъ разрыва. Слава Богу, наконецъ то все это кончилось! Эти пожилыя дамы, которыя всегда выпадали на его долю, и не подозрѣвали даже, сколько мученій онѣ доставляли человъку, тъмъ что цъплялись за него и не отставали. А Камбала упрекала его даже въ нарушеніи какихъ-то объщаній, въ какихъ-то некрасивыхъ поступкахъ, во лжи. Ну, его многолътняя дъятельность журналиста закалила его и пріучила выходить сухимъ изъ воды, а его умѣнье владѣть собой было такъ велико, что онъ даже не опустилъ глазъ, когда она упрекала его въ невърности и въ томъ, что онъ не сдержалъ своихъ объщаній. Вотъ какъ онъ умълъ владъть собой.

Но неужели же ему такъ никогда и не удастся покорить сердце, которое никому другому не удалось покорить, неужели ему не удастся завладъть любовью желанной, молодой, цвътущей дъвушки, которая предпочла бы его всъмъ другимъ? Но почему же нътъ? Правда, ему сорокъ лътъ, но онъ совсъмъ еще юноша, ему удалось даже заставить покраснъть Шарлотту Иленъ своимъ взглядомъ,—это такъ же върно, какъ то, что его зовутъ Люнге.

Тутъ онъ вспоминаетъ Фредрика, ея брата, котораго онъ привлекъ въ "Газету", и отъ котораго теперь хотѣлъ какъ-нибудь отдѣлаться. И вотъ Люнге снова превратился въ редактора, въ великаго журналиста, который издавалъ самую распространенную въ странѣ газету. Онъ отворилъ дверь и выглянулъ за нее, —да, Иленъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Люнге прямо не зналъ, какую пользу онъ могъ еще извлечь изъ этого человѣка. Бюд-

жетъ газеты былъ очень обремененъ, а Иленъ не представлялъ уже болъе интереса новизны; люди не удивлялись больше, встръчая его благородное имя на столбцахъ газеты Люнге. А что же дальше? Конечно, этотъ человъкъ сдълался сотрудникомъ "Газеты" не ради своихъ личныхъ достоинствъ, а потому и не стоило особенно считаться съ нимъ. А тутъ еще десятки подписчиковъ изъ ядра лъвыхъ покинули "Газету" и перешли къ "Норвежцу", —развъ это пустяки, бездълица?

Между прочимъ, Люнге никакъ не могъ понять людей, которые читали "Норвежца", этотъ застывшій комъ жира, который не могъ нанести ни одного мѣткаго удара, или хотя бы поймать какого-нибудь агента. Люнге желалъ своему единомышленнику всего лучшаго, но онъ стоялъ у него поперекъ дороги, онъ не давалъ ему развернуться на свободѣ; его принципомъ было заставить читать газету несмотря ни на что, а "Норвежецъ" нарушалъ этотъ принципъ своимъ нестерпимымъ постоянствомъ въ политическихъ убѣжденіяхъ.

Вдругъ Люнге посылаетъ за завъдующимъ. Входитъ маленькій, чернобородый и худой человъкъ. Онъ имъетъ небольшой пай въ газетъ и преданъ ей душой и тъломъ.

Люнге слышалъ, что подписчики начали ихъ покидать?

Да, и они кажется, перешли къ "Норвежцу".

Люнге задумывается. Маленькій завѣдующій тоже думаетъ.

Въ "Норвежцъ" печатаютъ объявленія пароходныхъ обществъ, говоритъ онъ.

Да, въ самомъ дълъ? отвъчаетъ Люнге неопредъленно.

Да, въ "Норвежцъ" печатаютъ также объявленія относительно каналовъ въ Фредриксхальдъ.

Да, говорить вдругь Люнге рѣшительно, по правдѣ сказать, этого не должно было бы быть. По справедливости объявленія надо всегда помѣщать въ наиболѣе распространенной газетѣ, а ихъ "Газета" и была самымъ распространеннымъ органомъ. Но, конечно, Люнге и въ голову не могло бы притти желать зла

своему единомышленнику; однако этотъ единомышленникъ уже не поддерживаетъ его больше въ старой политикъ лъвыхъ, напротивъ, онъ сталъ тормозить дъятельность "Газеты". А потому онъ принужденъ побороть его, —это вопросъ принципіальный.

Они поговорили еще немного объ ушедшихъ подписчикахъ, Люнге узналъ ихъ число, по большей части это были извъстные лъвые, изъ которыхъ многіе открыто указывали на статьи объ уніи, какъ на причину ихъ отказа отъ газеты.

Не успѣлъ еще завѣдующій уйти отъ редактора, какъ въ его маленькой хитрой головѣ уже созрѣлъ смѣлый планъ.

X.

Снътъ валитъ большими хлопьями и заметаетъ улицы, Слотсбаккенъ задернутъ снъжной завъсой. Всъ голоса, всъ звуки, стукъ лошадиныхъ копытъ, звонъ бубенчиковъ—все заглушается снъгомъ; фонари горятъ, но не свътятъ. И люди быстро идутъ по улицамъ съ поднятыми воротниками, втянувъ шею въ приподнятыя плечи,—они спъшатъ скоръе, скоръе домой.

Вечеръ. Лео Хёйбро идетъ выпрямившись во весь свой ростъ и ничего не чувствуя, онъ пробирается, какъ медвъдъ по снъту, покрывающему Слотсбаккенъ. Онъ все еще безъ пальто, и на рукахъ у него нътъ перчатокъ; время отъ времени, когда его лъвое ухо наполняется снъгомъ, онъ быстро вытираетъ его своими красными, теплыми руками и идетъ дальше, не спъша.

Хёйбро идетъ изъ банка домой. Онъ уже дошелъ до Парквейенъ; вдругъ одна изъ входныхъ дверей въ домѣ, мимо котораго онъ проходитъ, ыстро растворяется, и изъ нея выскальзываетъ на улицу дама, послѣ чего дверь снова осторожно затворяется. Дама замѣчаетъ его и хочетъ отступить назадъ, но уже поздно,—они стоятъ лицомъ къ лицу. Онъ сейчасъ же узнаетъ ее,—это Шарлотта, и онъ кланяется ей.

"Какъ фрекенъ отважилась выйти въ такую погоду?"

Она испугалась, и въ то же время ей стало стыдно; неужёли онъ подозрѣваетъ что-нибудь? Меньше всего ей хотѣлось встрѣтить именно Хёйбро, когда она выходила изъ дверей Бондесена. Какое счастье, что фонари горѣли такъ тускло, иначе онъ сейчасъ же замѣтилъ бы ея замѣшательство.

Она отвѣтила нѣсколькими словами, что вышла въ городъ по дѣлу и, къ несчастью, запоздала.

Но Хёйбро говорилъ съ ней такъ просто и спокойно, что и она вскоръ совсъмъ успокоилась. Онъ разсказалъ ей, между прочимъ, одну маленькую сцену, происшедшую при открытіи стортинга, на которомъ онъ присутствовалъ, и эта сцена была такъ комична, что она расхохоталась. Она была счастлива, что онъ не заподозрилъ ее ни въ чемъ; конечно онъ ни о чемъ не догадывался, разъ онъ былъ такъ спокоенъ.

Они пробираются по сугробамъ на встръчу мятели и итти имъ очень трудно.

"Не позволите ли вы мнѣ предложить вамъ руку," сказалъ онъ. "Можетъ быть вамъ будетъ все-таки легче итти?"

"Спасибо!-отвътила она и взяла его подъ руку."

"Да здѣсь никто насъ и не увидитъ," прибавилъ онъ потомъ.

На это она ничего не отвѣтила. Богъ знаетъ, что онъ этимъ хотъпъ сказать?

"Какъ странно, что мы такъ ръдко видимъ васъ теперь," сказала она.

И онъ снова отвѣтилъ, какъ и много разъ раньше, что у него очень много работы, ночной экс пной работы, которая поглощаетъ его время.

Онъ говорилъ правду. Въ долгіе вечера, сидя одинъ въ своей комнатѣ, онъ уже почть закончилъ небольшую работу, нѣчто въродѣ философско-политической брошюры, въ которой онъ обрисовывалъ идеальныя стремленія лѣвыхъ къ полному равенству въ уніи и въ то же время горячо нападалъ на редактора Люнге

и на дъятельность "Газеты". Надъ этой статьей Хёйбро дъйствительно усердно работалъ, и фру Иленъ замътила даже, что за послъднее время онъ засиживался до глубокой ночи и сжигалъ все больше и больше парафину.

Но Шарлотта ничего не знала объ этихъ ночныхъ занятіяхъ, она засмѣялась и сказала:

"Вы всегда все сваливаете на работу! Если бы я только могла этому върить!"

Такъ она не въритъ этому?

Нът-съ, пусть онъ извинитъ, но...

Въ такомъ случать онъ дастъ ей доказательства, когда угодно хоть сейчасъ же, когда они придутъ домой.

Они смъялись и продолжали итти подъ руку. Когда порывы вътра раздували ея платье, она почти совсъмъ останавливалась, тяжелъе опиралась на его руку и плотнъе прижималась къ нему. Какъ это было хорошо, что ей такъ тяжело итти! Ему стало жарко, и онъ сдълался молчаливымъ отъ счастья, что можетъ помогать ей своей сильной рукой пробираться впередъ.

"Вамъ не холодно?" спросилъ онъ.

"Нѣтъ, теперь мнѣ не холодно". отвътила она. "Но вамъ вѣроятно холодно?".

"Мнъ? Ахъ, нътъ!".

Ну, такъ что же изъ того, что его рука дрожитъ? Неужели она могла дрожать отъ холода, разъ онъ то и дъло отодвигалъ на затылокъ свою фуражку, потому что ему было слишкомъ жарко? Вдругъ онъ вспомнилъ, что она безъ сомнънія невъста Бондесена, что она обручена съ другимъ; а потому онъ отвътилъ:

"Если моя рука дрожить, то это не отъ холода, она въроятно просто устала немного, но мы можемъ перемънить руку".

И онъ перешелъ на ея правую сторону и предложилъ ей другую руку.

Послѣ этого они начали пробираться дальше на встрѣчу мятели.

"Но какъ вы можете обходиться безъ пальто?" сказала она. "Если я обходился безъ него до сихъ поръ, то теперь оно уже мнѣ больше не понадобится", сказалъ онъ уклончиво. "Черезъ два мѣсяца наступитъ весна".

Одному Богу извѣстно съ какимъ нетерпѣніемъ Хёйбро ожидалъ весны. Эта зима была для него самой длинной во всей его жизни. Она была полна страданій и печальныхъ дней. Днемъ онъ стоялъ за конторкой въ банкѣ и работалъ подъ вѣчнымъ страхомъ, что фальшивыя подписи на его векселѣ будутъ открыты. Стоило директору сказать ему одно слово, потребовать отъ него какого-нибудь объясненія,—и Хёйбро уже дрожалъ, увѣренный въ томъ, что теперь онъ открытъ. Иногда отчаянное признаніе готово уже было сорваться съ его устъ, и онъ рѣшался положить конецъ своей мучительной тревогѣ; но когда директоръ входилъ, и онъ смотрѣлъ на этого почтеннаго человѣка, который оказывалъ ему безграничное довѣріе въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, языкъ отказывался повиноваться ему, и онъ оставался нѣмъ, какъ могила. И дни шли одинъ за другимъ, а его душевнымъ терзаніямъ не было конца.

Въ такомъ мученіи проходили для него дни.

А по вечерамъ, когда онъ возвращался домой, онъ становился жертвой новой пытки. Его комната была смежной съ общей комнатой хозяевъ; когда онъ слышалъ шаги Шарлотты, раздававшіеся за стѣной, ея голосъ, когда она говорила или напѣвала что-нибудь, то его страсть къ ней вспыхивала съ неудержимой силой, и ему казалось, что по его жиламъ пробѣгаетъ огненная струя. Это было мучительно и сладко, это терзало его душу и наполняло его тревогой, онъ стоялъ и прислушивался у стѣны, онъ слушалъ, затаивъ дыханіе, старался угадывать, что она дѣлаетъ въ это мгновеніе, и дрожалъ отъ тревожнаго и радостнаго ожиданія, когда она проходила мимо его двери въ передней. Можетъ быть, она зайдетъ къ нему? Богъ знаетъ, можетъ быть, у нея

есть какое-нибудь дъло къ нему? А она еще ни разу такъ и не зашла къ нему.—ни разу!

Нътъ, онъ давно уже уѣхалъ бы отсюда, переѣхалъ бы на другой конецъ города, если бы только у него на это были средства. Но до тѣхъ поръ, пока фру Иленъ не отдастъ ему долгъ, эти полтораста кронъ, онъ не могъ двинуться съ мѣста. Онъ наскребъ послѣдніе эре, заложивъ шубу и платье, чтобы уплатить въ банкъ ежемѣсячный взносъ, но зато послѣ этого у него не оставалось больше ни одного шиллинга. Но, слава Богу, къ слѣдующему сроку платежа для него былъ выходъ; фру Иленъ сама говорила ему какъ-то, что Фредрикъ зарабатываетъ теперь очень хорошо, и что она отдастъ ему долгъ уже въ серединѣ слѣдующаго мѣсяца. Такимъ образомъ его долгъ въ банкѣ будетъ наконецъ погашенъ, и его опасная продѣлка съ поддѣланными подписями будетъ погребена и забыта навѣки. А затѣмъ наступитъ весна съ солнечными днями и свѣтлыми тихими ночами. О, Боже, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждетъ ее!

"Скоро мы будемъ дома", сказала вдругъ Шарлотта. "Да".

Она подняла голову и взглянула на него, но не могла разглядъть его лица. Онъ произнесъ это "да" такъ странно, печально и беззвучно. Она засмъялась и сказала:

"Пожалуй, вы были бы не прочь пойти гулять сегодня ночью въ поле?".

"Да, если бы вы были со мной", вырвалось у него, но потомъ онъ сейчасъ же пожалълъ, что такъ отвътилъ, сдълалъ нъсколько быстрыхъ шаговъ и сказалъ коротко и отрывисто: "Вздоръ! Что за вздоръ я несу! Ну, вотъ мы и дома".

Онъ отворилъ дверь, пропустилъ ее впередъ и пошелъ вслъдъ за ней. Въ передней имъ отперла дверь сама фру Иленъ. "Господи, Шарлотта, гдъ ты была такъ долго?" спросила она съ укоризной.

Хёйбро подошелъ къ ней засмѣялся и сказалъ:

"Простите насъ, пожалуйста, мы прогулялись съ фрёкенъ Шарлоттой".

Фру Иленъ только всплеснула руками, удивляясь, что они выбрали такую безподобную погоду для прогулки.

Хёйбро ничего больше не сказалъ. Шарлотта посмотръла на него украдкой,—неужели онъ все-таки догадался, гдѣ она была и хотълъ выгородить ее? Она готова была провалиться сквозь землю.

Но фру Иленъ положила конецъ ея замѣшательству, отворивъ дверь въ комнаты и заставивъ ихъ войти. Такъ какъ на Хёйбро не было пальто, то его насильно втолкнули въ комнату, несмотря на то, что онъ былъ весь покрытъ снѣгомъ. Да, да, онъ непремѣнно долженъ войти, у нихъ кстати и гости, онъ можетъ хоть одинъ разъ быть любезнымъ!

На диванъ сидъла молодая дъвушка ръдкой красоты. Она заглянула къ Иленамъ, возвращаясь домой изъ города, сама она жила еще дальше въ Хегдехаугенъ; она зашла повидатъ Шарлотту. У нея былъ необыкновенно бълый лобъ и зеленоватые глаза. На шеъ у нея была бархатная ленточка, совсъмъ, какъ у маленькой лъвочку.

Хёйбро сейчасъ же покорно усѣлся и началъ очень усердно занимать дамъ. Мало по малу онъ оживился и говорилъ, не умолкая. Вообще онъ показалъ себя въ этотъ вечеръ съ совершенно новой стороны. И Шарлотта, и Софи были очень удивлены произошедшей въ немъ перемѣнѣ. Самъ онъ очень хорошо сознавалъ, зачѣмъ разыгрываетъ такого веселаго кавалера, —пусть эта молодая дѣвушка не скучаетъ, онъ все сдѣлаетъ, чтобы она провела время какъ можно пріятнѣе. До сихъ поръ онъ высказывалъ Шарлоттѣ слишкомъ много вниманія, сегодня ни у кого не возникаетъ никакихъ подозрѣній, онъ покажетъ, что умѣетъ владѣть собой.

Шарлотта нѣсколько разъ внимательно взглядывала на него. Отъ холода щеки его разгорѣлись, глаза его сверкали, рѣчь липась непринужденно. Шарлотта напомнила ему, что онъ объщалъ представить ей доказательства того, что онъ такъ сильно занятъ.

Да, онъ принесетъ ихъ сію минуту.

И онъ поднялся.

Не можетъ ли она пойти съ нимъ? И Шарлотта тоже поднялась. Такъ ему будетъ меньше хлопотъ.

Нътъ! сказалъ онъ коротко.

Она молча снова съла на свое мъсто.

Хёйбро уже вышелъ изъ комнаты. Что съ ней случилось? Сегодня она въ первый разъ выразила желаніе зайти къ нему въ комнату, что бы это могло означать? Да, да, сегодня онъ не стъснялъ ее, его совъсть была спокойна.

Онъ возвратился со своей брошюрой, развернулъ написанные листы въ рукахъ и сказалъ:

"Ну, вотъ доказательство того, что я работаю по ночамъ. Ха-ха, вамъ, въроятно, кажется, что это ни въсть, какой великій трудъ? Но дъло въ томъ, что я не привыкъ много писать, я слишкомъ долго думаю, а потому работа моя подвигается такъ медленно. Тъмъ не менъе, увъряю васъ, что этимъ-то я и занимаюсь по вечерамъ".

Софи спросила:

"Что это? Скажите, что это такое?".

"Право, не знаю, чѣмъ это назвать?" отвѣтилъ онъ. "Политическая статья, увѣряю васъ,—маленькое предостереженіе, сигналъ... по мѣрѣ силъ моихъ".

Во всякомъ случаъ было бы очень пріятно когда-нибудь прочесть его произведеніе.

Нътъ, сказалъ онъ, Богъ знаетъ, выйдетъ ли еще изъ этого что-нибудь. Но онъ во всякомъ случаъ докончитъ свою статью.

"Я увърена, что это будетъ что-нибудъ хорошее", сказала Шарлотта тихо.

Какъ она могла это знать? Онъ покраснълъ, онъ былъ тронутъ и поблагодарилъ ее со смущенной улыбкой и сейчасъ же снова обратился къ чужой дъвушкъ. Онъ сталъ продолжать разсказывать съ того мъста, на которомъ его прервали. Онъ разсказывалъ про одно приключеніе на охотъ, и молодая дъвушка сказала, что ей кажется, будто вся комната наполнилась смолистымъ запахомъ сосенъ. Она тоже жила всегда въ деревнъ и только годъ тому назадъ переселилась въ Христіанію; она такъ хорошо понимала то наслажденіе, которое онъ испытывалъ при видъ лъсовъ, полей и луговъ подъ открытымъ небомъ.

Она говорила мягкимъ, нъсколько слабымъ голосомъ.

Въ передней послышались шаги, — это возвратился домой Фредрикъ.

Фредрикъ былъ не въ особенно хорошемъ настроеніи духа. Съ тѣхъ поръ, какъ открылся стортингъ, дѣла его пошли еще хуже, — не могло быть больше и рѣчи о томъ, чтобы помѣстить въ газетѣ хотя бы самую крошечную научную замѣтку, составленную имъ. "Газета" снова превратилась въ чисто политическій органъ, въ ней каждый день появлялись передовицы о различныхъ важныхъ вопросахъ и съ самыми яростными нападками на правительство.

Это министерство, которое начало такъ хорошо, руководителемъ котораго былъ народный герой и идолъ, колебалось все болье и болье и повидимому, не могло продержаться даже до конца сессіи стортинга. И никто не былъ болье искренно заинтересованъ въ его паденіи, нежели "Газета". Да, времена были дъйствительно неспокойныя, тревожныя. Министерство было такое, что всъ либеральныя газеты смъялись надъ нимъ и проклинали его за его предательское отступничество, и на него тяжелымъ бременемъ ложилось всеобщее глубокое превръніе; оно находилось въ зависимости отъ стортинга, который медлилъ нанести ему смертельный ударъ. Къ этому надо прибавить расколъ лъвыхъ, среди которыхъ шла перебранка относительно послъднихъ большихъ реформъ; переходъ старыхъ политиковъ изъ одной партіи

въ другую и замъщательство, смятение и шаткость убъждений со всъхъ сторонъ.

Никогда еще раньше Иленъ не жилъ въ такомъ возбужденномъ состояніи; съ каждымъ днемъ ему становилось все яснъе, что партійная политика не была его спеціальностью, — и ему приходилось выбиваться изъ силъ, чтобы совсъмъ не сдаться. Мало по малу онъ перещелъ отъ описанія употребленія можжевеловыхъ ягодъ въ лечебныхъ цъляхъ - что, откровенно говоря, не могло имъть особеннаго общественнаго интереса — къ статьямъ о домашнихъ средствахъ противъ различныхъ болъзней, —извлечение изъ одной популярной врачебной книги. Онъ опускался все ниже и ниже, писалъ о поддержаніи чистоты на улицахъ, о проведеніи клоакъ, и наконецъ написалъ статью объ упорядоченіи торговли мясомъ на рынкахъ. Ниже пасть было невозможно; какая пропасть между его народнымъ вопросомъ въ два милліона и предостереженіемъ мясникамъ въ Христіаніи держать въ чистотъ свои фартуки. Но для окончательнаго его униженія редакторъ потребовалъ теперь, чтобы онъ писалъ отчеты о засъданіяхъ стортинга, и при этомъ Люнге лишилъ его постояннаго жалованья и замѣнилъ жалованье построчной платой. Все это произошло какъ разъ сегодня передъ тъмъ, какъ онъ уходилъ изъ редакціи.

Иленъ былъ мраченъ и подавленъ; мать спросила:

"Но развѣ построчная плата такъ плоха?"

"Нѣтъ, мама", отвѣтилъ онъ, "она могла бы быть очень хорошей, если бы только печатали все, что я пишу".

Въ комнатъ наступило молчаніе. Даже Хёйбро нъсколько времени ничего не говорилъ. Итакъ, фру Иленъ не могла отдать ему его маленькаго долга,—а какъ же онъ сдълаетъ свой обычный взносъ въ банкъ въ слъдующій мъсяцъ? Но сегодня вечеромъ онъ во всякомъ случать ничты не проявитъ своего огорченія! И онъ подстать къ Фредрику и ласково заговорилъ съ нимъ; онъ сказалъ ему, что стоитъ только немного привыкнуть писать

псстрочно, и тогда можно заработать гораздо лучше,—тогда больше чувствуешь себя своимъ господиномъ, да и работать можно при такихъ условіяхъ также и дома.

"Да", сказалъ Фредрикъ, "вотъ это я теперь и попробую".

Молодая дѣвушка, сидѣвшая въ углу дивана, встала, собираясь уходить. Хёйбро предложилъ проводить ее домой, и она сердечно поблагодарила его за любезность. Но ей было совѣстно безпокоить его и заставлять выходить на улицу въ такую ужасную погоду.

Для него это ровно ничего не значитъ! О, онъ наслаждается когда на него сыплетъ снѣгъ!

Тутъ Шарлотта тоже поднялась и отвела мать въ уголъ. Ей также хотълось бы пойти проводить подругу, можно? Только на этотъ разъ! Дорогая!

Что за фантазія! Но что такое съ Шарлоттой сегодня вечеромъ? Она хотѣла снова выйти на улицу, съ умоляющимъ выраженіемъ въ глазахъ она просила мать позволить ей проводить гостью въ эту мятель. Мать отрицательно покачала головой, а Шарлотта продолжала шопотомъ просить ее.

Хёйбро догадывается, о чемъ она проситъ, онъ тоже качаетъ отрицательно головой и говоритъ съ улыбкой:

"О, нътъ, такая погода дъйствительно не для васъ, фрёкенъ".

Она смотритъ на него, кидаетъ на него быстрый опечаленннй взглядъ и порывистымъ движеніемъ садится снова на свой стулъ.

Когда Хёйбро возвратился вечеромъ домой, проводивъ молодую дъвушку, онъ слышалъ, что Шарлотта еще не спала въ своей комнатъ.

XI.

Утромъ Шарлотта пошла проводить своего брата въ редакцію. Онъ долженъ былъ быть въ половинъ десятаго въ стортингъ, и онъ былъ очень разстроенъ. Къ чему онъ такъ много учился и писалъ, разъ ему теперь приходится писать маленькія замѣтки о стортингѣ?

Редактора въ редакціи еще не было. Секретарь далъ Шарпоттъ иллюстрированные газеты и журналы изъ послъдней почты, чтобы она ихъ пока просматривала. Немного спустя въ дверь вошелъ редакторъ.

Онъ насвистывалъ, его шляпа была надъта немного на бекрень и вообще видно было по всему, что онъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Онъ поздоровался съ улыбкой сказалъ нъсколько шутливыхъ и ласковыхъ словъ Илену и попросилъ его не забыть взять съ собой карандашъ, когда онъ пойдетъ въ судъ.

"Вы не должны думать, что васъ навсегда оставять при этой скучной работь", сказаль онъ: "но сегодня вамъ придется еще оказать намъ эту услугу. Дъло въ томъ, что я долженъ былъ послать одного сотрудника въ Іевнакеръ на собраніе въ честь Бьернсона.

И онъ ушелъ въ свой кабинетъ.

Немного погодя, онъ снова открылъ дверь и сказалъ:

"Не хотите ли вы войти сюда посидъть, фрекенъ Иленъ?

Шарлотта вошла въ кабинетъ. Ей очень нравился Люнге, который всегда былъ необыкновенно любезенъ съ ней. Даже послѣ того, какъ братъ заглянулъ въ дверь и сказалъ, что уходитъ въ стортингъ, она продолжала сидѣть на своемъ мѣстѣ и разговаривала съ редакторомъ, который во время разговора читалъ письма и быстро просматривалъ телеграммы.

Вдругъ онъ прекратилъ работу. Онъ встаетъ и подходитъ къ ней, стоитъ и смотритъ на нее. Она поднимаетъ голову отъ журнала, который перелистываетъ, бросаетъ на него взглядъ и вдругъ вся вспыхиваетъ. Онъ стоялъ передъ ней, склонивъ голову немного на бокъ и заложивъ руки за спину, и смотрълъ на нее прищуренными глазами.

"Какіе у васъ великолѣпные волосы!" сказалъ онъ вполголоса и засмѣялся дрожащимъ смѣхомъ.

Она не могла дольше сидѣть, въ головѣ у нея зашумѣло, комната завертѣлась передъ ея глазами, она встала и вдругъ почувствовала на своемъ лицѣ его дыханіе, и въ тоже мгновеніе его руки обняли ее.

Она испустила слабый, сдавленный крикъ и услышала, качъ онъ прошепталъ: "тише, тише". Тутъ она снова опустилась на стулъ. Она смутно сознавала, что онъ поцѣловалъ ее.

Онъ снова наклонился къ ней, и она слышала, какъ онъ говорилъ ей тихимъ голосомъ оскорбительныя слова; и когда она почувствовала, что онъ снова хочетъ обнять ее, дотронуться до нея, какъ бы желая помочь ей встать, она собрала всѣ свои силы и оттолкнула его. Потомъ она встала, не говоря ни слова; она сильно дрожала.

"Ну, ну!" сказалъ онъ, какъ бы успокаивая ее, и снова засмъялся какимъ-то внутреннимъ дрожащимъ смѣшкомъ.

Она порывисто отворила дверь и вышла. Она была такъ ошепомлена, такъ смутно сознавала то, что случилось, что даже кивнула ему на прощанье.

Когда она очутилась на улицѣ, то глаза ея начали наполняться слезами; она вся дрожала. Она поднялась высоко на Слотсбаккенъ, прежде чѣмъ немного успокоилась.

Нътъ, теперь надо этому положить конецъ. Казалось, словно всъ знали, какая она, и потому позволяли себъ обращаться съ ней самымъ оскорбительнымъ образомъ. Она ръшила разсказать все Бондесену и попросить его немедленно объявить о ихъ помоловкъ. А повънчаются они послъ, когда это будетъ возможно.

Она вдругъ вспомнила о Хёйбро. Да, конечно, и онъ зналъ все про нее; вотъ и вчера вечеромъ, развѣ не постарался онъ попросту выгородить ее? Вотъ, до чего дошло! А поэже вечеромъ Хёйбро былъ даже невѣжливъ съ ней, отвѣчалъ ей холодно, рѣзко,—съ большимъ презрѣніемъ онъ не могъ обращаться даже

съ какой-нибудь дѣвченкой, а вѣдь раньше онъ былъ съ ней такъ ласковъ и внимателенъ. А потомъ онъ пошелъ провожать Мими домой, пошелъ провожать этого совершенно для него чужого человѣка въ снѣгъ и бурю. Но почему бы ему этого и не сдѣлать? А она—Ш—не могла и ожидать другого обращенія съ собой, развиро нее знали, какая она. Но вѣдь у Мими стриженные воздать жайбро сказалъ какъ-то самымъ опредѣленнымъ образомъ, что онъ не любитъ женщинъ со стриженными волосами; но зачѣмъ же онъ въ такомъ случаѣ пошелъ провожать Мими домой?

Тутъ ея мысли снова вернулись къ тому, что случилось сегодня, только что. Ей показалось, что это быль сонь, и она остановилась посреди парка, стараясь дать себъ отчетъ въ томъ, произошла ли въ дъйствительности эта сцена въ редакціи. О чемъ говорилъ Люнге? О свиданіи вечеромъ? Не дотронулся ли онъ насколько разъ руками до ея груди, когда хоталъ помочь ей встать? А что, если все это было однимъ воображеніемъ? Она не была больше увърена ни въ чемъ, она чувствовала себя утомленной и измученной послъ долгой безсонной ночи, проведенной въ слезахъ и припадкъ отчаянія, едва ли она спала коть одинъ часъ. Можетъ быть, если хорошенько подумать, то Люнге ничего не говорилъ ей, ни о чемъ не просилъ ее? Можетъ быть, онъ просто хотълъ успокоить ее, когда ей показалось, что онъ обнялъ ее. Дай-то Богъ, чтобы все это было воображеніемъ! Во всякомъ случать, она уже не помнила больше, какт она вышла изт редакціи и очутилась на улицъ.

Бондесена она дома не застала.

Съ тяжелымъ сердцемъ пошла она домой. Вечеромъ она должна увидъться съ Бондесеномъ, больше она не хотъла ждать, необходимо было немедленно выяснить ихъ отношенія. Мысли ея были все время заняты Люнге. Можетъ быть онъ ничего и не говорильей, она вообразила себъ это; но онъ во всякомъ случаъ поцъло-

валъ ее! И въ то время, какъ она шла домой по улицъ, она нъсколько разъ плюнула.

Когда она вошла въ переднюю, то къ своему удивленію увидала Бондесена, который какъ разъ въ эту минуту торопливо вышелъ изъ комнаты Хёйбро. Съ минутку они молча смотрятъ другъ на друга, въ первое мгновеніе онъ даже растерялся немного, но потомъ онъ быстро говоритъ:

"Тебя не было дома, и я искалъ тебя по всѣмъ комнатамъ' я взглянулъ даже въ комнату Хёйбро".

"Ты хотълъ со мной поговорить?" спросила она.

"Нътъ. Я просто хотълъ пожелать тебъ добраго утра. Я тебя вчера не видалъ".

Она услыхала шаги матери и быстро увлекла Бондесена за собой на лъстницу, затворивъ дверь въ переднюю.

Они пошли вмъстъ по улицъ, они почти не разговаривали, каждый думалъ о своемъ.

Когда они вошли въ комнату Бондесена, Шарлотта съла на диванъ, а Бондесенъ сълъ рядомъ съ ней на стулъ. Въ первый разъ въ этомъ мъстъ она не сняла пальто. Она заговорила о томъ, что лежало у нея на сердцъ; необходимо предпринять чтонибудь, люди догадываются обо всемъ и презираютъ ее.

Догадываются? Кто догадывается?

Всѣ,—Хёйбро, Люнге, Богъ знаетъ, можетъ быть и Мими Арентценъ замѣтила что-нибудь, она вчера такъ странно смѣрила ее взглядомъ.

Бондесенъ засмъялся и сказалъ, что все это вздоръ.

Вздоръ? Нътъ, это не вздоръ, и онъ самъ убъдится въ этомъ. И она сказала порывисто, голосомъ, въ которомъ слышались рыданія, что даже Люнге оскорбилъ ее сегодня.

Бондесенъ вздрогнулъ. Люнге? Она сказала, Люнге? Да, Люнге.

Что онъ сдълалъ?

О, Боже, зачѣмъ онъ мучаетъ ее? Люнге оскорбилъ ее, онъ поцъповалъ ее.

Люнге? Бондесенъ такъ пораженъ, что ротъ его остается разинутымъ. Чортъ побери, подумайте, самъ Люнге! сказалъ онъ.

Шарлотта смотритъ на него.

"Повидимому, это не особенно огорчаетъ тебя?" замътила она. Бондесенъ молчитъ нъкоторое время.

"Я хочу тебѣ только сказать", отвѣтилъ онъ, "что Люнге это не то же самое, что кто-нибудь другой, что всякій встрѣчный-поперечный".

Она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

"Что ты этимъ хочешь сказать?" спросила она, наконецъ.

Но онъ только быстро и нетерпѣливо покачалъ головой и отвътилъ:

"Ничего, ничего! У тебя какое-то пристрастіе докапываться до причинъ, Шарлотта!".

"Нътъ, ты скажи, что ты подъ этимъ подразумъвалъ?" воскликнула она внъ себя и вдругъ бросилась ничкомъ на диванъ, прожа отъ рыданій.

Бондесенъ ничего не могъ подълать съ тъмъ, что его чувства къ Шарлоттъ съ каждымъ днемъ все болье и болье охладъвали. За послъдній мъсяцъ въ немъ происходила борьба изъ за того, долженъ пи онъ жениться на Шарлоттъ послъ того, что произошло между ними,—а бракъ этотъ во всъхъ отношеніяхъ былъ для него нежелателенъ—или же открыто и честно порвать съ нею всъ сношенія. Развъ въ такомъ разрывъ было бы что-нибудь предосудительное? Въдъ такіе открытые разрывы случались въ жизни очень часто и въ другихъ отношеніяхъ. Вотъ хотя бы взять для примъра "Газету": когда она не могла больше служить политикъ ненависти и злобы къ братскому народу, она мужественно выступила впредъ и отреклась отъ нея. А какъ могъ онъ самъ— Бондесенъ—поступить по отношенію къ Шарлоттъ въ качествъ порядочнаго человъка? Развъ онъ былъ бы правъ по отно-

шенію къ самому себѣ и къ ней, если бы на всю жизнь заключилъ союзъ, основанный на лжи и скрытой холодности?

Онъ дъйствительно все взвъсилъ самымъ добросовъстнымъ образомъ, и нъкоторое время чувствовалъ даже мучительныя угрызенія совъсти, и теперь онъ пришелъ, наконецъ, къ тому результату, что самое лучшее для никъ обоихъ разстаться по хорошему.

Ему казалось даже, что его человъческое достоинство возросло послъ этого ръшенія. Онъ чувствовалъ въ себъ силу правды, и поднялся въ своихъ собственныхъ глазахъ отъ сознанія, что поступилъ по совъсти.

Такъ какъ Шарлотта продолжала рыдать, то онъ сказалъ такъ мягко и осторожно, какъ только это было возможно:

"Встань и постарайся выслушать меня спокойно, мнѣ хотѣ-лось бы кое-что сказать тебѣ".

"Ты въроятно не любишь меня больше, Эндре?", сказала она совсъмъ тихо.

На это онъ ничего не отвѣтилъ, онъ погладилъ ее по воло-

"Дай мнѣ объясниться"...

Тутъ она вдругъ подняла голову и посмотрѣла на него. Глаза ея были сухи, но она еще всклипывала.

"Такъ это правда? Скажи, ты меня не любишь больше? Да отвъчай же, отвъчай!".

Онъ собрался съ силами и сказалъ ей мягко и искренно, что не любитъ ее больше такъ, какъ прежде. Онъ ничего не могъ подълать съ этимъ, она должна върить ему. Но онъ высоко цънитъ ее.

Послѣ этого на нѣсколько минутъ водворилось молчаніе, только Шарлотта продолжала еще всхлипывать, она опустила голову, она низко, низко поникла головой и сидѣла неподвижно, не шевеля ни однимъ пальцемъ.

Онъ былъ искренно огорченъ, видя, что она такъ глубоко

опечалена изъ-за него. Ему пришло въ голову унизить себя въ ея глазахъ, и онъ сказалъ, что въ сущности она должна радоваться, что онъ недостоинъ ея, что она ровно ничего не потеряла. Но, какъ порядочный человъкъ, онъ долженъ былъ ей сказать правду, пока не было поздно. А затъмъ, пусть она дълаетъ съ нимъ, что хочетъ.

Снова наступило долгое молчаніе; Шарлотта приложила руки ко лбу. Молчаніе продолжалось такъ безконечно долго, что онъ взялъ свою шляпу со стола и началъ ее поглаживать.

Вдругъ она порывисто отняла руки отъ лица, посмотръла на него съ застывшей, отталкивающей улыбкой и сказала:

"Тъбъ, въроятно, очень хочется, чтобы я поскоръе ушла?".

Онъ смутился и положилъ свою шляпу обратно на столъ. Господи, неужели же нельзя смотръть на жизнь менъе трагически? Въдь разрывы происходятъ въ жизни вездъ, во всъхъ отношеніяхъ.

"Нѣтъ, особенно торопиться некуда", отвѣтилъ онъ съ едва замѣтной рѣзкостью, чтобы ничѣмъ не ослабить своей рѣшимости.

Тогда она встала и пошла къ двери. Онъ закричалъ ей вслѣдъ, что они должны разстаться друзьями, и что она должна, простить его. Но она уже отворила дверь и вышла изъ комнаты не произнеся ни слова и не посмотрѣвъ даже на него. Онъ слышалъ ея шаги по скрипучимъ ступенямъ все ниже и ниже, во второмъ этажѣ, въ первомъ,—и тогда онъ всталъ за гардиной у окна, чтобы посмотрѣть на нее, когда она выходила на улицу. Ея шляпа все еще сидѣла на головѣ криво послѣ того, какъ она бросилась ничкомъ на диванъ. Но вотъ она исчезла за угломъ. Какъ криво у нея на головѣ сидѣла шляпа!

Бондесенъ облегченно вздохнулъ. Кончено! Какую борьбу онъ вынесъ за послъдній мъсяцъ, и чего онъ только не придумывалъ, чтобы какъ-нибудь получше покончить съ этими несчастными отношеніями. И вотъ, теперь эта борьба кончилась.

Съ полчаса Бондесенъ сидитъ на стулѣ неподвижно и обду-

мываетъ то, что произошло. Онъ былъ искренно огорченъ тѣмъ, что ему пришлось нанести Шарлоттѣ этотъ тяжелый ударъ, такъ сказать, прямо въ лицо; ему было бы больше по душѣ, это болѣе соотвѣтствовало бы его желаніямъ, если бы онъ могъ довести исподволь до разрыва, сдѣлать это болѣе деликатно. Но она сама спросила его,—и ему оставалось только отвѣтить.

Не было никакого сомнънія въ томъ, что первая обязанность каждаго человъка быть правдивымъ по отношенію къ самому себъ. Онъ не могъ упрекнуть себя ни въ чемъ другомъ, кромъ того, что слишкомъ необдуманно отдался своей страсти къ этой молодой дъвушкъ; въ этомъ была его ошибка, съ этого все и началось. Но развъ могъ кто-нибудь отрицать права сердца и ставить ему въ вину необдуманные поступки?

Тутъ Бондесенъ вдругъ вспоминаетъ, что еще не завтракалъ. Идя по парку, онъ продолжаетъ думать о непріятной сценѣ въ его комнатѣ. Онъ припоминаетъ все такъ ясно: что онъ сказалъ, и что она отвѣтила. Онъ вспоминаетъ также, что столкнулся съ Шарлоттой у нея въ передней, и что она чуть не застала его въ комнатѣ Хёйбро.

Нътъ, но что за подозрительный парень этотъ Хёйбро! Онъ работалъ, закладывалъ мины, весь его столъ былъ заваленъ черновыми замътками и исписанными листами. Какъ вамъ это нравится, онъ собирался выступить, помъряться силами ни съ къмъ инымъ, какъ съ самимъ Люнге! Да поможетъ ему Богъ! Онъ будетъ раздавленъ, стертъ въ порошокъ между пальцами Люнге...

Нътъ, каково? Поцъловалъ ее! Самъ Люнге! Вотъ такъ молодчина! Что за дъявольская смълость! Кто бы могъ этому повърить?

Илену повезло въ стортингъ. Онъ просидълъ нъсколько часовъ и настоящаго дъла у него не было; но когда онъ пришелъ въ редакцію со своими бумагами, то оказалось, что онъ все-таки могъ заполнить по крайней мъръ два столбца. Такъ легко снъ никогда еще раньше не зарабатывалъ деньги. Люнге сейчасъ же просмотрълъ статью и нашелъ ее превосходной...

Придя домой, Иленъ спросилъ Шарлотту, не заболъла ли она сегодня въ редакціи "Газеты". Что съ ней случилось?

Когда Шарлотта возвратилась домой отъ Бондесена, то она крѣпко заснула и проспала нѣсколько часовъ. Теперь она была только блѣдна и ее слегка знобило, но въ общемъ она чувствовала себя, какъ всегда.

Она отвътила брату, что дъйствительно почувствовала себя нехорошо въ редакціи, но когда она вышла на улицу, то все прошло.

"Люнге очень безпокоился за тебя", сказалъ Фредрикъ.

"Въ самомъ дѣлѣ"?

Пауза.

Но тутъ Шарлотта приводитъ въ недоумъніе брата, объявивъ вдругъ, что она никогда больше не будетъ провожать его въ редакцію. А когда онъ сталъ приставать къ ней, требуя объясненія, то она сказала, что ей стыдно встрѣчаться съ Люнге,—вѣдь вышло такъ неловко, ей сдѣлалось дурно чуть ли не на рукахъ у чужихъ людей.

XII.

Люнге очень досадовалъ на себя за то, что далъ волю своимъ чувствамъ по отношенію къ Шарлоттѣ. И вовсе не потому, что находилъ, что зашелъ хоть на волосокъ дальше того, въчемъ онъ могъ бы, въ случаѣ надобности, оправдаться; но, во всякомъ случаѣ, было непріятно быть отвергнутымъ, униженнымъи отступить, не добившись своей цѣли. Всегда его унижали, всегда отвергали! Только у болѣе доступныхъ, болѣе опытныхъженщинъ онъ добивался нѣкотораго успѣха—но не у другихъ у этихъ ему отказа не было.

Случай съ Шарлоттой волновалъ его тъмъ болъе, что онъ не могъ отдълаться отъ нъкотораго страха. До сихъ поръ онъ еще:

никогда не осмъливался испытывать свое счастье у молодыхъ дъвушекъ ея круга; кто могъ поручиться, какъ она отнесется къ этому, въдь у нея была семья, много родственниковъ, и можно было ожидать всякихъ недоразумъній и непріятностей. Ну, какъ бы то ни было, но третье лицо не присутствовало при этой сценъ, и доказательствъ никакихъ не было.

Во всякомъ случав, вся эта исторія была ему крайне непріятна. Теперь ему придется еще нѣкоторое время смотрѣть сквозь пальцы на бездарность ея брата; послѣдній рефератъ Фредрика Илена о засѣданіи стортинга былъ ниже всякой критики, и онъ возбудитъ только смѣхъ, если его напепечатать. Но онъ всетаки долженъ напечатать его и даже заплатить за него дороже обыкновеннаго, чтобы хоть чѣмъ-нибудь успокоить себя.

И Люнге поклялся, что никогда больше ни одна молодая дѣвушка не соблазнитъ его на необдуманный поступокъ.

Однако это вовсе не означало, что онъ отказывается отъ поклоненія женщинамъ, хотя бы это относилось къ болѣе опытнымъ. Не далѣе какъ въ это утро фру Дагни остановила его на улицѣ, и однимъ пожатіемъ своей руки и своей алой улыбкой она заставила снова вспыхнуть его старую склонность къ ней. Холодность не была въ его натурѣ, при всемъ своемъ желаніи онъ не могъ оставаться холоднымъ. Фру Дагни была болѣе, чѣмъ любезна, она жаловалась, что видитъ его такъ рѣдко, сказала, что соскучилась по немъ и что ей надо поговорить съ нимъ объ одномъ дѣлѣ, которое занимало ее за послѣднее время.

Они условились пойти вечеромъ вмѣстѣ въ театръ, а оттуда Люнге долженъ былъ пойти проводить ее домой. И Люнге съ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера. Съ нимъ, между прочимъ, случилась одна маленькая непріятность; онъ отбросилъ въ сторону газету, которую читалъ и нахмурилъ брови. Эта жалкая назойливая прачка изъ Хаммерсборга до сихъ поръ еще не перестала надоѣдать ему, ей удалось напечатать наконецъ свое воззваніе въ "Verdens Gang", да къ тому же она не умолчала о томъ, что "Газета" отказалась напечатать его.

Люнге пожалъ плечами. Чортъ возьми, теперь онъ наконецъ отдълался отъ этой попрошайки, которая являлась къ нему даже съ неумытымъ лицомъ! Ну, вотъ еще примъръ, —развъ существуетъ на свътъ благодарность? Развъ эта женщина упомянула хоть однимъ словомъ о томъ, что онъ —редакторъ Люнге — оказалъ ей поддержку съ самаго начала значительной суммой денегъ? Ничутъ не бывало, объ этомъ женщина умолчала. Отказали напечатать въ "Газетъ"! Вотъ и все.

Какъ только Люнге покончилъ съ наиболѣе необходимымъ цля утренняго номера, онъ ушелъ изъ редакціи. Онъ долженъ былъ зайти къ парикмахеру, а оттуда идти прямо къ Дагни. Но предварительно онъ долженъ былъ исполнить еще одно дѣло, и Люнге направился въ редакцію "Норвежца".

Въ редакцію "Норвежца".

Къ своей величайшей досадъ ему надо было уладить одно маленькое недоразумѣніе; но это недоразумѣніе не доставляло ему особеннаго огорченія. Дъло въ томъ, что его маленькій завъдующій конторой, искренно заботясь о процвътаніи "Газеты", выкинулъ глупую штуку. Онъ разослалъ нъчто въ родъ циркуляра во всё тё учрежденія, которыя помёщали въ газетахъ объявленія, въ пароходныя конторы, въ коммерческія конторы, въ правленіе канализаціи въ Фредриксхальдъ и въ другія мъста, и въ этомъ циркулярѣ онъ сравнивалъ число подписчиковъ "Газеты" и "Норвежца" и приглашалъ публику помъщать объявленія въ наиболѣе распространенной газетѣ. Онъ составилъ этотъ планъ въ своей собственной хитрой головъ, но выполнилъ онъ его такъ грубо и откровенно, такъ неделикатно, не намекнувъ даже на какой-нибудь принципіальный вопросъ, что самъ редакторъ долженъ былъ вмѣшаться въ это. Что, если "Норвежецъ" наберется храбрости на этотъ разъ и подниметъ скандалъ! Что, если онъ обвинитъ его въ непорядочномъ поступкъ по отношенію къ єдиномышленнику, къ честно конкурирующему органу! Люнге никоимъ образомъ не желалъ, чтобы его газету обвиняли въ подобнаго рода низости.

Онъ быстро улаживаетъ дъло съ редакторомъ "Норвежца". Онъ влетълъ въ чужую редакцію настоящимъ гоголемъ и сказалъ, что это стыдъ и срамъ и что онъ узналъ объ этомъ только теперь; затъмъ онъ извинился и объщалъ принять мъры, чтобы подобные случаи не повторялись. Этимъ все было исчерпано. Редакторъ "Норвежца" сказалъ нъсколько словъ, которыя надо было сказать, кивнулъ головой въ знакъ привътствія, какъ это полагается, и покончилъ съ этимъ дъломъ. Въ глубинъ души онъ былъ даже радъ, что могъ оказать любезность своему знаменитому коллегъ.

Люнге попрощался и ушелъ. А редакторъ "Норвежца" сейчасъ же пошелъ къ своему секретарю и разсказалъ о случившемся; онъ чувствовалъ сильную потребность подълиться съ къмъ-нибудь своими мыслями, а въ ту минуту никого возлѣ него не было, кромѣ секретаря.

Люнге благополучно миновалъ подводные камни. Онъ пошелъ пегкой походкой, сдвинувъ шляпу на затылокъ, по улицѣ и зашелъ къ парикмахеру. Немного спустя онъ снова вышелъ на улицу выбритый, причесанный, сильно помолодѣвшій и веселый. Этотъ вечеръ онъ былъ свободенъ, у него не было никакой работы и никакихъ заботъ. Пройдя нѣсколько шаговъ онъ вдругъ замѣчаетъ, что у него нѣтъ манжетъ, онъ ихъ забылъ у парикмахера.

Крайне раздосадованный, онъ дълаетъ ръзкій поворотъ и идетъ той же дорогой обратно; черезъ нъсколько минутъ онъ наталкивается на свою жену. Она шла прямо на встръчу ему.

Ну, да, этого еще недоставало! И, на кой чортъ, забылъ онъ свои манжеты! Улизнуть куда-нибудь не было никакой возможности, его жена смотръла ему прямо въ лицо, приближаясь къ нему.

Онъ поздоровался съ ней кивкомъ и сказалъ:

"А, ты въ городъ"?

"Да", отвътила она. "Послушай, не пойдешь ли ты сегодня вечеромъ со мной въ театръ? Мнъ очень хотълось бы этого".

Онъ растерялся.

Въ театръ? Нътъ, сегодня онъ не можетъ пойти въ театръ. Ахъ, пожалуйста! Ей такъ хотълось бы пойти въ театръ.

Но развѣ она не можетъ пойти одна?

Она помолчала немного и потомъ сказала задумчиво "да". Но развѣ не можетъ онъ пойти съ ней вмѣстѣ хоть одинъ разъ? Вѣдь она такъ рѣдко проситъ его о чемъ-либо подобномъ.

Нѣтъ, сегодня вечеромъ у него ночное собраніе.

Но хоть на два акта? Развъ онъ не можетъ просидъть въ театръ хоть два акта? Во всякомъ случаъ онъ могъ бы проводить ее туда.

Но онъ отрицательно покачалъ головой и сказалъ нѣсколько нетерпѣливо, что ему приходится отказываться отъ удовольствій, когда есть дѣло. Да и времена были не такія, чтобы заниматься пустяками; министерство должно быть свергнуто, день былъ уже назначенъ.

Она постояла еще съ минутку.

"Да, да. Ну, въ такомъ случаѣ я пойду одна", сказала она.

"Пойди, конечно. Послушай, не можешь ли ты взять съ собой кого-нибудь изъ дътей? Ахъ, нътъ, я вспомнилъ, что сегодня не дътское представление. Да, да. А я забылъ свои манжеты у парикмахера, придется сходить за ними".

И они разстались.

Какъ ему чертовски повезло, что онъ встрътилъ свою жену прежде, чъмъ пошелъ въ театръ! А впрочемъ, ему и раньше приходилось сталкиваться съ ней въ театръ и въ концертахъ, и она ничего не говорила, если даже онъ былъ съ какой-нибудь дамой; но во всякомъ случаъ она связывала его, онъ не чувствовалъ себя легко и свободно.

Когда Люнге вошелъ въ гостиную фру Дагни Хансенъ, то она

встрътила его маленькимъ радостнымъ восклицаніемъ. Какъ это мило съ его стороны, что онъ нашелъ время заглянуть къ ней въ такіе тревожные дни.

Въ комнатъ находился еще одинъ человъкъ, — это была нъкая фрекенъ Гуде, отличавшаяся совершенно бълыми волосами. Люнге привътливо поздоровался съ ней, онъ уже и раньше встръчался съ нею въ этомъ домъ, — она жила вмъстъ съ фру Дагни, какъ сестра, какъ подруга. Впрочемъ она сейчасъ же вышла изъ комнаты. Она всегда исчезала, когда приходили гости.

Лампы были зажжены, въ углу надъ диваномъ горълъ красный фонарь, а на столъ у противоположной стъны стояла лампа, которая распространяла бълый свътъ изъ подъ бълаго шелковаго абажура. Въ печкъ весело пылалъ огонь.

Фру Дагни сѣла въ уголъ дивана подъ краснымъ фонаремъ, а Люнге помѣстился противъ нея въ креслѣ. Они заговорили о послѣдней новости, о нападеніи на Сандвикѣ, о чемъ въ "Газетѣ" на слѣдующій день должна была быть напечатана большая передовая статья. Какъ могутъ быть люди такъ жестоки другъ къ другу! При мысли объ этомъ фру Дагни охватила дрожь. Она жила одна—одинешенька во всемъ этажѣ съ фрекенъ Гуде и со служанкой, —развѣ не могъ чередъ дойти и до нея!

Люнге засмъялся и сказалъ:

"Одна-одинешенька, — когда васъ три взрослыхъ женщины"! Впрочемъ, онъ долженъ былъ согласиться съ ней, что несчастье могло все-таки случиться. Но наврядъли у кого-нибудь хватило бы духу причинить ей эло — стоило только посмотръть на нее. Онъ этому никогда не повъритъ. Нътъ, вотъ попробовала бы она побывать въ его шкуръ! Анонимныя письма, угрозы, оскорбленія чуть не каждый день!

И фру Дагни снова задрожала.

Ужасно! Что же онъ дълаетъ съ подобными письмами?

. Люнге презрительно пожалъ плечами, два раза презрительно пожалъ плечами и отвътилъ равнодушно:

"Почти не читаю ихъ".

"Ужасно! Но какъ у васъ хватаетъ мужества подвергать себя такой опасности?"

На это онъ отвътилъ небрежной шуткой:

"Что же дълать? Волка бояться-въ лъсъ не ходить!"

Вдругъ фру Дагни вспоминаетъ, что они собирались итти въ театръ, и она вскакиваетъ съ мъста. Въдь она чуть не забыла про это?

Люнге смотритъ на часы. Онъ отвѣчаетъ не сейчасъ. Въ сущности уже поздно, первое дѣйствіе во всякомъ случаѣ будетъ для нихъ потеряно; когда они придутъ туда, то будетъ уже такой-то часъ. Къ тому же, если ужъ правду говорить, то у него сегодня очень мало свободнаго времени... И онъ сказалъ фру Дагни ту же ложь, что и своей женѣ: ему необходимо сегодня еще пойти на одно собраніе,—онъ не можетъ пропустить его. Но фру Дагни не должна сердиться на него за это, онъ съ такимъ удовольствіемъ пойдетъ съ ней въ другой разъ, она, конечно, въритъ этому,—хоть завтра же. Она должна простить его за то, что онъ къ своему величайшему сожалѣнію, задержался въ редакціи такъ долго. Въ настоящее время такая масса дѣла.

Фру Дагни снова опустилась на свое мѣсто. Она задумалась. Разъ нельзя,—такъ нельзя. Но зато въ другой вечеръ онъ долженъ непремѣнно пойти съ ней—и тогда безъ всякихъ отговорокъ!

Но позднее собраніе возбудило ея любопытство. Ей захотѣлось узнать о немъ подробнѣе. Неужели онъ прямо отъ нея пойдетъ на это ночное собраніе? Но до чего этотъ человѣкъ былъ великъ и непроницаемъ! Вѣдь его дѣятельность распространялась на самыя разнообразныя области! Она сказала:

"Такъ вы пришли ко мнѣ только для того, чтобы сказать, что не можете идти въ театръ"?

"Нътъ", отвътилъ онъ, "не совсъмъ. Я пришелъ сюда, во первыхъ, потому, что вы были такъ любезны и разръшили мнъ

это, а затъмъ я пришелъ къ вамъ, чтобы узнать, о чемъ вы хотъли поговорить со мной".

"Да", сказала она, "если бы только у меня хватило духу высказаться откровенно".

И она разсказала, о чемъ она думала за послъднее время. Дъло въ томъ, что ея мужъ былъ въ отсутствіи, онъ былъ въ плаваніи, и долженъ вернуться черезъ нъсколько мъсяцевъ. И вотъ, у фру Дагни вдругъ явилось сильное желаніе доставить мужу маленькое удовольствіе, когда онъ возвратится домой; можетъ быть, она была не совсъмъ-то такой, какой должна была бы быть въ то время, какъ его не было дома... А впрочемъ, объ этомъ не стоитъ говорить... И она вспомнила, что Люнге, со своимъ огромнымъ вліяніемъ на министерство могъ бы помочь ей немного въ этомъ дълъ...

Люнге качаетъ головой.

Она хочетъ, чтобы ея мужъ получилъ повышеніе по службѣ? Нѣтъ, наврядъ ли это возможно? Не правда ли? Она въ этомъ ничего не понимаетъ. Но ей такъ хотѣлось бы доставить мужу маленькое удовольствіе, порадовать его чѣмъ-нибудь по возвращеніи домой. И ей пришло въ голову—объ этомъ такъ неловко говорить—по правдѣ сказать, она подумала объ орденѣ для него, о крестѣ.

Все это она проговорила однимъ духомъ безъ передышки, все время наблюдая за лицомъ Люнге. Но, повидимому, онъ вовсе не собирался отказывать ей, напротивъ, онъ какъ будто готовъ былъ даже подать ей надежду.

Онъ вдругъ разразилси смѣхомъ и сказалъ:

"Орденъ? Вашему мужу орденъ? Неужели вы придаете какоенибудь значеніе чему-либо подобному?".

Она энергично закачала головой.

"Нътъ, нътъ!" воскликнула она. "Я не придаю этому никакого значенія,—вы это хорошо знаете. Но, Боже мой, если онъ цънитъ это? Въдь онъ принадлежитъ къ такого сорта людямъ". "Н-да!" сказалъ Люнге.

Нъкоторое время онъ сидълъ молча. Оба молчали.

"Бѣда только въ томъ", продолжалъ онъ, "что это министерство уходитъ, а вмѣсто него будетъ правое министерство, при которомъ я ничего не могу, или почти ничего не могу сдѣлатъ".

Она молчитъ. Оба молчатъ.

"Какая досада!" сказала она наконе цъ. "Иначе вы, можетъ быть, исполнили бы мою просьбу, правда? Скажите, вы исполнили бы ее?".

"Во всякомъ случаѣ я сдѣлалъ бы все, что отъ меня зависитъ", отвѣтилъ онъ.

"Спасибо!".

И это "спасибо" тронуло его сердце. Онъ спросилъ:

"Такъ вы очень огорчены тѣмъ, что не можете порадовать вашего мужа этимъ сюрпризомъ»".

"Да, собственно говоря, я очень огорчена этимъ", отвътила она чуть не со слезами на глазахъ. "Мнъ такъ хотълось видъть его довольнымъ. Потому что, надо сказать правду, я часто, очень часто веселилась безъ него.... Но не будемъ больше объ этомъ говорить!" сказала она, переходя на болъе веселый тонъ. "Вы позволите мнъ сдълать вамъ одинъ вопросъ?".

"Боже мой, спрашивайте сколько угодно!".

"Что это за ночное собраніе, на которое вы хотите идти?".

"Это политическое собраніе", отвътилъ онъ не задумываясь.

"Политическое собраніе? Такъ поздно? Случилось что-нибудь особенное?".

И онъ опять отвътилъ, не задумываясь:

"Дѣло идетъ о паденіи министерства. Мы условимся относительно дня и повода".

Люнге ни за что не сознался бы, что его политическое господство потерпъло маленькое пораженіе. Нъкоторые изъ вожаковъ лъвыхъ стали съ недовъріемъ относиться къ великому редактору, послъ его знаменитыхъ статей объ уніи никто досто-

върно не зналъ, чего онъ собственно придерживается. Совъщанія происходили безъ него, предсъдатель стортинга ни разу не посътилъ его съ самаго открытія сессіи, и Люнге пересталъ быть неизбъжнымъ. Онъ догадывался, что теперь тутъ и тамъ у вожаковъ происходятъ тайныя собранія, и душою онъ присутствовалъ на нихъ, онъ какъ и раньше, принималъ въ нихъ участіе, произносилъ сильныя сужденія, и по своему обыкновенію, ни на істу не отступалъ отъ своихъ принциповъ. Сегодня вечеромъ навърное было совъщаніе. Лепорелло кое-что пронюхалъ относительно этого, и паденіе министерства будетъ ръшено. При такомъ важномъ событіи онъ, конечно, присутствовалъ, само собою разумъется, присутствовалъ.

"Да, подумать только, паденіе министерства!" сказала фру агни.

Она задумалась. Она такъ хорошо помнила, какой единодушный восторгъ возбуждало это министерство нъсколько лътъ тому назадъ, — первое либеральное министерство въ исторіи страны. Ея отецъ, пробстъ Кьелландъ, былъ лично знакомъ съ первымъ министромъ; какъ часто онъ разговаривалъ со своими дътьми объ этомъ замъчательномъ норвежскомъ борцъ, равнаго которому еще не родилось въ отечествъ! Вся страна въ теченіе цълой человъческой жизни была полна отзвуками его голоса, сердца въ восторгъ устремлялись къ нему, когда онъ произносилъ свои боевыя ръчи. И вотъ, теперь онъ падетъ! Боже, какъ все это грустно! Подумать только, что его просто-напросто вышвырнутъ за бортъ послъ того, какъ онъ истощилъ всъ свои силы въ работъ на пользу отечества!

Фру Дагни искренно и глубоко жалъла его. Она сказала:

"Но развъ министерство непремънно падетъ? и первый министръ также?".

Люнге отвътилъ коротко и ясно безъ малъйшей сантиментальности:

"Конечно".

Долгое молчание.

Итакъ, онъ падетъ! А потомъ его забудутъ, его имя не будетъ больше произноситься, никто ему не будетъ кланяться на улицъ; онъ какъ бы умретъ. Фру Дагни содрогнулась при одной этой мысли. Она стала такъ невыразимо бояться всякихъ катастрофъ; послъ того нелъпаго происшествія съ искателемъ приключеній, Нагелемъ, въ прошломъ году она не могла выносить никакихъ потрясеній. А теперь долженъ былъ пастъ самый выдающійся геній Норвегіи,—его выбросятъ вонъ, какъ нъчто отслужившее уже и негодное больше. Каждая мелкая газета въ странъ сообщитъ объ этомъ событіи и затъмъ его забудутъ на въки.

"Боже, какъ это невыразимо грустно! " сказала она, наконецъ. Нотка искренняго огорченія, которая прозвучала въ ея голосъ, заставила Люнге сдълаться внимательнымъ, въ его артистической душъ проснулось сочувствіе, онъ посмотрълъ на нее почти влажными глазами и сказалъ:

"Да, то же самое чувствую и я, но"...

Она вдругъ встала съ дивана, сдълала нъсколько шаговъ, подошла къ его креслу, положила на его плечо свои сложенныя руки и сказала:

"Но развѣ вы не можете спасти его? Вы это можете".

Онъ растерялся, ея близость, ея слова, ея благоухающее дыханіе на мнговеніе смутили его.

"Я?" сказалъ онъ.

"Да... О, если бы вы это сдълали!"

"Нѣтъ, этого я не могу сдѣлатъ", сказалъ онъ только. Когда онъ съ этими словами взялъ ее за руки, она медленно отошла отъ него и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, склонивъ голову, и оставила его одного.

"Онъ долженъ былъ бы слушаться насъ и оставаться болѣе вѣрнымъ своему прошлому", сказалъ Люнге, "тогда онъ могъ бы всю свою жизнь управлять страной".

"Да, пожалуй, что и такъ". Фру Дагни снова съла на диванъ. Потомъ она прибавила: "Но будетъ ли лучше, если правительство будетъ правое?"

"Которое по крайней мъръ не нарушаетъ своихъ объщаній и законовъ, — да такое правительство будетъ лучше", отвътилъ онъ.

Однако Люнге задумался надъ этими словами. Развѣ съ точки зрѣнія лѣвыхъ было лучше имѣть правое правительство? Послѣ долгаго молчанія онъ сказалъ:

"А пожалуй, вы правы. Меня ваши слова поразили".

Она сидѣла откинувшись на спинку дивана и была очаровательна, а глаза ея были устремлены на него и походили на двѣ голубыя звѣзды. Люнге внутренно затрепеталъ, передъ женщинами ему трудно было устоять. Этотъ человѣкъ, который былъ такъ строгъ и неумолимъ, устойчивость котораго въ принципахъ уже давно вошла въ поговорку, который такъ безпощадно очищалъ общество отъ лжи и шарлатанства, этотъ человѣкъ терялъ самообладеніе при звукѣ женскаго голоса. Она права, пожалуй, ужъ вовсе не такъ хорошо имѣть правительство изъ однихъ правыхъ. И его смѣтливая голова начинаетъ сейчасъ же работать, въ его головѣ проносятся всевозможныя комбинаціи, онъ собираетъ разрозненныя партіи, сдуваетъ, словно карточные домики, самые сложные планы, назначаетъ министровъ, даетъ указанія, приказываетъ, управляетъ всей страной...

Онъ всталъ, не будучи въ состояніи оставаться спокойнымъ, и сказалъ голосомъ, который дрожалъ отъ волненія:

"Вы нателкнули меня на одну мысль, фру. Я восхищаюсь вами безгранично. Я предприму что-нибудь...".

Она также встала. Она не стала его разспрашивать, да онъ, пожалуй, и не сказалъ бы больше ничего,—это былъ такой непроницаемый человъкъ. Но она протянула ему свою руку и позволила ему удержать ее въ своей. И она воскликнула, увлеченная его порывомъ, его находчивостью:

"Боже, какой вы все-таки необыкновенный человѣкъ!"

Не болъе четверти часа тому назадъ, или даже пять минутъ тому назадъ, эти слова воспламенили бы его, и онъ позволилъ бы себѣ нѣкоторую вольность по отношенію къ этой молодой женщинъ, но теперь онъ уже снова превратился въ редактора, въ лицо оффиціальное, всецъло поглощенное своими планами, увлеченное смѣлой мыслью, которая только что зародилась у него въ мозгу. Даже его взоръ сталъ отсутствующимъ, — эти юношескіе глаза пристально и неподвижно смотрѣли на лампу съ бѣлымъ шелковымъ абажуромъ, и кожа на его лбу слегка вздрагивала. Она хотъла еще разъ упомянуть объ орденъ, о крестъ, сказать, что съ ея стороны это было дътской выдумкой, и попросить его забыть это; но она не хотъпа безпокоить его, да онъ, по всей въроятности, уже забылъ про это. Только когда она стояла въ дверяхъ и Люнге уже переступилъ порогъ, она не могла удержаться и сказала:

"А то, что я говорила о крестъ, -- это мы забудемъ; слышите, мы забудемъ это".

Тутъ вернулся его прежній пылъ, его нѣжность проснулась, и онъ быстро обнялъ молодую женшину за талью. Когда она отстранила его и отступила назадъ, онъ отвътилъ:

"Забудемъ? Я этого не забуду!"

Послъ этого онъ пожелалъ ей спокойной ночи и ушелъ. Она осталась стоять на лъстницъ и еще разъ крикнула ему внизъ:

"Такъ мы скоро опять увидимся?"

И онъ отвътилъ снизу:

"На этихъ дняхъ".

Люнге пошелъ какъ-то безсознательно въ редакцію "Газеты, Въ его головъ все еще проносились цълой вереницей мысли,. созръвали планы, зарождались великія ръшенія; нъсколько разъ онъ чуть не натыкался на встречныхъ пешеходовъ. Было всего только одиннадцать часовъ, городъ еще не спалъ, всъ фонари горѣли.

Люнге еще удивитъ страну. Вопреки всему, прямо наперекоръ тому, надъ чёмъ онъ такъ усердно работалъ цёлые мёсяцы, онъ спасетъ министерство. Онъ будетъ защищать радикальную перемѣну, онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы первый министръ остался, а съ нимъ также двое или трое государственныхъ совътниковъ, — остальныхъ необходимо замънить новыми людьми, и все это для того, чтобы избъгнуть праваго правительства. Развъ могъ настоящій лъвый поступать иначе? Развъ могъ онъ допустить образование въ странъ правительства правыхъ, когда предстоитъ проведение важныхъ реформъ? Люнге уже нашелъ выдающихся лъвыхъ, которые должны были вступить въ новый совътъ, его списокъ министровъ былъ уже готовъ, онъ самъ укажетъ на своихъ кандидатовъ, когда наступитъ моментъ.

И снова "Норвежецъ" и догматическіе вожди лѣвой будутъ скрежетать зубами отъ досады, что всв ихъ планы разрушены. Хо-хо, и позлятся же они! Ну, такъ что же? Развъ онъ не привыкъ и не къ такимъ схваткамъ? Онъ покажетъ этимъ милымъ людямъ, что они не могутъ безнаказанно обходить егоредактора Люнге-и не приглашать его на свои ночныя собранія. Отъ его наблюдательности не скрылось также, что союзъ лъвыхъ ужиналъ въ "Руаялъ" безъ него — его обходятъ, хотятъ отодвинуть на задній планъ. Но хотѣлось бы ему посмотрѣть, кто выиграетъ отъ такой рискованной самонадъянности? Развъ не прослужилъ онъ почти половину своей жизни родинъ и партіи, какъ рабъ?

Въ эту минуту Люнге не скрывалъ отъ самого себя, что въ довъріи народа къ его политикъ произошла перемъна. Да, народъ измѣнился къ нему, это онъ корошо видѣлъ; онъ не былъ уже больше весь цъликомъ въ его рукахъ, онъ раздълился,--одни были за него, другіе противъ него, онъ былъ предметомъ споровъ. И все это произошло изъ-за этихъ несчастныхъ статей объ уніи! Ну, онъ еще покажетъ имъ себя и проучитъ ихъ! Онъ снова положилъ желѣзо въ огонь и скоро молотъ запляшетъ по

немъ такъ, что весь свѣтъ удивится. Въ провинціи имя перваго министра пользовалось еще симпатіями; люди, которые всю свою жизнь только и слышали, какъ хвалили этого человѣка, не такъто легко вырвутъ его изъ своего сердца. И вотъ появится Люнге, словно гроза, замечетъ молніи, высоко подброситъ вверхъ свою шляпу и при звукахъ музыки и ликованія народа снова возведетъ стараго героя на его пьедесталъ. Народъ сразу станетъ прислушиваться къ звукамъ его голоса, эти звуки были ему знакомы, въ нихъ есть мощь, и народъ будетъ ликовать, какъ раньше, какъ въ былые дни. Да, Люнге зналъ, что онъ дѣлалъ.

Мы скоро опять увидимся? Да, они скоро увидятся. Въ эти нъсколько дней онъ окажетъ фру Дагни такую услугу, какую никто во всей странъ не могъ бы оказать ей, — она онъмъетъ, передъ его могуществомъ. Да и самому себъ онъ также окажетъ маленькую услугу: онъ напомнитъ о себъ, правда, нъсколько подавляющимъ образомъ, нъсколько шумно, но за то послъ этого его не скоро забудутъ. Та сенсація, которую онъ теперь произведетъ, надолго послужитъ ему воздаяніемъ за все то, что онъ претерпълъ. Онъ сталъ даже мечтать о небольшомъ расширеніи "Газеты", на одинъ дюймъ, не больше, — это будетъ сюрпризомъ для нъсколькихъ тысячъ новыхъ подписчиковъ при началъ новой четверти года.

Что будутъ говорить люди, что скажетъ весь свътъ? А газеты, его конкуренты, его коллеги,—вся лъвая пресса будетъ внъ себя отъ злобы... и пусть злится! Ему только и надо, чтобы его имя и его газета служили предметомъ споровъ и раздоровъ. А, впрочемъ, онъ хорошо зналъ лъвую печать: когда онъ говорилъ, то она только кланялась, какъ того требовали приличія; а редакторами у нея состоятъ почтенные болваны, сила которыхъ заключалась далеко не въ мозгахъ. Ему такъ часто удавалось дурачить ихъ, они только кланялись ему и повторяли его слова; если бы онъ далъ имъ заштопать свои носки, то они заштопали бы ихъ. Единственный органъ, который, можетъ быть, нъсколько уди-

вится, это "Норвежецъ". Когда Люнге выступитъ со своимъ проектомъ преобразованія министерства, то редакторъ "Норвежца" въ первое мгновеніе будетъ пораженъ, а потомъ онъ скажетъ то, что полагается сказать, будетъ шопотомъ выражать свои сомнънія въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ и будетъ стоять на своемъ. Да, Люнге его хорошо зналъ. А если только "Норвежецъ" осмълится назвать его дипломатическую уловку измѣной, то онъ отвѣтитъ ему достойнымъ образомъ. Нѣтъ, это не измѣна, его шагъ доказываетъ именно его твердость, какъ лѣваго; это не измѣна, это политика въ политикъ, — тотъ же самый маршъ, только въ другомъ темпѣ...

Люнге подошелъ уже къ дверямъ редакціи, но тутъ онъ остановился въ нерѣшительности. Въ сущности было совершенно безполезно предпринимать что-нибудь въ этотъ вечеръ: утренній номеръ "Газеты" былъ переполненъ, а кромѣ того, можетъ быть, не лишнее употребить эту ночь на то, чтобы обдумать все какъ слѣдуетъ. Онъ хотѣлъ уже повернуть обратно, но потомъ по старой привычкѣ открылъ ящикъ для писемъ и вынулъ корреспонденцію, газеты онъ оставилъ.

Въ воротахъ онъ остановился и пересмотрѣлъ при свѣтѣ фонаря письма; его вниманіе приковалъ къ себѣ большой желтый конвертъ, запечатанны сургучемъ, и онъ вскрылъ его съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

На его лицъ выразилось крайнее изумленіе, и на мгновеніе онъ затаилъ даже дыханіе. Первый министръ! Первый министръ желалъ поговорить съ нимъ, и какъ можно скоръе, — днемъ или ночью.

Какое счастье, что онъ такъ случайно зашелъ въ редакцію! Поговорить днемъ или ночью! Что-нибудь да случилось, —можетъ быть, Его Превосходительство, нетвердо сидитъ на своемъ креслъ?

Ну, тъмъ лучше, тъмъ значительнъе будетъ побъда Люнге! Если его обошли на тайномъ совъщани вожаковъ, то онъ имълъ свое собственное ночное совъщание съ самимъ первымъ министромъ.

Люнге взялъ извозчика и быстро поѣхалъ въ Тольдбодгаденъ. Здѣсь онъ сошелъ съ извозчика и пошелъ пѣшкомъ къ дому перваго министра. Не видитъ ли кто-нибудь, куда онъ идетъ въ полуночный часъ? Онъ посмотрѣлъ вокругъ, улица была совершенно пустынна, нигдѣ не видно было ни души, и никто не видълъ, куда онъ шелъ. Онъ позвонилъ, и дверъ отворилась, его ждали и впустили безъ доклада.

Съдовласый превосходительный старецъ принялъ его въ своемъ частномъ кабинетъ.

"Я побезпоксилъ васъ и попросилъ притти, потому что дѣло касается одного важнаго вопроса", сказалъ онъ. "Очень вамъ благодаренъ за то, что вы пришли".

Этотъ голосъ, этотъ голосъ! Люнге слышалъ его раньше въ стортингъ съ трибуны передъ большимъ собраніемъ людей. Люнге охватила дрожь.

Они съли другъ противъ друга; Люнге держалъ свою шляпу въ рукахъ.

"Я совершенно върно предположилъ", сказалъ Его Превосходительство", что вы зайдете въ редакцію сегодня вечеромъ, возвращаясь съ совъщанія".

Люнге ничего не отвѣтилъ и только молча поклонился. Само собой разумѣется, что онъ присутсвовалъ при такомъ важномъ событіи, какъ это совѣщаніе.

"Я знаю", продолжалъ Его Превосходительство, "что между нами, господинъ редакторъ, было, къ сожалѣнію, много недоразумѣній за послѣднее время. Я искренно сожалѣю объ этомъ и вовсе не хочу сказать, что не былъ неправъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Въ тяжелое переходное время, когда первое лѣвое правительство въ странѣ должно было взять въ свои руки бразды правленія, намъ государственнымъ дѣятелямъ приходилось работать гораздо больше, чѣмъ кто-нибудь можетъ это себѣ предста-

вить, а потому неудивительно, если мы поскальзывались, или ошибались, — вѣдь почва была слишкомъ скользкая, господинъ редакторъ! Я говорю это вовсе не для того, чтобы оправдываться, но мнѣ кажется, что это все-таки можетъ служить нѣкоторымъ смягчающимъ обстоятельствомъ".

"Само собой разумъется, Ваше Превосходительство".

Но не было сдѣлано ни одной непоправимой ошибки, продолжалъ Его Превосходительство въ томъ же почти задушевномъ тонѣ; при желаніи всякій долженъ убѣдиться въ этомъ, а исторія будетъ судить насъ; многое могло бы быть исправлено хсть сейчасъ же, его долголѣтняя дѣятельность доказала, что желаніе служить родинѣ въ немъ никогда не ослабѣвало. А теперь Его Превосходительство не былъ посвященъ въ то, во что былъ посвященъ редакторъ, онъ не зналъ, какое рѣшеніе приняла оппозиція сегодня вечеромъ относительно министерства; но если рѣшено его паденіе, то завтра утромъ солнце взойдетъ надъ народомъ, который не зналъ, что дѣлалъ; отвѣтственность ляжетъ тяжелымъ бременемъ на тѣхъ, кто виноватъ въ этомъ.

И снова министръ извинился, за то, что заставилъ господина редактора побезпокоиться въ такое позднее время. Но онъ догадывался, что правительство заставятъ подать въ отставку въ въ одинъ изъ ближайшихъ дней, можетъ быть уже завтра.

"Весьма возможно, что вы въ этомъ не ошибаетесь, Ваше Превосходительство", сказалъ Люнге.

Онъ уже нѣсколько разъ хотѣлъ прервать министра, хотѣлъ объяснить, что онъ уже до своего прихода сюда рѣшилъ во всякомъ случаѣ оставить на своемъ мѣстѣ перваго министра, но старый парламентскій дѣятель не позволялъ ему вставить слова, онъ желалъ во что бы то ни стало убѣдить Люнге и преодолѣть его сопротивленіе. Люнге далъ ему высказываться.

Министръ усълся въ своемъ креслъ въ величественной и красивой позъ, онъ говорилъ очень остроумно, дълалъ выразительные жесты и вообще держалъ цълую ръчь. Съ величайшимъ

искусствомъ и жаромъ онъ развивалъ свои мнѣнія относительно положенія діль, прерываль різчь вопросами и, получивъ отвътъ, снова продолжалъ горячую ръчь. Онъ относился съ уваженіемъ къ своему талантливому противнику, какимъ считалъ Люнге, и отдавалъ должное искренности его нападокъ. Такія нападки могли исходить только изъ глубокой святой убъжденности, и они дълали ему честь. Но теперь онъ хочетъ спросить господина редактора, именно потому, что онъ одинъ изъ главарей, выдающійся талантъ своей партіи, — онъ хочетъ его спросить, находитъ ли онъ позволительнымъ способствовать пріобрѣтенію власти правыми теперь, когда явилась возможность провести наконецъ все то, изъ за чего работалъ какъ самъ господинъ редакторъ, такъ и снъ, и вообще всѣ лѣвые въ продолженіе многихъ пътъ? Находитъ ли онъ это позволительнымъ?

Министръ прекрасно сознавалъ все время, что онъ говоритъ и какъ онъ говоритъ; онъ зналъ Люнге насквозь, ни одинъ изгибъ его души не оставался сокровеннымъ для стараго хитраго дипломата. Онъ слѣдилъ все время за политическими маневрами Люнге въ вопросъ объ уніи, и очень можетъ быть, что въ эту минуту онъ зналъ, что Люнге вовсе и не былъ на ночномъ совѣщаніи, и что вообще онъ не пользовался больше безграничнымъ довъріемъ лъвыхъ. Но при всемъ этомъ Его Превосходительство не оставался слъпъ къ наводящей страхъ и изумительной ловкости этого редактора, какъ журналиста; среди народа его имя пользовалось все той же громкой славой, за его газетой слъдили и ее читали, провинціальная пресса продолжала еще восхищаться его замътками въ семь строкъ. Его Превосходительство отлично сознавалъ, что этотъ человъкъ могъ быть ему полезенъ, онъ былъ даже убъжденъ въ томъ, что если только Люнге приложитъ къ этому дълу все свое стараніе, то его министерство останется на своемъ посту, вопреки всѣмъ тайнымъ совѣщаніямъ.

Онъ всталъ и предложилъ Люнге сигару.

Редакторъ сидълъ, наслаждаясь отзвуками красноръчія мини-

стра. Да, такъ онъ говорипъ когда-то, раньше, когда онъ слышалъ его въ стортингъ на народныхъ собраніяхъ. Великій Ѕоже, какъ этотъ человъкъ могъ воспламенять и вдохновлять другихъ на отважные поступки!

Онъ сказалъ откровенно, что работа для проложенія пути правому правительству мало соблазняла его. Онъ даже размышлялъ нельзя ли этого избъгнуть, а если это совершенно невозможно, то нельзя ли въ такомъ случав прибъгнуть къ измѣненію состава". Я остановился на мысли о переміні состава министерства Вашего Превосходительства".

"Само собою разумъется!" быстро прерываетъ его министръ. "Само собою разумъется, мы должны удалить болъе половины нашихъ Совътниковъ и замънить ихъ людьми, которые умъютъ и хотятъ служить своему отечеству во время этого кризиса".

Въ общемъ они были согласны другъ съ другомъ.

Они совъщались еще съ добрый часъ, уничтожали и создавали, сговаривались относительно подробностей другъ съ другомъ и благодарили другъ друга за каждую важную и удачную мысль. Только въ вопросъ газетной полемики Его Превоходительство предоставлялъ все редактору; самъ онъ не могъ писать, онъ развелъ руками и сказалъ шутливо:

"Подъ ваше перо, господинъ редакторъ, я не желалъ бы попасть!".

У Люнге все время на языкъ вертълся вопросъ относительно ордена, и, конечно, министру было бы удовольствіемъ оказать зму эту маленькую услугу; но это было слишкомъ мелко, слишкомъ несерьезно для того, чтобы поднимать вопросъ о такихъ пустякахъ въ этотъ многознаменательный вечеръ. Люнге рѣшилъ подождать, -- это не уйдетъ. Онъ такъ и разстался съ министромъ, не упомянувъ объ орденъ.

Когда Его Превосходительство прощался съ нимъ у дверей и въ послъдній разъ пожималь руку Люнге, то онъ сказалъ ему

"Еще разъ благодарю васъ за то, что вы пришли. Сегодня ночью мы съ вами оказали Норвегіи услугу".

И Люнге ушелъ.

Улица была пустынна, вст улицы были пустынны, городъ улегся спать. Люнге пошелъ въ редакцію. Онъ хотълъ сейчасъ же написать свою первую статью, пока въ немъ еще горълъ огонь вдохновенія. То, что онъ теперь напишетъ, изумитъ встать, его статью будутъ читать повсюду, о ней будутъ спорить, его слова будутъ повторять до безконечности, ихъ заучатъ наизуисть; нельзя было ударить лицомъ въ грязь.

Люнге сознавалъ, что собирается нанести своему политическому значенію еще одинъ ударъ, ну, такъ что же? Ему сторицею воздастся за это той великой побъдой, которую онъ одержитъ. Въ его воображеніи "Газета" превратилась уже въ самый большой органъ въ странъ съ десятками тысячъ подписчиковъ, съ собственнымъ телеграфомъ, съ собственной желъзной дорогой, экспедиціей для открытія съвернаго полюса, съ отдъленіями во всъхъ частяхъ свъта, воздушными шарами, почтовыми голубями, собственнымъ театромъ и собственной церковью только для типографскихъ служащихъ. До чего все было мелко въ сравненіи съ такими гигантскими видъніями! И что изъ того, если онъ потеряетъ довърје нъсколькихъ порядочныхъ людей? Вздоръ, вздоръ! Къ чорту это довъріе, онъ свернулъ на другой путь! И что онъ получилъ въ награду за свои безконечные труды на пользу этихъ отечественныхъ героевъ катехизиса? Развѣ они его поощряли хоть чъмъ-нибудь, чему онъ, собственно, придавалъ значеніе? Развѣ благородные люди снимали шляпы передъ нимъ? Развѣ темнъли отъ восторга взоры ихъ дочерей, когда онъ проходилъ по улицъ? Увы, несмотря на всъ свои заспуги, Александръ Люнге былъ обойденъ; даже задиравшіе носы лѣвые стали избѣгать его присутствія на своихъ собраніяхъ. А вотъ хотя бы эта дочь полковника, которая управляла четырьмя лошадьми въ Копенгагенъ, развѣ не прошла она мимо него, какъ будто даже и не узнавъ

его. Она даже и не взглянула на него, а онъ съ такой похвалой отозвался о ней въ своей газетъ.

Нѣтъ, онъ не позволитъ собою шутить, ей-Богу, не позволитъ! Онъ былъ способенъ на все, никто не зналъ его силъ и его характера. Онъ одержитъ побѣду въ своей новой политикѣ, люди будутъ принуждены снова преклониться предъ нимъ, онъ обуздаетъ ихъ, заставитъ ихъ одуматься. Снова массы людей будутъ прислушиваться къ его рѣшенію во всѣхъ дѣлахъ....

Люнге вошелъ въ редакцію. Тамъ было темно. Онъ зажегъ свѣчи и осмотрѣлъ печку,—она была пуста. Онъ усѣлся за свой столъ и взялъ въ руки перэ. Его статья должна была быть мечомъ и огнемъ, она должна рубить и воспламенять Онъ опускаетъ перо въ чернильницу и хочетъ уже начать! писать, но вдругъ останавливается.

Его взоръ падаетъ на синія буквы на его рукахъ, на это позорное клеймо, которое дълало его руки вульгарными. По старой привычкъ, и совершенно механически, онъ начинаетъ тереть буквы,—дышетъ на нихъ и снова третъ. Наконецъ онъ бросилъ это.

И редакторъ Люнге пишетъ, сидитъ въ этой холодной комнатъ, въ которой даже не топится печь, и пишетъ своими заклейменными руками до поздней, поздней ночи.

XIII.

Въ продолжение нѣсколькихъ дней между Люнге и лѣвыми шелъ споръ относительно перемѣны состава правительства. Въ эти дни никто не обращалъ вниманія на "тонъ прессы", —тонъ прессы былъ дѣйствительно не такимъ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть; а когда правые иронически спросили "Газету", куда она дѣвала свой "тонъ", то Люнге не пожелалъ ничего отвѣчать на эту шпильку. Ему нужны были его силы для другихъ болѣе важныхъ дѣлъ.

Впрочемъ, все вышло такъ, какъ Люнге предполагалъ: сна-

чала лѣвые онѣмѣли отъ изумленія, потомъ "Норвежецъ" сталъ шептать сомнѣнія, потомъ "Газета" отвѣтила на это, и во всей странѣ закипѣла ожесточенная битва. Однако Люнге не остался безъ поцдержки, нѣтъ, онъ вовсе не былъ одинокъ въ этой борьбѣ.—штопальщики его чулокъ изъ лѣвыхъ депутатовъ стортинга и изъ провинціальной прессы протянули ему руку помощи и сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло; редакторъ одной Опландской газеты, который отличался такой необыкновенной честностью, что въ ней сомнѣвалось не болѣе половины всего народонаселенія страны, не могъ перенести, чтобы Люнге боролся одинъ, и онъ просто перешелъ на сторону "Газеты" и боролся вмѣстѣ съ нею.

Лепорелло былъ занятъ тѣмъ, что разузнавалъ о настроеніи въ городѣ, онъ ходилъ въ "Грандъ", прислушивался къ разговорамъ у "Гравесена", совалъ носъ къ "Ингебрету" по окончаніи представленія въ театрѣ, поймалъ на улицѣ одного депутата стортинга,—и все это онъ дѣлалъ, чтобы узнать, какое настроеніе царитъ въ городѣ. Но что же говорилъ городъ? Городъ спорилъ или молчалъ, городъ принималъ участіе въ драмѣ, или просто только смотрѣлъ на нее, но Люнге во всякомъ случаѣ ничего отъ этого не выигралъ.

Вотъ какъ! Ему сопротивляются, его хотятъ лишить побѣды? Люнге поднялъ всѣ паруса, и дѣйствительно внесъ повсюду такое смятеніе, что исходъ борьбы нѣкоторое время былъ неизвѣстенъ; войско штопальщиковъ чулокъ за какіе-нибудь два дня возросло вдвое. Перо Люнге производило большую и заслуживающую поощренія работу; но развѣ это не было странно, что оно уже не испускало больше искръ? Во всякомъ случаѣ не всегда, не безусловно. Казалось, словно огонь потухъ.

Люнге написалъ между прочимъ нѣсколько статей, въ которыхъ онъ старался хотя бы слабо выразить свое безграничное восхищеніе главою министерства. Правда, въ его органѣ, писалъ онъ, часто попадались острыя слова, онъ не всегда бывалъ сдер-

жанъ въ своихъ нападкахъ, какъ это подобаетъ органу такой крупной величины, какъ "Газета"; но теперь некогда было думать объ этомъ, теперь лъвые должны сплотиться и какъ одинъ человъкъ встать на защиту страны отъ правительства правыхъ. Надо снова отдать власть въ руки перваго министра, дать ему возможность попытаться работать съ людьми, обладающими довъріемъ народа, съ избранниками лъвыхъ, это былъ единственный выходъ, выбора не было. И тутъ Люнге самымъ серьезнымъ образомъ сослался на то, что ему написалъ въ шутку одинъ иностранецъ; если они будутъ кръпко придерживаться правительства, которое было въ Норвегіи, то этимъ сдълаютъ великое дъло, этимъ они будутъ противодъйствовать реакціи въ Европъ.

"Норвежецъ" былъ упоренъ и ничего не хотѣлъ слушать, какъ всегда; онъ спрашивалъ, вѣрно ли онъ разслышалъ, дѣйствительно ли "Газета" желаетъ сохранить этого перваго министра, котораго она изъ года въ годъ, изо дня въ день поносила, какъ предателя и лжеца?

Но Люнге отвѣчалъ старому болвану высокомѣрный шуткой: Да, развѣ это не удивительно? Несмотря на то, что дважды два—четыре. что въ Китаѣ голодъ, что король Фердинандъ умеръ, онъ—Люнге—всетаки настаиваетъ на перемѣнѣ состава норвежскаго либеральнаго министерства, чтобы лишить правыхъ власти. Понялъ ли теперь "Норвежецъ"?

Въ залѣ стортинга и въ кулуарахъ царило въ эти дни самое тревожное настроеніе, депутаты брали другъ друга за пуговицы, внимательно выслушивали другъ друга и были преисполнены непоколебимыхъ убѣжденій и заднихъ мыслей. Если бы они только знали, на чьей сторонѣ будетъ побѣда! На какую сторону выгоднѣе перейти? Они думали о предстоящихъ выборахъ и не знали, какъ быть; старый предсѣдатель тоже не могъ сдѣлать имъ ни малѣйшаго намека, —единственно, чего отъ него могли добиться, когда онъ проходилъ мимо, склонивъ голову на бокъ, и заложивъ руки на спину, это того, что онъ, къ сожалѣнью, ни-

чего не можетъ сказать; онъ не склонялся ни на ту, ни на другую сторону, въ этомъ отношеніи его совъсть была чиста; но, если бы ему надо было склониться, то онъ склонился бы на объ стороны.

А Люнге, знай, ковалъ свое желѣзо! Онъ шумълъ и гремълъ на свой обычный ладъ, и размахивалъ шляпой; но странно, народъ не обращалъ на него больше вниманія, а желѣзо было холодно! Никогда еще онъ такъ не усердствовалъ, —онъ зналъ, что многое ставитъ на карту: если онъ проиграетъ, то дорого поплатится за это. Было, пожалуй, нѣчто трагическое въ борьбѣ этой бывшей знаменитости, пускавшей въ ходъ послѣдніе остатки своего таланта, ради спасенія другой бывшей знаменитости. Но, повидимому, все было тщетно: извѣстія, которыя приносилъ Лепорелло о настроеніи въ городѣ, становились день ото дня все менѣе и менѣе утѣшительными, и настроеніе Люнге все падало, и его охватывало безмолвное бѣшенство. Что? Надъ нимъ осмѣлились смѣяться въ "Грандъ"? Такъ, значитъ, реакцію въ Европѣ останавливать не надо?

Въ самый разгаръ всѣхъ этихъ непріятностей появляется вдругъ человѣкъ еще съ новымъ нерадостнымъ извѣстіемъ. Человѣкъ этотъ отвѣшиваетъ редактору глубокій поклонъ и говоритъ, что онъ Бондесенъ, Эндре Бондесенъ...

Да, редакторъ знаетъ его. Онъ знаетъ его, какъ радикала и лѣваго, какъ единомышленника, раздѣляющаго его благородный страхъ передъ правымъ министерствомъ.

Бондесенъ снова кланяется; господинъ редакторъ не ошибся въ немъ, и это его радуетъ. Онъ пришелъ именно для того, чтобы выразить свое сочувствіе послѣдней политикѣ Люнге. Впрочемъ, у него было еще и другое дѣло,—да, прежде всего онъ кочетъ показать замѣтку о пожарѣ на улицѣ Берндта-Анкера—можетъ быть, она пригодится редактору?

Люнге просматриваетъ маленькую статейку и сейчасъ же замѣчаетъ въ ней искорку. Это была превосходная статья, живо написанная и интересная; одинъ студентъ чуть не сгорълъ, онъ едва спасся, выскочивъ въ окно изъ третьяго этажа; онъ выскочилъ въ одной рубашкѣ, но съ портретами родителей въ рукахъ. Развѣ это не трогательно? И Люнге, который не зналъ, что за исключеніемъ факта пожара все остальное было вымысломъ, съ благодарностью принимаетъ эту статью.

Но вотъ Бондесенъ заговорилъ о своемъ настоящемъ дѣлѣ. Къ своему величайшему огорченію онъ узналъ про заговоръ противъ Люнге; на него готовилось нападеніе, печаталась брошюра, которая не сегодня—завтра должна появиться. Бондесенъ счелъ своей обязанностью сообщить это господину редактору; ему было слишкомъ больно видѣть, какъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ людей въ странѣ забрасываетъ грязью какой-то негодяй; это поступокъ, которому нѣтъ названія!

Люнге слушалъ его совершенно спокойно. Ну, такъ что-же? Развъ онъ не привыкъ къ тому, чтобы на него нападали? Но немного спустя онъ сталъ видъть нъкоторую опасность въ томъ, что брошюра будетъ выпущена противъ него именно теперь, когда разгорълась борьба не на животъ, а на смерть изъ за вопроса о преобразованіи министерства. Онъ спросилъ о содержаніи бро шюры, о томъ, въ чемъ заключались нападки; это политическая брошюра?

Нъчто въ родъ этого. Подлый памфлетъ, — Бондесенъ нашелъ его вдвойнъ подлымъ, такъ какъ онъ, конечно, анонимный.

А господинъ Бондесенъ знаетъ автора?

Бондесенъ, къ счастью, могъ сообщить, что авторъ брошюры нѣкій Лео Хёйбро, служащій въ такомъ-то банкѣ. Можетъ быть, господинъ редакторъ помнитъ человѣка, который однажды въ рабочемъ союзѣ выступалъ противъ лѣвыхъ, и который между прочимъ сравнивалъ себя самого съ блуждающей кометой? Вотъ это и естъ Хёйбро.

Да, Люнге вспомнилъ его; у него уже тогда явилось желаніе посмѣяться надъ нимъ, поглумиться надъ этимъ сквернымъ ора-

торомъ, но фру Дагни заступилась за него. Въ тотъ вечеръ фру Дагни назначила ему свиданіе въ рабочемъ союзѣ, и она заступилась за этого человѣка. Да, онъ хорошо помнилъ его: черный, какъ мулатъ, неуклюжій, какъ медвѣдь,—человѣкъ, который не читаетъ "Газеты", не правда ли?

Совершенно вѣрно! Бондесенъ не могъ удержаться отъ восхищенія передъ памятью господина редактора.

Люнге обдумываетъ.

А брошюра носить личный характерь? Можеть быть, это только принципіальное нападеніе на его политику?

Нътъ, брошюра носитъ также совершенно опредъленный личный характеръ.

Люнге снова задумывается, онъ морщитъ лобъ, какъ всегда, когда думаетъ о чемъ-нибудь непріятномъ. Вотъ какъ далеко зашло! Противъ него пишутъ брошюры, редактора Люнге бьютъ его же собственнымъ оружіемъ! Но только, благоразумно ли было со стороны мулата ръшаться на такое рискованное дѣло? А что, если онъ—Люнге—выпрямится во весь свой ростъ, если онъ появится во всемъ своемъ сверхъестественномъ величіи? Боже милостивый, спаси всѣхъ маленькихъ червячковъ, которые ползаютъ на его дорогъ!

Онъ спросилъ:

"Этого человъка зовутъ Хёйбро?"

"Лео Хёйбро".

Люнге записываетъ имя на бумагъ, потомъ онъ смотритъ на Бондесена. Какая преданность, какіе благородные черты въ карактеръ этого человъка, которому онъ никогда не имълъ случая сдълать что-нибудь хорошее! Люнге не могъ оставаться холоднымъ, онъ былъ тронутъ до самой глубины своего юношескаго сердца, и онъ спросилъ, не можетъ ли онъ оказать господину Бондесену какую-нибудь услугу въ свою очередь. Для него будетъ истиннымъ счастьемъ, если онъ когда-нибудь будетъ имъть возможность оказать ему какую-нибудь поддержку.

Бондесенъ радостно кланяется и просить разръшенія зайти еще какъ-нибудь въ другой разъ. Онъ ръшилъ какъ можно скоръе написать свои стихи и картинки съ настроеніемъ, — теперь онъ былъ увъренъ, что ихъ напечатаютъ.

"Да, пожалуйста, заходите. Очень вамъ благодаренъ и за замътку, и за сообщеніе". Но тутъ Люнге вдругъ вспоминаетъ слова, сказанныя ему Его Превосходительствомъ на прощаніе, и онъ принимаетъ величественный и непроницаемый видъ и прибавляетъ: "Можетъ быть, вы оказали сегодня услугу не одному мнъ"!

Бондесену оставалось попросить только о молчаніи. Онъ не хотълъ быть замъщаннымъ во что бы то ни было, чего можно было ожидать; онъ надъялся остаться неизвъстнымъ.

Конечно, конечно, "Газета" умъетъ быть тактичной. Но Люнге спрашиваетъ вдругъ такъ, на всякій случай, какимъ образомъ Бондесенъ узналъ объ этой тайнъ.

И Бондесенъ отвъчаетъ: случайно, по счастливой случайности. Во всякомъ случаъ, то, что онъ сообщалъ, совершенно върно, онъ ручается за каждое слово.

Затъмъ Бондесенъ ушелъ...

Вотъ какъ, противъ него устраиваютъ заговоры, сговариваются въ темныхъ углахъ! Какъ вамъ это нравится! Люнге еще разъ посмотрълъ на имя Хёйбро и спряталъ бумагу въ ящикъ стола. Не лишнее было знать, съ къмъ приходится имъть дъло; это могло быть полезно; во всякомъ случатъ пюди будутъ восхищаться освъдомленностью "Газеты". Ага, отъ него хотятъ отдълаться, его хотятъ уничтожить! Пресмыкающіяся не могли успокоиться, они столи на заднія лапы и завыли! Нътъ, вся его ошибка заключается въ томъ, что онъ былъ слишкомъ кротокъ, слишкомъ выносливъ. Человъкъ съ самымъ острымъ перомъ во всемъ государствъ не долженъ позволять такъ съ собой обращаться. Теперь все пойдетъ по-иному!

А тутъ еще этотъ Иленъ, — онъ сидитъ тамъ въ редакціонной

комнатъ и изводитъ чернила попусту; онъ остается на своемъ мъстъ только изъ за того, что Люнге жаль его. Теперь его надо удалить. На кой чортъ ему теперь этотъ человъкъ, разъ его рыжая сестра даже избъгаетъ его на улицъ! И развъ газета не потеряла абонентовъ изъ за его статей объ уніи? Теперь онъ былъ посаженъ на жалкую построчную плату и половина его идіотскихъ замътокъ о рынкъ и базарахъ не печаталась вовсе. Но этотъ господинъ ничего не хотълъ понимать, онъ и не думалъ уходить, онъ только удваивалъ свое усердіе, чтобы хоть что-нибудь заработать, и онъ сидълъ себъ тамъ изо дня въ день и только все худълъ. Нътъ, Люнге былъ слишкомъ добръ, теперь все пойдетъ по иному!

И онъ снова принялся за свою работу по преобразованію министерства. Онъ былъ какъ разъ въ такомъ настроеніи, когда не боялся пускать въ ходъ громовыхъ выстрѣловъ; и въ эти мгновенія онъ написалъ три столбца, такихъ сильныхъ, уничтожающихъ, какихъ ни разу еще не писалъ за все время полемики. Этимъ должно было все завершиться.

Вечеромъ, когда Люнге уходилъ изъ редакціи, то онъ не могъ больше совладать съ собой и заставить себя молчать; онъ позвалъ своего секретаря и сказалъ:

"На этихъ дняхъ выйдетъ брошюра противъ меня, я желалъ бы, чтобы объ этой брошюръ былъ написанъ такой отзывъ, какъ если бы она вовсе не касалась меня".

Секретарь никакъ не можетъ понять этого приказанія. Вѣдь редакторъ первый увидитъ эту брошюру, вся почта доставлялась прямо ему въ руки.

"Дѣло въ томъ, что надо стоять выше такихъ пріемовъ", продолжаетъ редакторъ, "надо проявлять благородство".

Но, чтобы объяснить, почему онъ уже теперь думаетъ объ этой брошюръ, которая еще не появилась, онъ прибавилъ:

"Я боялся, что вы напишете объ ней отзывъ во время моего

отсутствія; можетъ быть, я поѣду къ себѣ въ деревню на нѣ-сколько дней".

Тогда секретарь понялъ его приказаніе.

Но Люнге и не думалъ уъзжать въ деревню и вообще никуда не поъхалъ.

XIV.

Въ кулуарахъ и кабинетахъ стортинга ходили взадъ и впередъ депутаты, всф вифстф-правые и лфвые-занятые предстоящей развязкой. На всъхъ лицахъ была написана глубочайшая серьезность. Редакторы, рецензенты, посыльные, знатные посѣтители, депутаты, -- всь смъшались въ толпь, шептались въ углахъ, качали головами, настаивали на своихъ мнфніяхъ и не знали, что дълать и какъ быть. Люнге ловилъ то одного, то другого изъ колеблющихся, поддерживалъ его, подбадривалъ и возлагалъ радужныя надежды на своихъ приверженцевъ. Редакторъ "Норвежца" также прохаживался то съ однимъ, то съ другимъ, онъ былъ очень бледенъ и взволнованъ торжественностью момента; онъ почти ничего не говорилъ и съ напряженіемъ считалъ минуты. Между тъмъ въ залъ шло засъданіе, говорилъ Ветле Ветлесенъ, но ни у кого не было охоты слушать его, — онъ говорилъ объ ассигновкъ суммъ на новый береговой маякъ; но всъ знали, что когда Ветле Ветлесенъ кончитъ говорить, то будетъ сдѣланъ запросъ, правые будутъ интерпеллировать. Редактору "Норвежца" было непріятнъе, чъмъ кому-нибудь другому, видъть постыдное паденіе министерства, которое когда-то пользовалось такой всеобщей симпатіей; но, если его мъсто займутъ правые, то это будетъ только справедливо, этого нельзя было отрицать. Правительство годами шло наперекоръ желаніямъ лѣвыхъ, вело реакціонную политику въ вопросахъ церкви, нарушало объщанія, попирало честность, --- оно должно было пасть!

Между тѣмъ Люнге началъ мало по малу терять надежду. Въ

концъ концовъ онъ завелъ бесъду съ заводчикомъ Биркеландомъ, но не могъ ни на волосъ сдвинуть этого честнаго человъка. Онъ пожималъ плечами, но уже не чувствовалъ больше подъ собой твердой почвы. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, все ему наконецъ надоъло, и ему была не по душъ эта толпа удрученныхъ, озабоченныхъ людей, которые относились къ дълу съ такой чертовской торжественностью. Люнге не могъ больше выдержать этого, его мальчишеская натура возставала противъ этой заботы о странъ, ему надоъло думать объ этомъ. Онъ началъ останавливать перваго встръчнаго и отпускалъ шуточки: "Интересно, добъется ли Ветлесенъ огня сегодня ночью!". А когда онъ въ эгу минуту увидалъ редактора "Норвежца", который проходилъ мимо, согбенный и удрученный, то онъ окончательно потерялъ способность сдерживать себя и оставаться серьезнымъ, онъ указалъ на редактора и сказалъ:

"Посмотрите-ка на этого агнца Божьяго, который несетъ бремя грѣховъ всего свѣта!".

Нътъ, не было больше никакихъ силъ оставаться среди этого невыносимаго тупоумія! Люнге посмотрълъ на часы, онъ долженъ былъ въ этотъ вечеръ зайти за фру Дагни, они собрались наконецъ пойти вмъстъ въ театръ; было уже довольно поздно, и онъ не хотълъ опоздать, какъ въ послъдній разъ. Здѣсь онъ ничъмъ не могъ больше помочь, если бы даже и остался; исходъ былъ сомнителенъ, но развѣ онъ станетъ опредъленнѣе, если онъ будетъ присутствовать здѣсь? Это можетъ продлиться еще полчаса; правда, Ветлесенъ кончилъ наконецъ свою ръчь, и депутаты пошли въ залъ, чтобы голосовать; но Люнге никакъ не могъ дольше оставаться. Вѣдь онъ ничѣмъ не могъ помочь здѣсь.

И Люнге пошелъ въ театръ....

Между тьмъ въ залъ стортинга голосованіе происходило необыкновенно медленно; казалось, словно всъ боялись, покончивъ съ нимъ, очутиться предъ чъмъ-нибудь новымъ и непріятнымъ.

Наступилъ небольшой перерывъ.

Хоры были биткомъ набиты публикой. Лео Хёйбро нашелъ себъ мъсто въ старой ложъ рецензентовъ и сидълъ тамъ, еле дыша. Всъ находившіеся на хорахъ знали, что должно было про-изойти, и сидъли неподвижно.

Но вотъ встаетъ лидеръ правыхъ.

"Господинъ предсъдатель!".

Депутаты толпятся вокругъ него, образуютъ кольцо вокругъ говорящаго, стоятъ передъ нимъ, смотрятъ ему прямо въ лицо. Запросъ былъ короткій и содержательный. Это былъ вопросъ, вопросъ подчеркнутый, съ требованіемъ отвъта. И когда лидеръ правыхъ сълъ, то старый предсъдатель сталъ переводить глаза съ одного на другого; повидимому, онъ невыразимо страдалъ отъ своего желанія склониться на объ стороны. Наконецъ онъ переслалъ запросъ дальше, по его настоящему адресу, первому министру, который сидълъ на своемъ мъстъ и перебиралъ бумаги, словно никакого запроса и не было.

Его Превосходительство помолчалъ мгновеніе. Не ожидалъ ли онъ теперь той поддержки, которую Люнге изо всѣхъ силъ старался кое-какъ собрать для него? Но почему никого не было возлѣ него, ни единаго человѣка? Въ былыя времена никто не могъ такъ, какъ онъ, заставить биться сердце и сверкать глаза въ этой залѣ. Теперь царила мертвая тишина, только позади себя въ большой залѣ онъ слышалъ дыханіе депутатовъ.

Его Превосходительство всталъ и сказалъ нѣсколько словъ. Нельзя ли было предотвратить грозу маленькой дипломатической хитростью? Онъ попытался сдѣлать это, онъ упомянулъ о своей долгой трудовой жизни, заявилъ, что если страна не нуждается больше въ его услугахъ, то онъ сумѣетъ уйти на покой, безъ указанія правыхъ. Когда онъ сѣлъ, то оказалось, что онъ сказалъ много словъ, не давъ отвѣта; его ораторское искусство было очень велико.

Но лидеръ правыхъ прижалъ его къ стѣнѣ. Да, или нѣтъ? Необходимъ какой-нибудь отвѣтъ, что-нибудь опредѣленное. Его Превосходительство снова ждетъ одно мгновеніе. Чего онъ ждалъ, если ни одинъ изъ штопальщиковъ чулокъ не хотълъ нанести хотя бы слабаго удара въ его защиту? Никто не встаетъ, никто не подходитъ къ нему.

Тогда Его превосходительство кладетъ конецъ мучительному состоянію: завтра министерство подастъ свои прошенія объ отставкѣ; Его Величество былъ уже предупрежденъ объ этомъ.

И Его Превосходительство собираетъ бумаги съ своего стола, закрываетъ портфель, беретъ его подъ мышку и оставляетъ залъ, холодный, спокойный, —какъ будто никакого запроса и не было. Его совътники слъдуютъ за нимъ парами.

Министерство было свергнуто.

Хёйбро съ большимъ трудомъ выбрался изъ своей ложи и наконецъ очутился у выхода. Итакъ министерство пало, маневры Люнге не могли его спасти. Что Люнге придумаетъ новаго, чтобы опять обратить на себя вниманіе?

Хёйбро былъ только что въ городъ и разослалъ свою брошюру. Ее не успъли напечатать во время, и она не могла имъть вліянія на паденіе министерства; но въ этомъ и не было никакой необходимости; въдь убъжденные лъвые въ концъ концовъ всетаки побъдили, а рекламная политика "Газеты" потерпъла пораженіе. И Хёйбро радовался въ глубинъ души,—лъвые были еще на правильномъ пути.

Онъ не раскаявался ни въ одномъ словъ своей брошюры, онъ и теперь не измѣнилъ бы ни одной фразы. Онъ изобразилъ Люнге, какъ погибшаго человѣка, какъ умственнаго щеголя, не лишеннаго нѣкоторыхъ способностей, но исковерканнаго уже съ юныхъ лѣтъ; а теперь онъ палъ до степени прислужника города и бульварной публики. Но что говорилъ городъ? Весь городъ хохоталъ вчера надъ унизительнымъ отзывомъ правыхъ о предсѣдателѣ стортинга; темой разговора въ городѣ за эту недѣлю было сообщеніе "Газеты" о нападеніи въ Сандвикенѣ. Спрашивается, доставляютъ ли статьи въ "Вечерней Почтъ" людямъ въ городѣ

такое же удовольствіе, какое они доставляють себѣ самимъ... Не успѣетъ что-нибудь случиться, какъ Люнге бѣжитъ, кланяется, спрашиваетъ уважаемыхъ обывателей города о ихъ уважаемомъмнѣніи и, узнавъ это мнѣніе, онъ снова почтительно кланяется.

Ну, это еще туда-сюда. Но замѣтъте, что этотъ человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій, безъ принциповъ является судьей надъ людьми надъ поступками только въ силу того, что обладатъ способностью прислушиваться къ мнѣнію города. Его личное легкомысліе мѣшало публичнымъ спорамъ, вносило смятеніе всюду, куда онъ только имѣлъ доступъ, и ослабляло у людей сознаніе отвѣтственности. Прочь съ дороги! Люнге хочетъ перекувырнуться, Люнге хочетъ поразить публику новымъ замѣчательнымъ фокусомъ! Онъ показываетъ себя съ незнакомой стороны, онъ приводитъ въ недоумѣніе, онъ перевертываетъ вверхъ дномъ все постоянное и прочное, не говоря уже о своемъ собственномъ мнѣніи, которое онъ такъ мало уважаетъ, что самъ глумится надъ нимъ совершенно легко и непринужденно,—уничтожаетъ его какой-нибудь шуточкой и затѣмъ предаетъ забвенію.

Для такого человъка моральное постоянство не что иное, какъ красивая и пріятная домашняя добродѣтель, а върность своимъ политическимъ убѣжденіямъ—лишь звукъ пустой, фраза. И онъ поступаетъ ссобразно съ этимъ. Онъ подрываетъ довъріе къ честной работѣ лѣвыхъ своими внезапными маневрами, даетъ братской прессъ ложныя представленія о мнѣніи норвежскаго народа и отодвигаетъ насъ на цѣлые годы назадъ въ нашихъ переговорахъ со шведами относительно нашихъ правъ. Онъ вовсе не задается цѣлью уничтожить лѣвыхъ, онъ просто хочетъ тянуть свою собственную пѣсню въ общемъ концертѣ, чтобы обратить на себя вниманіе и заставить публику читать свою газету. Онъ во что бы то ни стало хочетъ играть роль, хочетъ заставить говорить о себѣ. Ахъ, нѣтъ, онъ отнюдь не хочетъ губить лѣвыхъ, это было бы слишкомъ грубо, онъ только отнимаетъ у нихъ внутреннее содержаніе, все ихъ значеніе и затѣмъ позволяетъ имъ

жить. Если онъ въ продолжение трехъ мѣсяцевъ былъ вѣрнымъ лѣвымъ и писалъ, чтобы поддержать свою партію, то на четвертый мѣсяцъ онъ придумываетъ способъ озадачить публику и выпускаетъ номеръ, въ которомъ совершенно искажаетъ точку зрѣнія лѣвыхъ и радуетъ правыхъ замаскированными уступками.

Такимъ образомъ Люнге хочетъ втереться къ правымъ. Онъ хочетъ имѣть подписчиковъ среди правыхъ, онъ хочетъ привлечь на себя вниманіе правыхъ. И правые не указываютъ ему на дверь, не всѣ правые, —вѣжливые люди не выгоняютъ его вонъ. Онъ хочетъ, чтобы они имъ интересовались? Отлично, онъ дѣйствительно очень интересенъ, онъ даже дѣлаетъ имъ уступки! И колеблющіеся правые, жалкіе, безсознательные члены партіи, позволяютъ изъ любопытства одурачить себя этому человѣку съ уступками.

И на все поле своей дѣятельности Люнге распространяетъ свою поддѣльную честность; "Газета" стоитъ на самой правильной точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о самоубійствѣ и преступленіяхъ противъ нравственности, "Газета" не даетъ окончательно погрязнуть въ грѣхахъ всякимъ ворожеямъ и подозрительнымъ агентамъ, она разоблачаетъ ихъ безкорыстно, съ холодной безпристрастностью, даетъ возможность другимъ пюдямъ презирать ихъ, и такимъ образомъ очищаетъ общество отъ грѣховъ и мошенничества.

Но въдь должно же быть что-нибудь особенное въ этомъ чеповъкъ, который создалъ себъ такую прочную славу въ качествъ
редактора? Дъло въ томъ, что онъ нъкоторое время представлялъ
собою дъйствительно силу на поприщъ журналистики въ своей
странъ, гдъ такой недостатокъ въ талантливыхъ журналистахъ,
и за это время онъ проявлялъ усиленную агитаціонную дъятельность. Онъ стрълялъ своими эпиграммами съ молодымъ задоромъ, его выстрълы были слышны далеко кругомъ, эхо ихъ раздавалось въ горахъ и доносилось до долинъ, и стрълялъ онъ
смъл о, никто не могъ подражать ему въ этомъ. Высокому и низ

кому, великому и малому, всѣмъ пришлось примириться съ участью служить для него мишенью; только самыя недосягаемыя личности, величайшіе писатели, величайшіе композиторы, величайшіе спортсмены и вообще всѣ популярные герои народа, которыхъ взяло подъ свою защиту общественное мнѣніе—только они избѣгли эпиграммъ Люнге. Но такимъ образомъ этотъ человѣкъ и упрочилъ свое положеніе: онъ нападалъ безпощадно, онъ разстрѣливалъ, онъ клеймилъ,—ну, да, но онъ щадилъ всѣхъ, кто достоинъ былъ пошады.

И казалось, никому въ голову не приходило, что только въ такой странѣ, гдѣ журналистика находится на такомъ низкомъ уровнѣ развитія, какъ въ Норвегіи, могъ играть роль подобный человѣкъ. Въ какой-нибудь большой странѣ онъ исполнялъ бы въ редакціи газеты роль ножницъ, въ Афганистанѣ онъ могъ бы достигнуть званія деревенскаго знахаря и дѣлалъ бы фокусы на пескѣ.

Но пусть лъвые остерегаются этого человъка. До тъхъ поръ, пока лѣвые представляютъ собой разрозненную партію и находятся въ разгаръ споровъ относительно уніи, Люнге будеть лъвымъ въ продолжение трехъ мъсяцевъ и почти правымъ на четвертый мъсяцъ; но если только лъвые сплотятся въ одинъ прекрасный день, то Люнге снова будетъ принадлежать всецъпо и безгранично наиболъе сильной партіи. Но въ своей борьбъ за чистое и идеальное дело левые не должны пользоваться услугами такихъ борцовъ. Люнге слишкомъ ясно выказалъ себя спекулянтомъ, отъ него можно было ожидать всего, онъ не остановится ни передъ чъмъ. Въ нашихъ публичныхъ спорахъ онъ сдълалъ серьезность ненужной и создалъ безстыдное легкомысліе въ отношеніяхъ къ людямъ и къ общественнымъ дъламъ, -- ничего подобнаго до сихъ поръ еще никогда не было у насъ! Онъ напоминаетъ собою солдата, который бѣжалъ съ поля битвы и поражалъ всъхъ женщинъ въ странъ массой крови на своей одеждъ. А когда женщины его спрашивали, что съ нимъ произошло и что будетъ дальше, то онъ отвѣчалъ: Что произошло? Я убилъ десять тысячъ, больше я не могъ, у меня въ глазахъ пошли кровавые круги. Но скоро я опять пойду сражаться, ей-Богу, пойду,—какъ только дѣла примутъ болѣе благопріятный оборотъ...

Таково было содержаніе брошюры Хёйбро. Впрочемъ, въ ней были также и намеки болъе личнаго характера, намеки на тайны. которыя Хёйбро узналъ отъ самыхъ близкихъ людей Люнге, отъ Лепорелло, -- эти намеки касались галантныхъ похожденій редактора въ городъ и внъ города. Въ общемъ онъ нарисовалъ портретъ Люнге въ самыхъ яркихъ краскахъ, онъ со страстной элобой высмѣивалъ его; этотъ великій человѣкъ, который возсѣдалъ въ своей редакціи и произносилъ свои приговоры надъ всѣмъ и надъ всѣми, какъ личность, представлялъ собою уличнаго мальчишку, у котораго было едва ли чисто подъ носомъ. Въ концъ своей брошюры Хёйбро объяснялъ, что цълью этого произведенія было сорвать маску съ легкомыслія Люнге, какъ журналиста, и обуздать его предательную политику. Положеніе лѣвыхъ настолько неустойчиво въ настоящее время, что они очень нуждаются въ върности и нравственномъ благородствъ своихъ приверженцевъ, чего требовала ихъ цѣль и чего она за служивала...

Хёйбро шелъ домой, понуривъ голову. Черезъ недълю истекалъ срокъ его послъдняго взноса въ банкъ, и онъ не зналъ, какъ ему быть, —если только не случится какого-нибудь чуда, то у него не будетъ никакого выхода. Фру Иленъ раза два говорила съ нимъ о своемъ долгъ, Фредрикъ почти ничего больше не зарабатывалъ въ "Газетъ" за послъднее время; онъ заплатилъ по счету за хлъбъ за цълый мъсяцъ, —вотъ все, чъмъ онъ могъ помочь. И Фру Иленъ не имъла даже возможности отказываться отъ платы за квартиру, которую Хёйбро приносилъ каждый мъсяцъ; правда, она должна была Хёйбро эти полтораста кронъ, но что ей было дълать, когда для нея настали такія тяжелыя времена. Бъдная фру Иленъ была дъйствительно достойна сожальнія, и когда Хёйбро приносилъ ей плату за квартиру, то ей оставалось только принимать ее. Но въдь настанутъ же когда-нибудь лучшія времена; въ крайнемъ случать Фредрикъ могъ попытать счастья въ Америкъ, туда утвяжало такъ много хорошихъ людей.

Но отъ всего этого Хёйбро было не легче, ему пришлось пойти къ самому директору банка, разсказать про свое тяжелое положеніе и попросить отсрочки только на одинъ этотъ мѣсяцъ; онъ не хотѣлъ объяснять ему всего, не хотѣлъ выдавать себя, онъ попросилъ только отсрочки на мѣсяцъ, чтобы какъ-нибудь извернуться. И развѣ это было не досадно,—вѣдь онъ такъ аккуратно выплачивалъ всѣ взносы въ опредѣленный срокъ, и вдругъ теперь передъ послѣднимъ взносомъ онъ очутился въ безвыходномъ положеніи! Предстояло еще цѣлый мѣсяцъ жить въ постоянномъ трепетѣ; можетъ быть именно въ этотъ мѣсяцъ все и откроется!

Хёйбро очутился передъ своимъ домомъ, не замѣтивъ этого. Онъ отворяетъ дверь въ переднюю и встрѣчаетъ Шарлотту, которая выходитъ изъ комнаты съ блюдомъ въ рукахъ. Онъ не разговаривалъ съ ней нѣсколько недѣль, она также стала тиха и молчалива. Хёйбро замѣтилъ, что Эндре Бондесенъ совсѣмъ больше не появлялся у Иленовъ, и онъ не могъ понять, что произошло.

Онъ кланяется, и Шарлотта отвъчаетъ. Она благодаритъ также за брошюру, которую Хёйбро прислалъ имъ вчера, она прочла ее съ громаднымъ интересомъ. Но Фредрикъ покачалъ головой, когда увидалъ ее, онъ даже разсердился.

Послѣ этого она ушла съ блюдомъ въ кухню, а Хёйбро отправился къ себѣ въ комнату. Онъ садится на кресло-качалку, откидываетъ голову назадъ и наполовину закрываетъ глаза. Какъ она поблѣднѣла и какіе у нея темные круги подъ глазами! Мапенькія веснушки на ея лицъ выступали яснъе, губы слегка дрожали. Онъ вспомнилъ первое время послъ того, какъ онъ поселился у нихъ въ домъ, — Боже, какъ она тогда улыбалась и сіяла! Теперь она даже говорить стала тише, и она избъгала смотръть пюдямъ въ лицо. И все-таки, все-таки внутри у него все запъло, когда онъ къ ней приблизился, несмотря на то, что она была одъта небрежно и была даже не причесана.

Вдругъ кто-то постучалъ къ нему въ дверь, онъ кричитъ: Войдите!

Это была Шарлотта. Она вымылась, принарядилась, какъ въ прежніе дни; руки у нея были тонкіе и бѣлые.

Извините, она не мѣшаетъ? Она хотѣла только спросить, знаетъ ли Люнге, кто написалъ брошюру?

Можетъ быть, еще не знаетъ, отвътилъ Хёйбро, но онъ навърное скоро узнаетъ... Не сядетъ ли она,—пожалуйста! И онъ всталъ и пододвинулъ ей качалку.

Она съпа и продолжала сидъть въ качалкъ совершенно спо-

"Васъ въроятно привлекутъ къ суду?" спросила она. "Не знаю право, какъ это все дълается, но въроятно будетъ допросъ?"

"Вы думаете"? отвътилъ онъ съ улыбкой. "Вамъ кажется, что я поступилъ слишкомъ жестоко съ редакторомъ"?

Но Шарлотта молчала, Шарлотта знала Люнге и не сказала въ защиту Люнге ни одного слова. Она сидъла, откинувшись на спинку кресла всей своей стройной изящной фигурой, глазъ она почти не поднимала; но что могло сдълать ее такой робкой? И зачъмъ она пришла къ нему именно теперь?

"Вамъ кланяется Мими Арентценъ", сказала она, бросая быстрый взглядъ на Хёйбро.

Но Хёйбро почти уже забыль, кто такая Мими Арентценъ; только послъ нъсколькихъ вопросовъ онъ вспомнилъ, что какъ-то зимсю провожалъ молодую дъвушку домой въ снъгъ и бурю.

"А! Благодарю васъ!" сказалъ онъ. Да, теперь онъ вспом-

нилъ ее. Она была необыкновенно красива, его особенно поразило невинное выражение ея лица, оно было такое невинное и чистое: не правда ли? Да, у нея были стриженные волосы, но...

Шарлотта нагнулась и подняла нитку, валявшуюся на коврѣ. "Да, она красива," сказала она.

"Какъ странно," продолжалъ онъ, "что это выраженіе незинности, въ сущности, производитъ такое глубокое впечатлѣніе. Можно быть безобразной, даже уродливой, но открытый взглядъ и невинный лобъ придаютъ какую-то особенную прелесть и дѣлаютъ лицо милымъ."

Шарлотта воспользовалась этимъ поводомъ, чтобы отвътить ему и не согласиться съ нимъ.

"Да, такъ по крайней мъръ принято говорить."

"Конечно," отвътилъ онъ, "такъ это кажется многимъ; такъ думаютъ нъкоторыя старухи. И я присоединяюсь къ нимъ."

Въ сущности, объ этомъ нечего было больше и говорить, но Шарлотта вдругъ взволновалась и воскликнула съ горечью, возбужденно, не владъя собой:

"Кое что въ этомъ смыслѣ вы уже и раньше говорили. Господи, Боже ты мой, но что же дѣлать съ собой тѣмъ, кто... Я не думала, что у васъ такіе допотопные взгляды, Хёйбро."

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее. Неужели и она стала защищать распущенность? Но вѣдь она прежде самымъ положительнымъ образомъ соглашалась съ нимъ. И онъ также разгорячился и сказалъ:

"Допотопные взгляды? Правда, я не придерживаюсь радикализма норвежскаго радикала Эндре Бондесена, — если вы у него заразились вашими взглядами. Но онъ, конечно, тутъ не при чемъ? Нътъ, нътъ, наше разногласіе касается только насъ съ вами." Немного погодя онъ продолжалъ: "Вообще надо сказатъ, что за послъднее время у насъ на родинъ чертовски мало обращаютъ вниманіе на то, чтобы вступать въ бракъ болье или менъе непорочными, и этого ничуть не стыдятся; къ цъломудренной дъвушкъ относятся ничуть не съ большимъ уваженіемъ, чъмъ къ какой-нибудь развратницъ, — извините. Послъдняя разгуливаетъ по улицъ Карла-Іоганна такъ же свободно и открыто, какъ и всякій другой; сегодня она на глазахъ у всъхъ здоровается со своимъ любовникомъ, и музыка играетъ, и она ни отъ кого даже не скрываетъ своихъ отношеній, а завтра она отправляется къ бургомистру съ другимъ для заключенія брака. Я говорю только одно; я не могъ бы жениться на ней. А вы могли бы? Знать, что эта женщина, съ которой ты связываешь себя на всю жизнь, была... спала... Фу! Жить съ ней всю жизнь и знать, что эту грудь, эти руки... Что въ сущности ты женился на остаткахъ человъка... И къ тому же быть навсегда обреченнымъ вдыхать въ себя этотъ запахъ паденія, запахъ другого съ каждымъ дыханіемъ! Но я утверждаю только одно: что лично я не могъ бы этого перенести."

"Да, но такъ могъ бы говорить по крайней мъръ только тотъ, кто самъ чистъ."

"Я не понимаю, что съ вами случилось сегодня вечеромъ, вы во что бы то ни стало защищаете то, что явно некрасиво! Какъ вы это можете? Не пенимаю. Чистъ? Знайте, что я вовсе не чистый: и все-таки я настаиваю на томъ, что сказалъ. Вообще, во мнѣ такъ мало невинности, что если бы свѣтъ узналъ, что я сдѣлалъ, то я сидѣлъ бы теперь подъ замкомъ." Хёйбро всталъ въ возбужденіи и стоялъ передъ ней во весь ростъ. "Итакъ, я не чистъ. Но потому-то каждая дѣвушка можетъ мнѣ сказатъ: "нѣтъ, я не могу выйти за тебя замужъ потому, что ты не чистъ. Совершенно справедливо, отвѣчу я, я поступилъ бы точно такъ же и самъ! А затѣмъ я убью себя, или уѣду куда-нибудь далекъ, или постараюсь забыть, —смотря по тому, насколько сильно я люблю."

Шарлотта молчала. Онъ сказалъ спокойнъе съ маленькой улыбкой:

"Но если бы нашлась чистая дъвушка, которая согласилась бы выйти за меня замужъ, несмотря на то, что самъ я не чистъ,

то это значило бы, что въ этомъ отношеніи у нея другія понятія и чувства, чѣмъ у меня, и мы поженились бы.

Ну, вотъ, теперь онъ сказалъ все на чистоту, ничего не скрывая. И зачъмъ ему было бы пытаться прикрашивать себя? Все равно она была для него потеряна, совершенно потеряна, это онъ уже давно зналъ. Даже и теперь это было ясно видно; Шарлотта была олицетвореніемъ равнодушія, — изъ всего того, что онъ говорилъ, ничто не затронуло ее; даже и то, что онъ сказалъ про себя, не произвело на нее никакого впечатлѣнія.

"И вы поженитесь, да," сказала она съ разсъяннымъ видомъ. Но она прибавила, вставая и глядя на него: "А впрочемъ, я васъ прекрасно понимаю, вы правы."

Этой уступчивости онъ отъ нея не ожидалъ.

"Правъ? Нѣтъ," прервалъ она ее поспѣшно и поморщился, "я вовсе не правъ въ широкомъ значеніи этого слова, и этого я вовсе не говорилъ. Но, что касается до меня самого, то въ этомъ отношеніи я правъ. Я не могъ бы поступить иначе."

Послѣ этого Шарлотта ушла; у нея даже не было никакого особеннаго дѣла къ нему. Она не произнесла больше ни одного слова и ушла съ высоко поднятой головой, холодная и увѣренная въ своихъ движеніяхъ, какъ сомнамбула.

XV.

Нѣсколько дней спустя, Хёйбро вышелъ изъ дому и направлялся въ банкъ. Было около восьми часовъ утра. Былъ ясный, теплый день съ первыми признаками весны. Хёйбро пришло въ голову дэвѣриться одному изъ своихъ товарищей и разсказать о своихъ затрудненіяхъ въ банкѣ; ему навѣрное помогутъ, если онъ обратится къ кому-нибудь, — и надежда на это привела его въ веселое настроеніе. Да и утро было такое свѣтлое и ясное; снѣгъ таялъ, а птички возились на деревьяхъ, хлопотливо перелетали съ вѣтки на вѣтку и чирикали.

Пройдя немного по улицѣ онъ вдругъ увидапъ передъ собой сестеръ Иленъ, Софи и Шарлотту; Шарлотта начала уже носить свѣтлую кофточку.

Онъ сразу почти остановился, его охватило волненіе, какъ это всегда бывало въ присутствіи Шарлотты; въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній ему казалось, что онъ сидитъ на качеляхъ и въ состояніи сладкой истомы несется внизъ. Онъ хотѣлъ замедлить свои шаги, все время итти позади нихъ, но сестры обернулись и увидали его, и у него не было никакого предлога, чтобы свернуть въ сторону. Но зачѣмъ сестры были на улицѣ уже съ восьми часовъ утра?

Они поздоровались, и Софи сейчасъ же сказала, что прекрасная погода соблазнила ихъ, и онъ вышли погулять. Шарлотта была необыкновенно весела, она не шла больше съ поникшей головой; если какой-нибудь гуляющій при встръчъ съ ней пристально смотрълъ на нее, такъ какъ она была очень интересна въ этотъ день, то она громко смъялась и дълала остроумныя замъчанія насчетъ него. Хёйбро она не сказала ни одного слова.

Онъ должны были бы воспользоваться случаемъ и посътить въ девять часовъ выставку, сказалъ Хёйбро.

Софи ничего не имъла противъ этого; а что скажетъ на это Шарлотта?

Шарлотта сказала коротко "нътъ."

Ну, и не надо, сказалъ Хейбро, въ такомъ случав онв могли бы пойти въ стортингъ; тамъ было очень интересно.

Но Шарлотта не пожелала итти и въ стортингъ. Шарлотта просто хотъла гулять по улицамъ и смотръть на людей.

Ну, что же дѣлать? Если всѣ его предложенія отвергаютъ, то онъ больше ничего не скажетъ. И Хёйбро замолчалъ.

"Вы очень радуетесь, что наступаетъ весна?" спросила Софи. "Да. Я никогда съ такимъ страстнымъ нетерпъніемъ не ожидалъ ее, какъ въ этомъ году, " отвътилъ онъ.

"Да это и понятно, " замътила Шарлотта съ короткимъ смъхомъ; вы навърно никогда еще не мерзли такъ, какъ въ эту зиму."

Софи бросила на сестру изумленный взглядъ.

Они дошли до парка. Вдругъ Софи останавливается и говорить съ досадой:

"Я забыла книгу. Придется опять итти домой."

"Но въдь это можетъ сдълать господинъ Хёйбро, " сказала Шарлотта, кивая головой на Хёйбро.

Софи снова посмотрѣла на нее.

"Я приготовила книгу и положила ее на столъ, но ,конечно я забыла ее, " сказала она.

"Да, но Хёйбро можетъ принести ее," сказала опять Шарлотта. Она произнесла эти слова, сильно нахмуривъ брови.

"Но сперва надо спросить господина Хёйбро, хочетъ ли онъ быть настолько любезнымъ, " сказала Софи.

"Съ удовольствіемъ," отвѣтилъ онъ. "Что это за книга? Гдѣ она лежитъ?"

Она лежитъ тамъ-то и тамъ-то. Эгу книгу надо было обмънять въ библіотекъ. Но право, не стоило его такъ безпокоить...

"Пусть сходитъ," прервала ее Шарлотта.

И Хёйбро пошелъ.

Когда онъ возвратился, то сестры гуляли все еще на томъ же мѣстѣ.

"Какъ вы скоро вернулись; очень вамъ благодарна!" сказала Софи. Она была искренно благодарна ему за эту услугу.

И они пошли дальше.

"Скоро можно будетъ опять начать кататься на велосипедъ, " сказала Софи сестръ.

"Я никогда больше не буду кататься на велосипедъ," отвътила Шарлотта, "теперь ты можешь пользоваться велосипедомъ цълый годъ."

"Вотъ вамъ и благодарность!" сказала Софи шутливо Хёйбро.

"Не успъла она получить велосипедъ, какъ уже бросаетъ его."

"Я дарю его тебѣ!" сказала Шарлотта рѣзко и рѣшительно. "Еще что, часъ отъ часу не легче!" Софи старалась обратить все въ шутку, но раздражительность сестры смущала ее, "Какъ тебѣ не стыдно!" сказала она тихо.

Но тутъ Шарлотта вдругъ поблъднъла и воскликнула:

"Ты прямо несносна со своей важностью, Софи! Когда я сказала, что господинъ Хёйбро можетъ принести книгу, то тебъ это не понравилось; я говорю тебъ, что ты можешь пользоваться моимъ велосипедомъ цълый годъ, — и, конечно, я знаю, что господинъ Хёйбро ничего противъ этого не имъетъ—но ты сейчасъ же и это находишь неумъстнымъ. Все, что бы я ни сдълала, тебъ не по сердцу. Въ концъ концовъ это уже слишкомъ!"

Пауза. Софи шла и старалась найти какой-нибудь предметъ для разговора.

"Недостаетъ только, чтобы еще господинъ Хёйбро началъ дълать мнъ нравоученія," продолжала Шарлотта.

"Я," отвътилъ Хёйбро. "Какія нравоученія могъ бы я вамъ читать?"

"Ну, да, я и сказала, что только этого не достаетъ."

Они дошли до университетскихъ часовъ, и Хёйбро сказалъ:

"Не зайти ли намъ въ "Грандъ" и выпить чего-нибудь? Я вижу, что у меня еще есть время на это".

"Благодарю васъ", отвътила Шарлотта; "но намъ надо въ библіотеку, вонъ туда." И она указала по направленію къ Тиволи. "Очень вамъ благодарна".

На этотъ разъ она отвътила болѣе любезно, чѣмъ за все время прогулки. Ему вдругъ пришло въ голову, что, можетъ быть, она отказалась зайти въ "Грандъ", потому что стыдилась его одежды, — онъ былъ безъ пальто, да и его куртка немного вытерлась по краямъ. Онъ сказалъ съ горькой улыбкой:

"Да, да. А я все-таки зайду на минутку въ "Грандъ", чтобы

согръться чъмъ-нибудь; фрекенъ Шарлотта была совершенно права, мнъ немного холодно."

Онъ хотълъ снять шляпу и исчезнуть; но Шарлотта протянула ему вдругъ руку. Она пожала ему руку, пожала руку, и въ то время, какъ онъ шелъ по улицъ онъ обдумывалъ, почему она ему вдругъ пожала руку. Неужели она хотъла своей любезностью изгладить впечатлъніе, которое произвела на него своей озлобленностью въ это утро? Онъ только два раза держалъ ея руку въ своей, онъ еще чувствовалъ радостный трепетъ въ своей груди, который охватывалъ его, когда она сказала ему: "Да въдь вы совсъмъ теплый, я чувствую это сквозь перчатку; неужели вамъ дъйствительно не холодно?"

Но что все это должно было означать? Почему она была съ нимъ прямо невъжлива, несмотря на то, что онъ ничего дурного не сдълалъ ей? И велосипедъ свой она хотъла отдать. Ну, что же, порывалась только еще одна связь. Но почему онъ все время думалъ о ней?

Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Вонъ она идетъ по парку, свѣтпая кофточка такъ удивительно шла къ ней, она мелькаетъ среди деревьевъ словно бабочка... Но Боже мой, пусть ее идетъ, пусть улетитъ, пусть исчезнетъ! Теперь онъ былъ отъ нея дальше, чѣмъ когда-либо, вѣдь она прямо издѣвалась надъ нимъ все утро.

Онъ остановился. Ну, вотъ, —вотъ она исчезла! И Хёйбро пристально смотрълъ еще нъсколько минутъ на кусты, за которыми она исчезла; онъ медленно и сильно сжималъ себъ руки; нътъ, ея больше не видно. И онъ пошелъ дальше.

Когда онъ дошелъ до "Гранда", то хотѣлъ было пройти мимо,—въ сущности онъ не могъ себѣ позволить такой роскоши, какъ пить кофе въ "Грандъ"; но когда онъ вспомнилъ, что сказалъ Шарлоттѣ, что во всякомъ случаѣ зайдетъ въ "Грандъ", то онъ захотѣлъ сдержать свое слово; да и стоило это не Богъ знаетъ что.

Ему подали кофе, и онъ сълъ за столикъ и сталъ обдумы-

вать, къ кому изъ товарищей обратиться съ просьбой о займѣ; ему нуженъ былъ человѣкъ, который могъ бы дать ему сорокъпятьдесятъ кронъ, — было бы странно, если бы онъ не нашелъ такого человѣка. Вдругъ одинъ изъ сидѣвшихъ рядомъ здоровается съ нимъ.

Это Эндре Бондесенъ. Онъ въ новомъ элегантномъ костюмѣ, лицо его сіяетъ радостью.

Бондесенъ придумалъ совершенно новый способъ раздобыть себъ денегъ. Послъ несчастнаго разрыва съ Шарлоттой Иленъ онъ рѣшилъ перемѣнить квартиру, чтобы скрыть свой адресъ-Какъ знать, что могло притти въголову этой дъвушкъ, она могла снова явиться къ нему въ одинъ прекрасный день. Онъ, конечно, и не думалъ нанимать свою комнату въ Парквейейенъ на долгое время; и когда мъсяцъ кончился, то онъ переъхалъ въ квартиру изъ двухъ комнатъ на улицѣ Бернта-Анкера. Онъ прожилъ тамъ нъсколько днеи, когда въ нижнемъ этажъ вспыхнулъ небольшой пожаръ въ кухнъ; огонь сейчасъ же потушили, имущество не пострадало и всѣ жильцы этого дома снова улеглись спать и спокойно проспали до самаго утра, словно никакого пожара и не было. Одинъ только Бондесенъ не спалъ, онъ былъ въ затруднительномъ положеніи, у него не было денегъ, и онъ придумывалъ самые хитроумные планы, чтобы раздобыть ихъ гдъ-нибудь. Что, если онъ используетъ пожаръ? Не смотръть ли ему на это маленькое приключеніе съ пожаромъ, какъ на счастливый случай, который ему явился на помощь? Онъ самъ снесъ живо написанную замѣтку о пожарѣ въ "Газету", изобразилъ все и описалъ даже подробности: во время пожара никто не пострадалъ, кромъ одного студента, -- студентъ былъ обозначенъ иниціалами; онъ едва спасся, но все его имущество, его книги, его платье сгоръло до тла. Студентъ выбросился изъ окна съ портретами родителей въ рукахъ.

На этотъ номеръ "Газеты" Бондесенъ обратилъ вниманіе своего отца: этотъ студентъ былъ его собственный Эндре, дѣло об-

стояло такъ-то и такъ-то. Но онъ твердо надъялся, что нъкоторая сумма въ такихъ-то и такихъ-то размърахъ можетъ поставить его на ноги; а пока онъ обзавелся кое-какимъ платьемъ въ кредитъ, такъ что онъ не былъ совсъмъ голъ.

И это обращение къ отцу оказало свое дъйствие; особенное впечатлъние произвела на отца история съ фотографиями, которыя сынъ спасъ изъ огня. Это тронуло до глубины души стараго крестьянина изъ Бергена. Онъ далъ сыну гораздо больше, чъмъ могъ; для этого онъ продалъ частъ скота, взялъ въ долгъ денегъ у сосъда и въ концъ концовъ собралъ довольно крупную сумму. Эндре могъ съ этого дня не только уплатить свои мелкие долги, но также посъщать Тиволи съ дамами всю весну; кромъ того, онъ обзавелся прекраснымъ гардеробомъ. Теперь Эндре Бондесенъ снова почувствовалъ себя окрыленнымъ, и онъ ликовалъ и весь сіялъ.

"Да," сказалъ онъ Хёйбро, "теперь вы сами видите! Я не спалъ три ночи напролетъ, но развѣ это на мнѣ отзывается? Развѣ отъ меня осталась только кожа, да кости? И всѣмъ этимъ я обязанъ только велосипеду; вы не можете себѣ представить, какъ велосипедъ укрѣпляетъ здоровье! Если бы у васъ былъ велосипедъ, то вы вовсе не были бы такой пареной рѣпой... ахъ, извините!"

И Хёйбро, этотъ медвъдь, который одной рукой могъ бы поставить Бондесена на колъни, ничего не возразилъ ему на эго.

"Ну, конечно, когда-нибудь да придется сдаться," продолжаль Бондесень; "живешь полной жизнью, не спишь по три ночи напролеть,—но за то и будеть чемь помянуть жизнь, когда будешь умирать... Кстати, видели вы сегодня "Газету"? Люнге поместиль отзывь о памфлете, я хотель сказать, о брошюре. Воть, воть здесь это, на первой странице."

Хёйбро взялъ газету и прочелъ маленькую замѣтку. Она была сдержанна, насколько это было возможно, только въ концѣ былъ обычный ударъ, который оставлялъ послѣ себя рубецъ. Авторъ

сдълалъ попытку опорочить извъстныхъ людей, которые служили обществу въ теченіе цълаго ряда лътъ, "Газета" и ея редакторъ были выше такихъ низкихъ анонимныхъ нападокъ. Для "Газеты" ничего не оставалось тайной, она знала, кто этотъ клеветникъ. — это былъ человъкъ, поведение котораго было далеко не безупречно, и у котораго на совъсти было и то, и другое.

Хёйбро закусилъ себъ губы. У котораго на совъсти было и то, и другое! "Газетъ" все было извъстно! Гм.

"Ну", сказалъ Бондесенъ," этимъ дѣло еще не кончится, его еще подымутъ".

"Да", сказалъ также и Хёйбро, "если я не ошибаюсь въ Люнге, то онъ еще подыметь это дъло".

"Что совершенно справедливо. Да, я вспоминаю ваше мнѣніе о Люнге, оно было не изъ лучшихъ".

"Въ сущности Люнге вотъ какой: если бы авторъ брошюры пошелъ къ нему и сказалъ бы: вотъ я, это я нападалъ на васъ, и я пришель, чтобы сказать вамъ это, еслибы этотъ человъкъ такъ сдълалъ, то Люнге почувствовалъ бы себя польщеннымъ этимъ вниманіемъ къ себъ и простиль бы его. Хе, хе! Онъ едва пи шевельнулъ бы пальцемъ, чтобы нанести ударъ. Въ сущности Люнге вовсе ужъ не такъ плохъ, то есть, онъ не настолько постояненъ, его злоба не настолько искрення".

"Я вижу, что вы вполнъ согласны съ авторомъ брошюры".

"Да, я вполнъ согласенъ съ нимъ".

Пауза.

"Вы знаете автора"?

"Да".

"Не разрѣшите ли вы спросить, кто это"?

"Да, это я".

Бондесенъ не ожидалъ этого отвъта, нъсколько мгновеній онъ смотрълъ на Хёйбро и ничего не говорилъ. Снова наступила пауза.

"Прочтите заодно стихи на второй страницъ", говоритъ Бон-

Наконецъ-то Бондесенъ дебютировалъ въ качествъ поэта. Это былъ гимнъ веснъ, три стиха, напечатанныхъ крупными буквами, -- это было ободряющее ура всему нарождающемуся и расцвътающему въ народъ и вообще на родинъ, -- въдь всякое начинание служитъ добру. Бондесенъ приложилъ дъйствительно много старанія къ этимъ нѣсколькимъ строчкамъ и вложилъ въ нихъ много глубокаго смысла.

"Какъ вы ихъ находите"? спросилъ онъ.

"Позвольте васъ поздразить", отвътилъ Хёйбро. "Мнъ кажется, что это превосходно. Хотя я мало смыслю въ подобныхъ вещахъ".

"Правда? По этому случаю надо выпить", воскликнулъ Бондесенъ и позвонилъ.

Но Хёйбро всталъ, онъ долженъ былъ идти въ банкъ, если не хотълъ опоздать; ему оставалось всего пять минутъ.

Онъ ушелъ.

У котораго на совъсти и то, и другое! Такъ, значитъ, онъ у Люнге въ рукахъ. Теперь онъ зналъ, чего ему надо ожидать. Люнге не пощадить его, не такой онъ человъкъ. Если онъ въ темнотъ наткнется на стъну, то отъ злости будетъ колотить о стъну кулаками, и во второй разъ онъ опять стиснетъ зубы и будеть колотить о ствну кулаками, только для того, чтобы дать волю своему мальчишескому гнъву. Но онъ былъ способенъ простить, если только его сбъ этомъ попросить. Такъ плохъ онъ не былъ.

Но зналъ ли онъ дъйствительно что-нибудь? Откуда онъ могъ узнать что-нибудь? Отъ директора банка? Но въ такомъ случать Хёйбро былъ бы давно арестованъ. Неужели слова Люнге относительно его поведенія были только наглостью съ его стороны? Когда онъ придетъ въ банкъ, то это для него сейчасъ же выяснится.

И Хёйбро, какъ всегда, вошелъ въ двойную стеклянную дверь, поздоровался со всѣми, и ему отвѣтили на его привѣтствіе. По лицамъ своихъ сослуживцевъ онъ не замѣтилъ ничего особеннаго. Когда пришелъ директоръ, то и онъ отвѣтилъ на его поклонъ, не проявивъ на своемъ лицѣ ничего особеннаго, — напротивъ, казалось даже, будто онъ посмотрѣлъ на Хёйбро ласковѣе, чѣмъ обыкновенно. Хёйбро не могъ понять этого.

Часъ проходилъ за часомъ и ничего не случилось. Передъ тъмъ, какъ уходить изъ банка, директоръ въжливо попросилъ Хёйбро къ себъ въ кабинетъ. Ну, вотъ, — свершилось! Хёйбро спокойно отложилъ перо и пошелъ къ директору. Сейчасъ все будетъ кончено!

"Я хотълъ только сдълать вамъ одинъ вопросъ, если вы позволите", сказалъ директоръ. "Мнъ говорили, что вы авторъ одной брошюры, которая вышла недъли двъ тому назадъ"...

"Да, это совершенно върно", отвътилъ Хёйбро.

Пауза.

"Вы читали сегодня" "Газету"? спросилъ директоръ. "Да".

Новая пауза.

"Надъюсь, что вы настолько уважаете самого себя, что оставите безъ всякаго вниманія намеки этой газеты на вашу нечистую совъсть, и что вы ничего не предпримете въ этомъ направленіи? Ваше поведеніе безупречно".

Губы Хёйбро задрожали. Его ничуть не удивило бы, если бы ему отказали отъ мъста, прогнали бы его, арестовали бы тутъ же на глазахъ у его начальника. Этотъ честный и благородный человъкъ былъ для него настоящимъ отцомъ въ продолжение десяти лътъ, онъ ничего не подозръвалъ. Хёйбро едва могъ промолвить:

"Очень вамъ благодаренъ, господинъ директоръ, спасибо, спасибо"!

Медвъдь плакалъ.

Директоръ посмотрълъ на него, кивнулъ головой и сказалъ коротко, короче, чъмъ это было въ его привычкъ:

"Да, вотъ и все, что я вамъ хотѣлъ сказать, Хёйбро. Вы можете итти".

Въ сильномъ волненіи Хёйбро поблагодарилъ еще разъ и вышелъ.

Онъ стоялъ за своей конторкой передъ закрытіемъ банка въ состояніи крайней тревоги. Зналъ-ли Люнге что-нибудь? Если онъ только догадывается о чемъ-нибудь, то онъ сразитъ его безъ всякихъ предупрежденій, сегодня или завтра, когда угодно! Если бы ему только удалось выручить бумаги во время! Весь этотъ день былъ полонъ тревогъ и неожиданностей:—сперва насмѣшки Шарлотты, потомъ ея рукопожатіе, отъ котораго его сердце до сихъ поръ еще не остыло, и наконецъ эта ласка директора, которая подъйствовала на него сильнъе, чъмъ что-либо другое, да, сильнъе, чъмъ что-либо другое. Лишь бы ему не пришлось заставить честнаго старика убъдиться въ своемъ заблужденіи!

Когда онъ возвратился вечеромъ домой, онъ зажегъ лампу, заперъ дверь на ключъ и сѣлъ въ качалку, ничѣмъ не занимаясь. Полчаса спустя къ нему въ дверь постучали, но онъ не всталъ, чтобы отпереть. Постучали еще разъ, но онъ все-таки не отперъ; напротивъ, онъ потушилъ лампу и сидѣлъ неподвижно въ качалкѣ. Боже упаси, если это Шарлотта! Онъ не былъ въ состояніи видѣть ее теперь; она навѣрное прочла "Газету" и хотѣла поговорить стносительно этого; что онъ можетъ ей сказать, что онъ отвѣтитъ на первый вопросъ? А впрочемъ, это навѣрное была не Шарлотта, а если бы даже это была и она, то, можетъ быть, она приходила только для того, чтобы снова посмѣяться надъ нимъ, въ этомъ не было ничего невозможнаго; онъ ничего не зналъ!

Стукъ въ дверь прекратился. Онъ продолжалъ сидъть на томъ же мъстъ и наконецъ заснулъ въ качалкъ, и проснулся только поздно ночью. Было темно, онъ замерзъ, руки и ноги затекли,

въ головъ его стоялъ еще туманъ отъ всевозможныхъ сновидъній. Который могъ бы быть теперь часъ?

На совъсти котораго было и то, и другое...

Онъ подошелъ къ окну и отодвинулъ въ сторону гардину. Пунный свътъ, теплая погода, тишина; по улицъ идетъ посыльный, единственное живое существо, которое онъ видитъ; при свътъ газоваго фонаря онъ видитъ, что у посыльнаго рыжая борода и кожаная шапка. Но какое ему дъло до того, есть у этого человъка борода или нътъ? Не лучше ли ему раздъться и лечь спать?

Вдругъ онъ останавливается и задерживаетъ дыханіе, онъ слышитъ слабый шумъ внизу, что-то катится, что-то тащатъ; онъ снова подходитъ къ окну и видитъ, что посыльный остановился какъ разъ у входной двери. Что тутъ происходило, что такое катили? Онъ едва-едва пріотворяетъ окно и выглядываетъ на улицу. Велосипедъ, велосипедъ появляется изъ дверей, его осторожно и медленно выкатываетъ Шарлотта Посыльный стоитъ рядомъ съ ней и помогаетъ ей. Затъмъ Шарлотта передаетъ ему велосипедъ и говоритъ что-то, говоритъ тихо имя и адресъ и проситъ посыльнаго придти рано утромъ и принести деньги, которыя онъ получитъ.

Но что это былъ за адресъ и зачѣмъ велосипедъ отсылали? Велосипедъ отправляли къ ростовщику, Хёйбро хорошо зналъ этотъ адресъ, этотъ домъ въ городѣ, гдѣ и его вещи были заложены. А теперь и велосипедъ отправили туда же.

XVI.

Въ редакціи "Газеты" становилось все тише, разнообразныя точки зрѣнія Люнге въ политикъ испугали его друзей; только кое-кто изъ наиболье преданныхъ ему людей, которые сплотились, чтобы образовать промежуточную партію, — одинъ адвокатъ, два профессора, двъ-три политиканствующихъ дамы, продолжали еще посъщать его время отъ времени, и они сдержанно бесъдовали

черезъ посредство его газеты съ публикой. Никто больше не зналъ, къ какой собственно партіи Люнге принадлежитъ.

Да и самъ онъ едва ли зналъ это. За цѣлой грудой газетъ и бумагъ Люнге сидитъ у себя въ редакціи, мрачный, разочарованный и удрученный, онъ сидитъ въ своемъ креслѣ и размышляетъ. Когда-то его кресло было трономъ, а теперь оно едва ли сойдетъ за крѣпкую мебель; а самъ онъ опустился до положенія самаго обыкновеннаго редактора среди другихъ редакторовъ, до положенія редактора, который впадаетъ въ ошибки, колеблется и даже совершаетъ неблаговидные поступки. Да, чего, чего только не бываетъ на свѣтѣ!

Послѣдніе дни вообще были очень тяжелы для Люнге. Противъ своего ожиданія онъ былъ отвергнуть фру Дагни въ тотъ вечеръ, когда они вмъстъ пошли въ театръ: онъ получилъ ръзкій отпоръ, его чуть не выгнала эта красивая женщина. Раньше онъ никогда не рисковалъ заходить такъ далеко, не будучи увъреннымъ въ побѣдѣ; а тутъ его горячій темпераментъ увлекъ его и довелъ до непріятнаго недоразумѣнія съ этой холодной и разсчетливой дамой изъ приморскаго города! Онъ не понималъ, какъ все это случилось. Правда, онъ не могъ доставить фру Дагни удовольствія и добыть кресть ея мужу, всь обстоятельства были противъ него, министерство пало и его пъсенка спъта; но онъ надъялся, что фру Дагни находитъ нъчто привлекательное въ немъ самомъ, въ его личности, и что она цвнила это. А въ концъ концовъ оказалось, что такіе пустяки, какъ крестъ, дъйствительно имъютъ значение для этой женщины. -разъ креста нельзя было достать, то все должно было быть покончено между нимъ и ею. Ну, развъ это не смъшно? Да къ тому же онъ почти даже и не дотрагивался до нея, онъ только обняль ее за талью и захихикаль внугреннимъ смѣшкомъ по своему обыкновенію: хи, хи, хи, хи, ты моя, да, моя! Но тогда она вдругъ взяла и ушла отъ него, скрылась въ своей спальнъ, да еще безъ всякихъ церемоній заперла за собой дверь на ключъ.

Она предоставила старой фрёкенъ Гуде выпроводить его; вотъ какъ печально кончилось его посъщеніе.

Нъсколько ночей Люнге снова спалъ со сжатыми кулаками, какъ въ первое время своего студенчества, когда онъ повсюду предлагалъ свои услуги и вездъ получалъ отказъ. Непріятности такъ и сыпались на его голову. Брошюра Хёйбро также доставила ему не мало заботъ и размышленій, чего онъ раньше не зналъ. Что ему дълать съ этимъ памфлетомъ? Высмъять его, обратить все въ шутку? Теперь фру Дагни уже не заступится больше за этого дурака съ блуждающей кометой, — его можно было бы убить насмъшками и похоронить подъ всеобщій смъхъ. Съ другой стороны, благоразумно ли было бы показывать кулакъ этому человъку, бросать ему такой дерзкій вызовъ? Богъ его знаетъ, на что онъ способенъ, отъ такого негодяя можно было ожидать всего. Люнге ръшилъ хранить глубокое молчаніе, какъ о брошюръ, такъ и объ авторъ; это будетъ самое благородное. И онъ зналъ навърное, что если онъ будетъ молчать, то и всъ остальныя газеты будутъ молчать, вплоть до "Норвежца", который подождеть три недъли, прежде чъмъ скажеть то, что делженъ сказать, и затъмъ похоронитъ дъло навсегда.

Но когда прошли двѣ недѣли, то Люнге стало не втерпежъ выдерживать это рѣшеніе, онъ не могъ обрекать себя на такую долгую спячку, это было выше его силъ. Онъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ возстановить славу "Газеты", какъ наиболѣе освѣдомленнаго органа, и сказать свѣту, что анонимный клеветникъ извѣстенъ. Человѣкъ этотъ служитъ въ такомъ-то банкѣ, очень можетъ быть, что въ его поведеніи ничего предосудительнаго не было, объ этомъ Люнге ничего не зналъ, но можно было попытаться сдѣлать маленькій намекъ на непорядочность этого человѣка; вѣдь разъ его предаютъ его собственныя друзья, то дѣло не чисто, да и Бондесенъ ясно назвалъ его негодяемъ и разбойникомъ. Дпя большей вѣрности Люнге послалъ опытнаго Лепорелло къ начальнику Хейбро, чтобы навести справки; но Ле-

порелло указали дверь. Тутъ Люнге нашелъ, что это переходитъ всякія границы; представителю "Газеты", его представителю указали на дверь? Онъ возмущенъ до глубины души и самъ идетъ къ директору — во имя закона и порядка. Онъ чувствуетъ еще въ себъ свою прежнюю силу, и онъ входитъ въ банкъ съ высоко поднятой головой, какъ человъкъ, который ни передъ къмъ не гнетъ спины, никогда не отступаетъ ни на вершокъ. Онъ остается съ глазу на глазъ съ директоромъ и сообщаетъ ему, по какому дълу пришелъ — покажите книги! Но передъ нимъ раскрыли дверь такъ же въжливо, такъ же мило, какъ и передъ Лепорелло, а когда онъ вышелъ, то за нимъ заперли дверь!

Тутъ терпъніе Люнге лопнуло, онъ отправился къ себъ въ редакцію и написалъ первую зам'тку, сверкая глазами. Честь клеветника была запятнана, и поведеніе его было ниже всякой критики.

И дъйствительно, брошюра Хейбро была такъ несправедлива, такъ пристрастна, что гнъвъ Люнге былъ вполнъ понятенъ. Ахъ, до чего она была пристрастна! Человѣка съ такими большими заслугами и добрымъ сердцемъ нельзя выставлять посмъщищемъ для всей страны, если даже во времена бъдныя событіями, онъ дълалъ маленькіе скачки въ политикъ и своей газетой пускалъ пыль въ глаза. Въ самыя тяжелыя времена онъ не забывалъ также и другихъ; развъ онъ оставилъ безъ помощи бъднаго поэта на чердакъ въ Торденскіольдсгаде? Онъ продолжалъ поддерживать его. Вотъ и Фредрикъ до сихъ поръ еще занимаетъ мъсто въ редакціи "Газеты". Но теперь его придется удалить, Люнге нашелъ другого человъка на его мъсто, -- это какъ разъ тотъ новый, многообъщающій геній съ Торденскіольдсгаде. Люнге читалъ начало его романа и нашелъ его очень интереснымъ; онь не могь дать погибнуть таланту, - таланты надо поддерживать. И при мысли объ этомъ сердце Люнге снова раскрылось, онъ снова проявилъ свою способность отдавать должное таланту.

Онъ отворяетъ дверь и кричитъ:

"Иленъ, мнъ надо поговорить съ вами, зайдите на минутку". И Иленъ входитъ къ нему.

"На общемъ собраніи мы рѣшили облегчить немного бюджетъ нашей газеты", говоритъ онъ. "Я рѣшилъ, что могу обойтись съ меньшимъ числомъ помощниковъ въ редакціи, и пожалуй, намъ ничего другого не остается, какъ разстаться съ вами".

Иленъ смотритъ на него во всъ глаза. За послъднее время лицо его вытянулось и поблъднъло, въ продолжение нъсколькихъ недъль онъ работалъ, какъ волъ, чтобы какъ-нибудь заплатить по счету матери въ булочную. Тотъ жалкій гонораръ, на который его посадилъ Люнге, заставилъ его день и ночь писать маленькія замітки и отрывки, — онъ писаль безчисленное множество замътокъ, которыя Люнге черезъ извъстный промежутокъ времени просматривалъ и забраковывалъ; если случалось, что онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа, то онъ выбиралъ изъ эгихъ жалкихъ бумажекъ нъсколько замътокъ и бросалъ ихъ фактору съ снисходительной улыбкой. Иленъ никакъ не могъ понять, почему его работа стала вдругъ такой неудовлетворительной, и онъ писалъ и вычеркивалъ написанное и снова писалъ и мучился невыразимо, чтобы написать какъ-нибудь получше. И ничего не помогало, его замътки возвращались ему обратно цълыми пачками, цълыми листами, а третьяго дня ему ихъ вернули даже непросмотрѣнными.

"Мы, конечно, съ удовольствіемъ будемъ пользоваться вашими статьями", продолжаетъ редакторъ, видя, что Иленъ молчитъ; "но мы принуждены лишить васъ постояннаго мѣста въ редакціи".

"Но почему же"? спрашиваетъ наконецъ Иленъ съ изумленіемъ глядя на редактора.

"Да, почему! Во-первыхъ, таково рѣшеніе совѣта, а кромѣ того... Но вамъ вовсе не надо уходить сегодня же, вы можете оставаться до завтра или до другого какого-нибудь дня".

Но Иленъ все-таки ничего еще не можетъ понять.

"Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ-то справедливо", говоритъ онъ.

Къ такой невъроятной наивности Люнге могъ отнестись только снисходительно, онъ только пожимаетъ плечами и отвъчаетъ:

"Несправедливо? Да, на этотъ счетъ могутъ быть очень различныя мнѣнія. Развѣ мы уже не напечатали многія изъ вашихъ работъ и не заплатили вамъ за нихъ щедро? Именно на несправедливость вамъ, кажется, жаловаться не приходится, не такъ ли? Если я не ошибаюсь, мы даже помѣстили какъ-то замѣтку о рукодѣліи вашей матери и старались найти ей заказчиковъ".

"Да, но это къ дълу не относится", отвъчаетъ Иленъ.

Люнге теряетъ терпъніе, садится на стулъ и начинаетъ просматривать какія-то бумаги.

Тутъ Илена охватываетъ благородное негодованіе. Развѣ онъ мальчишка какой-нибудь, и не сама ли "Газета" создала ему имя въ отечественной наукѣ? Онъ говоритъ:

"Кажется, я ужъ не такъ много зарабатывалъ за послѣднее время, а теперь и это у меня хотятъ отнять".

"Однако послушайте, голубчикъ", отвъчаетъ Люнге раздражительно, "неужели же вы не понимаете, что для насъ не годится то, что вы пишите? Должны же вы сами понимать, что это не годится, что то, что вы пишите, неинтересно, никто этого не читаетъ".

"Но вѣдь вы сами какъ-то говорили, что все это очень хорошо".

"Ну, да, повидимому, никогда нельзя быть достаточно осторожнымъ въ подобныхъ случаяхъ,—такіе отзывы всегда могутъ вырваться".

Ну, въ такомъ случаѣ Илену ничего не оставалось дѣлать, онъ молчитъ и пятится задомъ къ двери. А стипендія? Не самъ ли Люнге подалъ ему надежду на стипендію при первомъ подходящемъ случаѣ?

Иленъ идетъ въ редакцію. Секретарь спрашиваеть:

"Что нибудь случилось"?

"Уволенъ", отвъчаетъ Иленъ съ блъдной улыбкой.

Онъ начинаетъ собиратъ свои бумаги и приводитъ въ порядокъ свой столъ, онъ собираетъ въ пачку непринятыя замѣтки, которыя вынимаетъ изъ ящика и беретъ съ полокъ. Онъ непремѣнно хочетъ все взять съ собой, даже рукопись своей первой знаменитой статьи о великомъ національномъ вопросѣ въ два милліона, которая лежитъ среди его бумагъ, какъ дорогое воспоминаніе о его быломъ величіи. Когда онъ покончилъ съ этимъ, то хотѣлъ пойти къ редактору попрощаться, но ему пришлось подождать нѣсколько минутъ, такъ какъ у редактора въ это время сидѣлъ чиновникъ изъ департамента Конгсвольдъ; онъ вошелъ прямо въ кабинетъ редактора, словно его дѣло не терпитъ никакого отлагательства.

Люнге встрѣчаетъ своего стараго знакомаго изъ студенческихъ лѣтъ вопросительнымъ взглядомъ. Пожалуйста, садись!

Конгсвольдъ таинственно оглядывается вокругъ, благодаритъ тихимъ голосомъ и вынимаетъ изъ кармана бумагу.

"Это списокъ", говоритъ онъ, "назначеніе на судебныя должности. Сегодня вечеромъ онъ будетъ отосланъ въ Стокгольмъ".

Отъ этой неожиданной радости Люнге проникается безграничной благодарностью, онъ просматриваетъ списокъ, пожираетъ его любопытнымъ взоромъ и жметъ руку Конгсвольду.

"Ты оказалъ мнѣ большую услугу, старый другъ, будь увѣренъ, я не забуду это".

Но Конгсвольдъ не рѣшается отдать списокъ, онъ боится, что его почеркъ выдастъ его; кто знаетъ, что могло случиться, могъ возникнуть вопросъ объ источникѣ. Люнге долженъ самъ переписать списокъ.

"Я надъюсь, что ты ни въ какомъ случаъ не выдашь меня", говоритъ Конгсвольдъ. "Это было бы для меня равносильно увольненію съ мъста".

"Что съ тобой! Не можешь же ты думать обо мнъ такъ дурно"?

"Нѣтъ, нѣтъ, но я ужасно боюсь. Конечно, ты не выдашь меня сознательно, но какъ-нибудь нечаянно, не преднамѣренно. И потомъ, что будетъ, если на тебя окажутъ давленіе*?

"На меня не могутъ оказывать давленія, если я самъ этого не хочу, Конгсвольдъ. Конечно, я никогда не выдамъ твоего имени, я не предатель".

Послѣ этого Конгсвольдъ всталъ, собираясь уходить.

"Ну", говоритъ Люнге, "теперь у тебя снова правый начальникъ"?

"Да, въ концъ концовъ такъ это вышло".

И Люнге киваетъ:

"Что я говорилъ! Нътъ, правительство, которое нарушаетъ объщанія и върность, не можетъ удерживаться въ Норвегіи. Этого мы не позволимъ".

Эти два человъка смотрятъ другъ другу въ глаза, и Люнге даже не сморгнулъ.

"Прощай", говоритъ Конгсвольдъ.

Но Люнге удерживаетъ его.

"Подожди минутку, мы пойдемъ вмъстъ и зайдемъ въ "Грандъ".

"Нѣтъ, я боюсь итти съ тобой, именно теперь люди не должны насъ видъть вмъстъ".

Конгсвольдъ ушелъ...

Когда Иленъ вошелъ къ Люнге, чтобы попрощаться, то редакторъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, радость преобразила его. Если бы онъ теперь могъ оказать Илену какую-нибудь услугу, то онъ охотно сдѣлалъ бы это. Онъ сказалъ:

"Я дамъ вамъ чекъ на полученіе причитающагося вамъ гонорара. Кассиръ въроятно уже ушелъ, но вы можете зайти къ нему завтра".

"Мнъ нечего больше получать отъ васъ", отвъчаетъ Иленъ, ,,я получилъ уже все".

"Да, да. Такъ пришлите намъ какую-нибудь статью, когда вамъ это будетъ удобно".

Послѣ этого Иленъ простился и ушелъ. Никто не смотрѣлъ на него больше на улицѣ. Люди знали его и давали ему спокойно итти своей дорогой со связкой непринятыхъ замѣтокъ подъ мышкой. Иленъ отслужилъ свое время, онъ удовлетворилъ любопытство и сошелъ со сцены. Теперъ очередь была за слѣдующимъ.

Иленъ дошелъ до самаго дома, и ни единый человъкъ не снялъ передъ нимъ шляпы.

XVII.

Когда Хёйбро возвратился вечеромъ домой, то его уже въ передней встрътила фру Иленъ, которая имъла очень удрученный видъ; и она печальнымъ голосомъ сообщила ему, что случилось съ Фредрикомъ. Теперь ему не оставалось ничего другого, какъ попытать счастья въ Америкъ; если онъ продастъ свои книги и свой письменный столъ, то, можетъ быть, у него хватитъ денегъ на проъздъ. Во всякомъ случат онъ не обратится ни къ кому изъ своихъ родственниковъ, это онъ твердо ръшилъ. Да, пожалуй, это ни къ чему бы и не повело. Съ тъхъ поръ, какъ Фредрикъ сталъ сотрудникомъ "Газеты" вст Илены начали относиться къ нему очень холодно... Кстати, фру Иленъ имъла наконецъ возможность отдать Хёйбро свой долгъ, эти полтораста кронъ, которыя она задержала такъ долго; да, да, она слишкомъ долго задержала этотъ долгъ, онъ долженъ извинить ее...

Но развѣ она могла отдать эти деньги теперь, когда семейству предстояли такіе большія перемѣны?

Да, она получила эти деньги исключительно для этой цѣли, это Шарлотта дала ихъ ей, Шарлотта скопила ихъ... Ну, да, скопила. Вѣдняжка Шарлотта, она такая добрая! Какъ только она узнала, что мать должна Хёйбро деньги, она сейчасъ же сказала: этого не должно быть ни одного дня дольше! И вотъ теперь она добилась своего... Богъ знаетъ, что дѣлается съ Шарлоттой, ей пришлось такъ много пережить за эту зиму, она никогда ничего не говорила, но мать все понимала. Фру Иленъ видѣла все, она замѣтила, что уже нѣсколько недѣль Эндре Бондесенъ не появлялся въ ихъ домѣ, а это, конечно, было неспроста, что-нибудь да произошло. Но все это огорчало ее до глубины души. Недавно Шарлотта бросилась къ ней на шею и сказала, что и она уѣхала бы въ Америку, если бы у нея только были деньги; но у нея не было денегъ.

Все это фру Иленъ разсказала тихимъ и довърчивымъ голосомъ, боясь, чтобы ее не услышали дъвочки, которыя сидъли въ комнатъ. Затъмъ она сунула въ руку Хёйбро деньги, и Хёйбро отлично зналъ, откуда эти деньги, они были получены подъ залогъ велосипеда. Онъ дълалъ возраженія и не хотълъ брать эти деньги, — пусть онъ останутся у Шарлотты, она можетъ употребить ихъ на путевыя издержки. Но фру Иленъ покачала головой. Ей было сказано самымъ ръшительнымъ образомъ, чтобы она отдала деньги ему, Шарлотта прогнала бы ее только, если бы она принесла ей эти деньги обратно. Нътъ, пожалуйста!

Хёйбро поспѣшно ушелъ въ свою комнату и въ сильномъ волненіи бросился въ качалку. Слава Богу, теперь онъ могъ по-кончить съ банкомъ! Онъ могъ выкупить вексель уже завтра утромъ въ девять часовъ, даже до прихода директора. Ему оставалась только одна ночь, одна единственная ночь, и въ эту ночь онъ будетъ спать такъ сладко, какъ только можетъ спать человъкъ,—если только вообще онъ будетъ въ состояніи сомкнуть глаза отъ счастья.

Какъ онъ страдалъ всю зиму, и нигдѣ онъ не видѣлъ спасенья! Правда, онъ написалъ брошюру, которую, кажется, коекто покупалъ, но Хёйбро отъ этого не имѣлъ никакихъ доходовъ. Онъ подарилъ свою рукопись первому попавшемуся издателю и былъ счастливъ, что она распространится безъ расходовъ съ его стороны. А дни шли своимъ чередомъ, и срокъ послъдняго взноса въ банкъ все приближался и приближался.

Сегодня вечеромъ онъ хотълъ какъ разъ по приходъ домой състь вотъ въ эту качалку и хорошенько еще разъ обдумать все и постараться гдь-нибудь достать денегъ. Онъ напрасно ходилъ къ двоимъ, даже къ троимъ изъ своихъ товарищей и просилъ ихъ выручить его; но, можетъ быть, онъ могъ бы вспомнить еще какого-нибудь хорошаго друга, который подастъ ему руку помощи, въ этомъ не было ничего невозможнаго, надо только хорошенько одумать объ этомъ. Онъ хотълъ сидъть вотъ здъсь на этомъ же самомъ мъстъ, не зажигая лампы, какъ теперь, и думать объ этомъ нъсколько часовъ подъ рядъ. А теперь онъ сидълъ съ деньгами въ рукахъ! Отъ двухъ большихъ кредитныхъ билетовъ пахло слегка мускусомъ, они шуршали между его пальцами, онъ не ошибался, они были у него въ рукахъ. Развъ это не было удивительно?

Онъ не могъ сидъть спокойно, онъ всталъ въ темнотъ и улыбнулся самому себъ. Когда онъ услыхалъ въ передней шаги, то онъ быстро отворилъ дверь и выглянулъ. Раньше онъ въ такихъ случаяхъ сидълъ тихо, сдерживалъ дыханіе и прислушивался, но теперь онъ отворилъ дверь въ какомъ-то радостномъ порывъ, не имъя опредъленнаго желанія увидать кого-нибудь.

"Добрый вечеръ"! послышалось изъ передней.

"Добрый вечеръ, фрёкенъ Шарлотта"! отвътилъ онъ, стоя въ дверяхъ своей темной комнаты".

"Вы собираетесь уходить такъ поздно"? спросила она.

"Уходить?. Нътъ. Я только подумалъ, что это вашъ братъ, и хотълъ поздороваться съ нимъ".

"Братъ въ комнатъ", сказала она; "позвать его"?

"Нътъ не надо, я только хотълъ... Нътъ, ничего, ничего".

Они стояли другъ противъ друга, она заглянула мимо него въ его комнату и спросила:

"Вамъ, можетъ быть, не дали лампы сегодня"?

"Ахъ, да, лампа?. Я сейчасъ"...

Онъ началъ торопливо зажигать лампу неувъренными руками, и въ это время они продолжали разговаривать другъ съ другомъ. Наконецъ она всшла въ комнату и затворила за собою дверь. Они оба съли.

"Я должна попросить у васъ извиненія", сказала она.

"У меня? Ничего не понимаю... А вотъ я долженъ поблагодарить васъ за"...

Онъ показалъ глазами на деньги, лежавшія на столѣ, но она прервала его:

"Я прошу у васъ извиненія за то, что была такой... въ послъдній разъ".

Ну, глупости, стоило ли изъ-за этого просить извиненія, а кромѣ того, можетъ быть, онъ самъ былъ виноватъ въ этомъ. Онъ отвѣтилъ:

"Вѣдь вы знаете, что вы можете относиться ко мнѣ, какъ вамъ угодно. Но впрочемъ за послѣднее время вы были нѣсколько другая... я хотѣлъ сказать"...,

"Да, надъюсь, что это такъ", прервала она его съ улыбкой, И потомъ она прибавила очень серьезно": Право, не знаю, что со мной было, я была такъ раздражена, меня охватила какая-то болъзненная злоба. Поняли вы это"?

"Нѣтъ".

"Да, но такъ это было. Но больше этого со мной никогда не будетъ, Хёйбро. Да это и мучило меня ужасно, и я хотъла попросить у васъ прощенія въ тотъ же вечеръ, но когда я постучала въ вашу дверь, то вы не отвътили мнъ".

"Такъ, значитъ, это все-таки были вы! Да, я, догадывался, что это вы, но я не смълъ отворить вамъ, у меня не хватало духу посмотръть вамъ въ глаза".

"Посмотръть мнъ въ глаза"?

"Да. Въдь случается совершать какой-нибудь поступокъ, изъ

за котораго приходится опускать глаза передъ людьми. Но вамъ этого не понять, нътъ, вамъ этого не понять".

"Нѣтъ, я это прекрасно понимаю. Совершенно вѣрно, случается совершать какой-нибудь тайный проступокъ, изъ-за котораго приходится опускать глаза".

Онъ принялъ ея слова за полувопросъ, за просьбу продолжать; ну, что же дальше? Она хотъла показать, что существуетъ, что понимаетъ и умъетъ прощать. И вотъ онъ началъ разсказывать ей, въ чемъ заключается его проступокъ: это былъ обманъ, подлогъ, ему какъ-то не хватало денегъ, чтобы уплатить пари, которое онъ проигралъ, да, право, — пари на честное слово. И вотъ тогда онъ предъявилъ документъ и получилъ деньги.

Онъ началъ:

"Это произошло, вотъ какъ"..,

Но она прервала его опять:

"Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Не разсказывайте мнѣ ничего! Не будемъ. ничего такого разсказывать другъ другу,—хорошо? Нѣтъ, милый, постараемся быть веселыми въ этотъ вечеръ, а то мнѣ будетъ нехорошо. Я едва-едва"...

Она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы не разрыдаться.

Онъ былъ слишкомъ удивленъ, чтобы продолжать, онъ не произнесъ больше ни слова. На мгновеніе у него промелькнула мысль еще разъ поблагодарить ее за деньги; но въдь она оборвала его въ первый разъ, —можетъ быть, это неделикатно съ его стороны такъ грубо намекать ей на бъдность ея матери, на ростовщика, на велосипедъ. и онъ промолчалъ.

Она стала разспрашивать его о старыхъ портретахъ, которые стояли у него на столѣ, о его родителяхъ, о его единственной сестрѣ, — обо всемъ этомъ ей раньше никогда не приходилосъ говорить съ нимъ. И она искренно обрадовалась, когда онъ по-казалъ ей портретъ своей сестры.

"Вы сегодня такая добрая", сказалъ онъ, "не показать ли

вамъ послъднее письмо изъ дому? Но оно не совсъмъ-то правильно написано".

Она взяла письмо и стала его читать съ непритворной радостью. Какія здравыя и ясныя мысли, какая любовь! Они оба очень смѣялись надъ окончаніемъ: старикъ отецъ, который вообще никогда не шутилъ, наставилъ множество знаковъ препинанія другъ за другомъ и приписалъ: "При семъ прилагается двѣ дюжины знаковъ препинанія, которые ты можешь самъ разставить въ этомъ письмѣ по своему собственному усмотрѣнію". О, это честная душа, наивная и сильная,—это человѣкъ вѣрующій въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Въ то время, какъ Хёйбро складывалъ письмо и пряталъ его, Шарлотта сидъла и смотръла на него, думала и смотръла.

Они заговорили о Фредрикъ. Онъ ръшилъ попытать счастья въ Америкъ и началъ уже продавать свои книги; у него ихъ было довольно много, —повидимому, на билетъ хватитъ. Щарлоттъ очень хотълось бы поъхать съ нимъ, если бы только у нея были деньги для этого. И она сказала съ улыбкой, что все послъ объда молила Бога о деньгахъ на дорогу, —хотя она сознаетъ, насколько недостойна Его помощи.

"Нътъ, вы не должны уъзжать", сказалъ Хёйбро неосторожно. "Вы не должны уъзжать съ Фредрикомъ".

"Но почему же? О, мнѣ этого такъ хочется, здѣсь я надоѣла даже самой себѣ"!

"Но никому другому вы не надоъли. Многіе будутъ сильно тосковать по васъ, если вы уъдете".

"Ну, кто будетъ тосковать по мнъ?

Онъ, больше всъхъ онъ, день и ночь! Но онъ отвътилъ:

"Разъ вы спрашиваете... Эндре Бондесенъ, напримъръ".

Она крикнула "нътъ", сжала кулаки и крикнула "нътъ", вся блъдная отъ волненія, и голосъ у нея былъ ръзкій. И она засмъялась коротко и зло.

"Я не хочу, чтобы онъ тосковалъ по мнъ, я не хочу даже,

чтобы онъ вспоминалъ меня. Нѣтъ!" Потомъ она вдругъ перемѣнила тонъ и сказала: "А впрочемъ, вѣдь мы хотѣли быть веселыми сегодня вечеромъ"?

"Да, будемъ веселыми", отвътилъ онъ.

Однако она сама не могла забыть Эндре Бондесена, она снова заговорила о немъ. Онъ сдълалъ ее несчастной, настолько несчастной, насколько только люди могутъ дълать другъ друга несчастными. Но теперь довольно говорить о немъ, теперь они будутъ веселыми.

"Но вѣдь вы любили его когда то", сказалъ Хёйбро, "и"...

"Я вамъ скажу кое-что, но вы мнѣ, конечно, не повърите, нѣтъ, вы не повърите мнѣ. Но пусть это будетъ моимъ послъднимъ словомъ въ жизни, и я все-таки утверждаю, что я его никогда не любила. Я въ этомъ теперь такъ же твердо увърена, какъ увърена въ томъ, что сижу здѣсь. Дай Богъ, чтобы вы поняли то, что я говорю, но вы, въроятно, не понимаете меня. Я не любила его. Но я была влюблена въ него одинъ вечеръ, и въ этотъ вечеръ я стала... случилось... Но я никогда не любила его, я была только влюблена въ него одинъ вечеръ. И съ того самаго вечера я отлично сознавала, что не люблю его, но я старалась върить, что люблю его, —да, я старалась всъми силами убъдить себя въ томъ, что это такъ. Одному Богу это извъстно".

Хёйбро охватила глубокая, затаенная радость, его лицо покраснѣло, и онъ даже не старался скрыть этого. Да, такъ всегда бываетъ; кому горе, кому радость. Охваченный любопытствомъ и радостнымъ волненіемъ, онъ хотѣлъ продолжать разговоръ, хотѣлъ узнать больше; но она протянуча къ нему руку, прикоснупась своими пальцами къ его волосамъ и сказала съ умоляющимъ взглядомъ:

"Нѣтъ, дорогой, будемъ говорить лучше о чемъ-нибудь другомъ"!

Когда она отвела свою руку отъ его головы, то невольнымъ движеніемъ погладила его по волосамъ. По всему его тълу съ

головы до ногъ пробъжалъ трепетъ, онъ взялъ ея руку, схватилъ ее.

"Но я буду тосковать по васъ, если вы уѣдете", сказалъ онъ у самаго ея уха.

"Да, можетъ быть, вы", сказала она такъ же тихо. "Но знайте, что я этого не стою".

"Вы, не стоите"!

Онъ пододвинулся къ ней ближе, опустился на колѣни передъ ней и взялъ обѣ ея руки. Она не отняла своихъ рукъ и только прошептала съ улыбкой:

"Да, но мы этого не должны дълать... Можетъ кто-нибудь войти".

"Нѣтъ, никого не слышно, никто не войдетъ. Я такъ счастливъ, въ эту минуту, какъ никогда раньше во всю свою жизнь. Посмотрите, я держу ваши руки, знаете ли вы это?

"Да".

Но вдругъ въ передней раздались шаги, кто-то прошелъ мимо дверей въ кухню. Шарлотта вскочила, но потомъ сейчасъ же опять съла. Хёйбро снова взялъ ея руки и сталъ цъловать ихъ, онъ гладилъ эти нъжныя, бълыя руки, которыя онъ такъ часто мысленно цъловалъ,—теперь онъ прильнулъ къ нимъ жадными губами, весь охваченный страстнымъ порывомъ. И онъ говорилъ, шепталъ что-то, выражалъ надежду на то, что все это не сонъ, просилъ, чтобы она позволила ему любить ее. Никто, никто не можетъ себъ представить, какъ его сердце тосковало по ней всю эту зиму.

Она отвътила на это;

"Вы говорите, что счастливы, Хёйбро, но завтра вы этого не скажете больше".

"Завтра и въчно, если вы только позволите! Скажите, позволите ли вы? Это въ вашей власти, только въ вашей! Почему не завтра? Да, именно завтра, непремънно завтра. Потому что завтра я улажу одно непріятное дъло, которое угнетало меня,— и если я увижу васъ завтра вечеромъ, то я буду просить васъ о чемъ то... Буду умолять васъ на колѣняхъ, Шарлотта.

Но вдругъ Шарлотта поднимается, отстраняеть его объими руками:

"Нѣтъ, нѣтъ, не надо больше... Ради Бога! Мнѣ надо уходить. Спасибо, спасибо за сегодняшній вечеръ!... Да, Хёйбро, вы не должны ни о чемъ просить меня на колѣняхъ, хорошо? Боже мой, вѣдь я все равно скажу вамъ "нѣтъ", а потому не дѣлайте этого, слышите! Я отвѣчу вамъ "нѣтъ"... Ну, теперь мнѣ надо уходить".

"Вы отвѣтите мнѣ "нѣтъ"? Но вѣдь я держалъ ваши руки, я цѣловалъ ихъ, и вы все-таки отвѣчаете "нѣтъ". Послушайте, послушайте, вы никогда не согласитесь, никогда? Подайте мнѣ хотя искру надежды, я готовъ ждать долго, испытайте меня, назначьте долгій срокъ... Я могу ждать долго, если у меня будетъ хоть какая-нибудь надежда...".

Въ передней снова раздались шаги, оба молчали въ это время; шаги замерли въ комнатъ, и стало тихо.

Шарлотта хотъла уже отворить дверь; она стояла выпрямившись во весь ростъ, щеки ея пылали, и грудь высоко под-

"Я люблю васъ", сказала она спокойно, "да, я люблю васъ; но я говорю "нѣтъ".

Сни молча посмотрѣли другъ на другъ.

"Вы любите меня! Да? Неужели вы любите меня? Дорогая, но въ такомъ случав не говорите "нвтъ", по крайней мврв, не навсегда. Скажите, скажите, почему вы говорите "нвтъ"?

Она быстро подошла къ нему, взяла его голову въ обѣ свои руки и поцѣловала его въ губы, поцѣловала прямо въ губы. Она всхлипнула одинъ разъ отъ охватившаго ее страстнаго порыва, когда цѣловала его. Потомъ закрыла лицо руками и быстро пошла къ двери.

Но онъ закричалъ ей вслъдъ, не соблюдая больше осторожности, онъ подбъжалъ къ самой двери и воскликнулъ:

"Но, Шарлотта, почему ты такъ уходишь?".

"Потому", отвътила она ему прерывающимся шопотомъ, "по тому что я уже болъе не чистая женщина. Я уже не чистая болъе, нътъ".

И она продолжала закрывать лицо руками, какъ бы стараясь скрыться. Потомъ она сдълала нъсколько шаговъ по передней, открыла дверь въ комнату и исчезла...

Хёйбро затворилъ свою дверь и остановился посреди комнаты. Не чистая? Что это значитъ? Шарлотта не чистая? Она поцъловала его, да, она поцъловала его, онъ чувствовалъ еще ея поцълуй. Но почему она сказала, что она не чистая?

Но, Боже милостивый, неужели Шарлотта не чистая? А если бы и такъ? Она поцъловала его, она любитъ его... Какъ это было?—не сказала ли она ему прямо, что любитъ его? Но она не чистая, сказала она потомъ, но развъ это не все равно, разъ она любитъ его? А кто же чистый? Онъ самъ вовсе не чистый, онъ даже преступникъ, злодъй, и только завтра онъ можетъ выкупить свой вексель.

Онъ смотритъ на деньги, которыя лежатъ на столѣ, большія кредитныя бумажки лежатъ на томъ же мѣстѣ. Да, завтра онъ пойдетъ къ Шарлоттѣ со своей великой просьбой. Она не чистая? Ахъ, она гораздо чище его, чище кого бы то ни было, и онъ будетъ умолять ее на колѣняхъ. И вѣдь она любитъ его, она поцѣловала его!

Это воспоминаніе заполняєть все его существо, его пронизываєть безумный восторгь, и онь продолжаєть стоять посреди комнаты, не двигаясь. На ней было ея утреннее платье, это тонкое платье, сквозь которое обрисовывался корсеть, а рукава у нея были такіе короткіе, что руки были обнажены почти до самаго локтя. И какіе это были очаровательные рукава! Но что, если кто-нибудь другой цъловаль эти руки? Ну такъ что же?

Конечно, кто-нибудь другой цъловалъ ихъ, въдь она сама сказала, что уже больше не чистая, И эти руки навърное обвивались вокругъ другой шеи, -- разъ она не чистая. Нътъ, нътъ, она чистая, онъ любитъ ее!

На столъ спокойно горъла лампа. Изъ подъ колпака распространялся спокойный ровный свътъ, и лампа горъла себъ, словно съ нимъ ровно ничего не произошло. А онъ стоялъ посреди комнаты и думалъ, думалъ.

Онъ опустился въ качалку. Такъ значитъ, эти руки обнимали другихъ, можно ли это совсѣмъ забыть? Они будутъ обнимать его такъ же, какъ обнимали другихъ, эти руки не будутъ принадлежать ему одному; она будетъ сравнивать его объятья съ объятьями другихъ...

Онъ погружается все глубже и глубже въ свои думы. Неужели же она дъйствительно не чистая? Онъ вспомнилъ, что встрѣтилъ ее какъ-то у двери Бондесена, что раза два наталкивался на нихъ обоихъ на лъстницъ и въ уединенныхъ мъстахъ. И это она, на которую онъ молился каждый день и каждый часъ съ тъхъ поръ, какъ въ первый разъ увидалъ ее! Она придетъ къ нему, полная опытности, съ привычкой ко всему, она будетъ нѣжна къ нему, какъ была къ другимъ, она заключитъ его въ свои объятія опытной женщины... И жить всю жизнь и сознавать это! Нътъ, онъ не могъ этого перенести.—нътъ, это невозможно! Лучше наложить на себя руки!

А лампа горитъ себъ да горитъ.

Проходитъ часъ за часомъ. Его то охватываетъ восторгъ при мысли о томъ, что Шарлотта любитъ его, то онъ впадаетъ въ безграничное отчаяніе, Онъ ударилъ себя по головъ. Нътъ это невозможно, -- онъ хорошо зналъ, онъ былъ увъренъ въ томъ, что не перенесетъ этого. Она могла быть воровкой, убійцей, только не это! Лампа догоръпа, а когда она начала мигать, то онъ потушилъ ее. Онъ легъ на кровать, не раздѣваясь, и лежалъ съ широко раскрытыми глазами. Поцълуй Шарлотты еще

горълъ на его губахъ. Да, и она молила Бога о деньгахъ для путешествія! Она была неиспорченной, и онъ любилъ ее безумно; но что изъ этого? Жить всю жизнь и знать это!

Только подъ угро, когда сквозь гардину уже началъ пробиваться свътъ, его отяжелъвшія, какъ свинецъ въки, замкнулись наконецъ, онъ забылся и погрузился въ тяжелый сонъ, отъ котораго очнулся только, когда постучали въ дверь.

Къ нему въ комнату вошелъ Фредрикъ Иленъ.

«Уже десять часовъ", сказалъ онъ: "но вы, можетъ быть, сегодня не пойдете въ банкъ?".

"Уже десять часовъ? Нътъ, я долженъ итти въ банкъ". Хёйбро вскочилъ.

"А я уволенъ изъ «Газеты», вотъ почему я дома".

"Да, я это слышалъ".

"Да, всякое бываетъ. Но я долженъ былъ бы послушаться вашего совъта и держаться подальше отъ этого, но....".

"Да, да. Но....

«Н'втъ, теперь ужъ въ этомъ н'втъ накакого сомн'внія больше».

Пауза.

"А вы уже одъты, вы, въроятно, уже давно встали и захотъли потомъ немножко вздремнуть?" говоритъ Иленъ.

"Да, вы угадали".

"Да, и со мной случается нѣчто подобное... Что я хотълъ сказать? Вёдь вы издали брошюру, и сегодня въ "Газетв" опять есть кое-что относительно этого".

"Вотъ какъ".

Въ то время какъ Хёйбро умывался, Иленъ пошелъ за газетой. Въ сущности это была таже замътка, что и въ прошлый разъ, только она была написана нъсколько ръзче; обвиненіе въ нечистой совъсти было сильно подчеркнуто, оно получило опре-

дѣленную форму, рѣчь шла уже не о слухахъ, —всякій зналъ это. Въ этомъ повтореніи, въ этомъ желаніи не выпустить дѣла изъ вида, но снова и снова поднимать его каждый день въ болъе рѣзкой формѣ, можно было узнать Люнге. Хёйбро внимательно прочелъ замътку и не произнесъ ни одного слова, когда кончилъ.

"Что вы на это скажете, что вы думаете?"

"Разсказываютъ, " отвътилъ Хёйбро, "объ Актеонъ, что онъ однажды во время охоты засталъ Артемиду съ ея нимфами въ купальнъ. Въ наказаніе за этотъ невольный проступокъ Артемида превратила его въ оленя, и его собственныя охотничьи со баки разорвали его въ куски. Такъ и со мной. Я накрылъ Люнге въ его стихіи и написалъ брошюру, и эта то брошюра уничтожаетъ меня черезъ посредство Люнге. Да, да, что тугъ по-

"Да, что тутъ подълаешь!"

Когда Иленъ ушелъ, Хёйбро снова ударилъ себя нъсколько разъ по лбу, продолжая ходить взадъ, впередъ по комнатъ. Каждый разъ, когда онъ подходилъ къ двери, онъ на секунду останавливался и прислушивался къ шагамъ. Но онъ ничего не слышалъ. Можетъ быть Шарлотта еще не вставала, а можетъ быть она уже вышла. Онъ помалъ себъ руки и шопотомъ умопяло ее притти къ нему, а самъ все ходилъ и ходилъ. Итакъ, "Газета" снова принялась за него, она уже нахально пишетъ про его совъсть, словно она знала каждое пятнышко на ней. Вонъ, на столъ пежатъ деньги, стоило ему только сбъгать въ банкъ и черезъ нъсколько минутъ вексель будетъ выкупленъ, все будетъ въ порядкъ, его честь будетъ спасена, и намеки "Газеты" навсегда потеряютъ смыслъ.

Ну, а дальше что? А Шарлотта, это гръшное прелестное дитя! Вдругъ онъ подбъгаетъ къ столу, хватаетъ деньги и быстро складываетъ ихъ. Потомъ онъ беретъ конвертъ, кладетъ въ него бумажки, вкладываетъ также и визитную карточку, на которой онъ написалъ: прощай, спасибо за все, дорогая! И на конвертъ

онъ надписываетъ имя Шарлотты. Всф остальныя свои письма онъ сжигаетъ. Столъ прибранъ, все въ порядкъ; деньги на провздъ Щарлотты въ Америку лежатъ посреди пола, на тем номъ ковръ, чтобы ихъ сейчасъ же замътили.

Онъ быстро оставляетъ комнату и выходитъ на улицу незамъченнымъ. Въ эту минуту онъ бросаетъ взглядъ на второй этажъ и видитъ Шарлотту; она смущенно отходитъ назадъ, онъ снимаетъ шляпу и кланяется ей, его темное мулатское лицо искажаетъ судорога, хотя онъ улыбается. И она отвъчаетъ ему сверху кивкомъ; но видя, что онъ продолжаетъ стоять и смотръть вверхъ, она отодвигаетъ занавъсъ въ сторону и подходитъ вплотную къ окну. Тогда онъ еще разъ кланяется ей.

Полчаса спуста Хёйбро отдался въ руки полиціи.

XVIII.

Уже черезъ двъ недъли "Газета". -- которая, какъ всегда, первая знала всъ новости-сообщала въ теплой сочувственной замъткъ, что Фредрикъ Иленъ, высокоцънимый сотрудникъ "Газеты", уъхалъ въ Америку. Съ нимъ повхала также и его сестра, столь извъстная въ спортсменскихъ кружкахъ фрёкенъ Шарлотта Иленъ. Желаемъ имъ успъха въ новой странъ! По слухамъ, господинъ Иленъ велъ переговоры относительно профессорской канедры при одномъ изъ американскихъ университетовъ, и "Газета" поздравляла Америку съ удачнымъ выборомъ.

Вотъ какимъ образомъ Люнге проявлялъ свою доброжелательность по отношенію къ Илену до самаго конца. Онъ самъ смъялся надъ этими слухами о профессорской качедръ, которые онъ самъ изобрълъ, придумалъ тутъ же въ то время, какъ писалъ замѣтку. Онъ придалъ своей насмѣшкѣ очень невинную форму, онъ лишилъ ее всякаго яда, и только самъ, сидя наединъ, хихикалъ про себя. Его натура шаловливаго уличнаго мальчишки постоянно проявлялась въ немъ и сокращала ему не одинъ скучный часъ.

Впрочемъ, онъ вовсе не отказался отъ серьезныхъ дълъ, выборы въ стортингъ были въ разгаръ, въ теченіе нъсколькихъ недъль Люнге велъ наступление своими передовыми статьями. Онъ проявилъ крайнюю лѣвую точку зрѣнія съ такой беззастънчивостью, что даже отодвинулъ на задній планъ "Норвежца". Въ этомъ отношеніи ему большую услугу оказалъ Эндре Бондесенъ: молодой радикалъ, который дебютировалъ въ качествъ поэта, приносилъ время отъ времени весьма цънныя статьи о выборахъ, въ которыхъ было много искренняго чувства и силы. Люнге былъ ему очень благодаренъ за эту поддержку, его собственное перо уже не было такимъ бойкимъ, какъ раньше, — и оно нуждалось въ помощи. Его прежняя изворотливость исчезла его удары все болъе и болъе походили на удары "Норвежца"--они никого уже больше не сбивали съ ногъ. Но почему же это происходило? Развъ у него не было болъе непоколебимаго убъжденія въ правотъ своего дъла? И развъ онъ предавался лъности? Отнюдь нътъ. Напротивъ. Люнге работалъ усерднъе, чъмъ когда-либо. Въ самый разгаръ упадка своего таланта онъ работалъ такъ усидчиво, словно онъ во всю свою жизнь былъ проникнутъ сознаніемъ, что въ этихъ выборахъ побіздятъ, именно лѣвые. Пусть никто не попрекаетъ его въ недостаткѣ вѣры въ свое дъло и въ недостаткъ доброй воли отстаивать это дъло: каждый день въ "Газетъ появлялись статьи о выборахъ. Одинъ только заводчикъ Биркеландъ проявлялъ все ту же мрачную подозрительность и говорилъ: Если Люнге будетъ писать въ теченіе десяти пѣтъ, какъ самый убѣжденный пѣвый, не отступая, то и тогда я не буду увъренъ въ томъ, что онъ не дълаетъ этого съ какой-нибудь задней мыслью".

Но Биркеландъ, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ былъ не изъ свѣтлыхъ головъ въ странѣ,—онъ былъ до смѣшного тупъ. Какъ часто ему приходилось разѣвать ротъ, и во всѣ

глаза смотръть на Люнге, когда этотъ замъчательный редакторъ проходилъ черезъ затрудненія, ловко приплясывая на ципочкахъ, и продълывая самые забавные фокусы съ каждымъ вопросомъ. Биркеландъ конечно не могъ слъдовать за нимъ, его голова была не изъ свътлыхъ, и онъ повторялъ только эту неудачную фразу о десяти годахъ, на что, впрочемъ, люди все меньше и меньше обращали вниманіе.

Люнге доказаль на дълъ, что его политическія колебанія не имъли серьезнаго значенія; когда являлась необходимость, то онъ проявляль себя такимъ же норвежскимъ либераломъ, какъ и всякій другой. Правда, иногда онъ проявляль нѣкоторый норовь, но онъ самъ сознавалъ, что не долженъ былъ бы дѣлать этого, и часто, оставаясь наединѣ съ самимъ собою, онъ горько раскаявался въ своихъ опрометчивыхъ поступкахъ, особенно послѣ того, какъ оказывалось, что поступки эти были неудачны. Что если бы эти поступки окончательно сбили его съ ногъ? А Люнге хотълъ оставаться на своемъ мѣстъ, онъ чувствовалъ въ себъ неизсякаемый источникъ силъ и былъ способенъ совершить гораздо болъе, чъмъ кто-нибудь это могъ предполагать.

Развѣ его чутье не торжествовало еще и еще разъ въ дѣлѣ Хёйбро? У Люнге было внутреннее безотчетное чувство, которое говорило ему, что Хёйбро представляетъ собою такую личность въ обществѣ, которая созрѣла для разоблаченій. И достаточно ему было сдѣлать два три укола наугадъ, чтобы Хёйбро самъ сдался.

Ко всему этому надо прибавить, что онъ изумилъ страну полнымъ спискомъ новыхъ чиновниковъ въ департаментъ юстиціи за нъсколько дней до оффиціальнаго опубликованія. Этотъ фокусъ произвелъ большую сенсацію, и всъ увидъли, что хотя Люнге и можно было упрекнуть и въ томъ и въ другомъ, но все-таки онъ былъ единственнымъ въ своемъ родъ. И Люнге самодовольно потиралъ руки, празднуя новую побъду,—эти удачи увлекали его,

и въ его воображеніи возникали новые планы, новыя неожиданности. И его-то хоття сбить съ ногъ? Никогда! Никогда!

"Войдите!"

Пришелъ посыльный изъ главной квартиры лѣвыхъ, письмо, просятъ отвѣтить.

Люнге читаетъ письмо и отвъчаетъ сейчасъ же. Союзъ лъвыхъ хочетъ издать нъкоторыя изъ его избирательныхъ статей отдъльнымъ оттискомъ и разсъять ихъ въ десяти тысячахъ экземпляровъ по всей странъ. Пожалуйста! Конечно, онъ съ радостью далъ разръшеніе на это. Статьи были къ услугамъ лъвыхъ даромъ, безъ всякаго вознагражденія,—на пользу отечества! Онъ далъ посыльному крону, это былъ молодой посыльный, мальчикъ съ голубыми глазами, который, въроятно, никогда раньше не видалъ редактора Люнге, возсъдающимъ въ своемъ креслъ.

"Вотъ: возьми! Купи себъкнижку съ картинками".

И тронутый благодарностью мальчика, Люнге вскакиваетъ и отыскиваетъ среди грудъ бумагъ нѣсколько иллюстрированныхъ газетъ и журналовъ и тоже отдаетъ ихъ ему. Это письмо отъ лѣвыхъ имѣло для него большое значеніе именно теперь, и потому оно очень обрадовало его. Его энергичная избирательная работа была оцѣнена, на нее обратили вниманіе, союзъ лѣвыхъ никогда не издалъ бы статей "Газеты", если бы онѣ этого не были достойны. А теперь онъ напишетъ еще одну статью исключительно для этого отдѣльнаго оттиска, онъ сдѣлаетъ это сегодня же, а матеріалъ былъ у него уже готовъ. Онъ заключался въ одной рѣчи, произнесенной въ шведскомъ риксдагѣ.

Въ эту минуту въ дверь просовываетъ голову Лепорелло.

Ну, конечно, когда у него какое-нибудь спѣшное дѣло, то всегда появляется Лепорелло. Теперь Люнге уже не нуждался больше въ своемъ Лепорелло такъ, какъ прежде, ему не надо было такъ часто прибѣгать къ его помощи; къ тому же у него явилось подозрѣніе, что Лепорелло проболтался и далъ Хёйбро

нѣкоторыя интимныя свѣдѣнія. Одна только мысль объ этомъ возмущала Люнге; развѣ онъ заслужилъ чѣмъ-нибудь такое вѣроломство? Ему пришлось какъ-то встрѣтиться съ одной женщиной на улицѣ и его первой мыслью было поручить Лепорелло навести справки объ этой женщинѣ; но къ счастью онъ сейчасъ же одумался и успѣлъ произнести только нѣсколько неопредѣленныхъ словъ. Онъ и не думалъ давать никакихъ порученій Лепорелло. Вѣдь онъ не легкомысленный юноша, его добрые сорокъ лѣтъ дѣло не шуточное; да и жаръ его остывалъ, и всѣ остатки его онъ посвящалъ на служеніе своей газетѣ. Да, за послѣднее время онъ дѣйствительно больше сидѣлъ дома по вечерамъ, просматривалъ рукописи, дѣлалъ на нихъ замѣтки, подчеркивалъ слова и вообще трудился, какъ муравей. А утромъ онъ могъ любоваться на прекрасные результаты своей работы.

"Даму, о которой вы недавно говорили, зовутъ мадамъ Ольсенъ", говоритъ Лепорелло.

Люнге отрываетъ взглядъ отъ работы и поднимаетъ голову.

"Хорошо, милый мой, пусть ее зовуть мадамъ Ольсенъ, сколько ей угодно," отвъчаетъ онъ. "Я ужъ не до такой степени любопытенъ. Мнъ просто только пришло въ голову спросить васъ, не знаете ли вы ее".

Но Лепорелло, который хорошо знаетъ своего редактора, и знаетъ, какъ надо доставлять ему свъдънія окольнымъ путемъ, отвъчаетъ быстро:

"Конечно, конечно. Но развъ это не смъшно: ея мужъ имъетъ мелочную лавку въ Фьердингенъ, и его торговлю главнымъ образомъ поддерживаютъ всъ распутныя дъвки въ этомъ кварталъ, и знаете, какъ его прозвали? Эти уличныя дъвки прозвали его Фьердингскимъ княземъ. Ха, ха, ха!"

Люнге улыбнулся нѣсколько принужденно; ему болѣе, чѣмъ когда-нибудь, хотѣлось отдѣлаться отъ Лепорелло. Но Лепорелло былъ противъ обыкновенія очень разговорчивъ и спросилъ:

"Что это за новый человъкъ сидитъ тамъ у васъ въ редакціи"?

Это былъ новый поэтъ, геній съ Торденскіольдсгаде. Люнге взялъ его къ себъ и помогъ ему стать на ноги; онъ былъ очень заинтересованъ въ томъ, чтобы выдвинуть этотъ талантъ, и почти всъмъ, кто приходилъ къ нему въ редакцію, онъ говорилъ, когда отъ него уходили: "Посмотрите на него хорошенько, когда будете проходить мимо. Это новый норвежскій поэтъ, безусловно"! И онъ отвътилъ Лепорелло, какъ и всъмъ другимъ:

"Это новый поэтъ. Посмотрите на него хорошенько, когда будете проходить мимо". И въ то же время онъ указалъ головой на дверь.

Но Лепорелло не обратилъ вниманія на этотъ намекъ и не ушелъ. По старой привычкѣ онъ хотѣлъ сообщить Люнге о томъ, что слышно на улицѣ и въ кафе. Городъ снова говорилъ о "Газетѣ", она снова пріобрѣтала популярность, — избирательныя статьи, статьи о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, телеграммы объ убійствѣ въ Раккестадѣ и извѣстіе о гибели парусной лодки въ Тведестрандѣ, — все было превосходно. Это было нѣчто такое, что могло интересовать всѣхъ. Благородное предложеніе газеты о назначеніи женщинъ въ государственные ревизоры вызвало настоящее ликованіе въ лагерѣ "Улья": наконецъ-то прекратятся всѣ толки относительно того, что женщины не могугъ занимать тѣхъ должностей, которыя занимаютъ мужчины, — вѣдь такой вліятельный органъ, какъ "Газета", выступилъ съ предложеніемъ выбирать женщинъ въ государственные ревизоры.

Люнге оживился, слыша эти сообщенія, онъ весь проникся чувствомъ удовлетворенія и самодовольства. А такъ какъ онъ понялъ, что едва ли Лепорелло уйдетъ, прежде чѣмъ получитъ одну или двѣ кроны на обѣдъ, то онъ протянулъ ему съ снисходительной улыбкой голубую кредитную бумажку и кивнулъ головой.

Даже послѣ того, какъ Лепорелло ушелъ, прекрасное настрое-

ніе духа не покидало Люнге, онъ долго еще сидѣлъ въ своемъ креслѣ, откинувшись на спинку и устремивъ глаза на маленькую полку со словарями. Да, "Газета" неслась по вѣтру, подписчики возвращались обратно. И почему бы людямъ быть глупыми? Всѣ, кто умѣли читать, должны были убѣдиться въ томъ, что его газета была собственно единственной газетой въ странѣ. Она уже не была больше такой раскаленной до бѣла, какъ раньше, но это было лишь новое достоинство, ее могли читать въ каждомъ домѣ, могла читать каждая молодая дѣвушка. Люнге снова заговорилъ объ улучшеніи тона въ прессѣ, и дѣлалъ онъ это во имя воспитанности. Зачѣмъ ругать своихъ противниковъ? Онъ возстаетъ противъ этого всѣми силами своей души, и онъ будетъ дѣлать все, чтобы повысить уровень прессы, какъ онъ это, впрочемъ, дѣлалъ и до сихъ поръ.

Въ то же время онъ въ продолжение всей весны развивалъ въ своей газетъ одну идею за другой. Не успълъ стаять снъгъ, какъ онъ снова началъ писать статьи о спортв, и даже объявилъ объ изданіи новой спортивной газеты, которая будетъ выходить даже зимой, когда наступаетъ чередъ лыжъ и коньковъ. Во всёхъ областяхъ онъ пріобрёлъ себё прочное положеніе, отвоевалъ себъ одинъ пунктъ за другимъ, и онъ снова сталъ на стражъ всъхъ интересовъ города. Предложение его относительно того, чтобы женщинъ принимали на службу въ качествъ государственныхъ ревизоровъ было дъйствительно удачной выдумкой съ его стороны, а за этой выдумкой слѣдовали другія не менѣе удачныя. Ему пришла въ голову мысль ввести налогъ на палки. Каждый мужчина, который не принужденъ вслъдствіе бользни употреблять палку, долженъ платить опредъленную сумму денегъ за право пользоваться палкой. Затъмъ онъ предлагалъ устроить на каждомъ пассажирскомъ пароходъ, который ходитъ вдоль берега и по фьордамъ, томболу. Въ сезонъ путешествій для многихъ туристовъ это было бы пріятнымъ препровожденіемъ времени, а доходы съ томболы могли бы итти въ пользу "Союза

туристовъ", для котораго это было бы въ то же время рекламой. Онъ обратилъ также вниманіе на изображенія на норвежскихъ игральныхъ картахъ: ну, развъ прилично было выкладывать на карточный столь такія карты? Не лучше ли было бы отпечатать карты съ портретами знаменитыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, портретами величайшихъ художниковъ, политическихъ дъятелей и писателей? Однимъ словомъ, это были бы національныя игральныя карты, совершенно оригинальныя, патріотическія карты съ извъстными и дорогими сердцу лицами. "Газета" съ удовольствіемъ открыла бы избирательную кампанію, въ которой могла бы принимать участіе вся страна: тъ, кто получитъ наибольшее число голосовъ, будутъ избраны соотвътственно королями, королевами и валетами. Неделю спустя Люнге требовалъ более строгихъ законовъ относительно покровительства животнымъ. Лътомъ, когда горожане уъзжаютъ въ деревню, они оставляютъ своихъ кошекъ въ городъ, выгоняютъ ихъ на улицу, запираютъ передъ ними двери и заставляютъ ихъ голодать, - это прямо ужасно! Неужели это нельзя прекратить?

Кажется, не было такой узкой щели, въ которую не пробрался бы Люнге и не вытащилъ бы оттуда какой-нибудь интересной идеи. Если ко всему этому еще прибавить всѣхъ художниковъ и всѣхъ остроумныхъ болтуновъ, которые писали въ "Газетѣ" на своемъ собственномъ жаргонѣ, то не было ничего удивительнаго въ томъ, что газету Люнге читали вездѣ съ удовольствіемъ.

"Войдите!"

Вощелъ Эндре Бондесенъ, онъ принесъ рукопись, въ то же время онъ хотълъ обратить вниманіе господина редактора на одну ошибку: уъхала вмъстъ со своимъ братомъ въ Америку Не Шарлотта Иленъ, а ея сестра Софи.

"Вы въ этомъ увърены?" спросилъ Люнге.

"Вполнъ. Я видълъ сегодня Шарлотту на улицъ. Кромъ того, я слышалъ, что сначала дъйствительно предполагалось, что

увдетъ Шарлотта, но потомъ изъ некоторыхъ соображеній она осталась".

"Изъ какихъ соображеній?

"Право, не знаю. Говорять, что ея ръшеніе находится въ нъкоторой связи съ Хёйбро. Лео Хёйбро. А впрочемъ, не знаю".

Люнге задумался. Онъ не любилъ помѣщать опроверженія, вообщее онъ старался опровергать какъ можно меньше, это былъ его принципъ. Разъ это было напечатано въ "Газетъ", то кончено. Но когда Бондесенъ ушелъ, то Люнге вышелъ изъ затрудненія очень просто, онъ написалъ новую замѣтку: "Фрёкенъ Шарлотта Иленъ, которая, какъ сообщалось раньше, поѣхала провожать брата и сестру, уѣзжавшихъ въ Америку, уже вернулась обратно".

Только что онъ хотълъ начать свою избирательную статью, какъ его снова прервали,—чиновникъ Конгсвольдъ просовываетъ въ дверь свое худое, измученное лицо.

Люнге смотрить на него съ накоторымъ удивленіемъ.

Конгсвольдъ здоровается. Онъ всегда бывалъ очень сдержанъ, почти самоувъренъ. Но теперь онъ улыбнулся какъ-то униженно, протянулъ Люнге руку и вообще велъ себя заискивающимъ образомъ. А между тъмъ все дъло заключалось въ томъ, что его начальникъ какимъ-то образомъ узналъ о его участіи въ опубликованіи знаменитыхъ назначеній, и намекнулъ ему довольно ясно на то, чтобы онъ уходилъ изъ департамента.

Люнге выслушалъ это совершенно частное дѣло съ большимъ терпѣніемъ.

"Какимъ образомъ, чортъ возьми, пронюхали, что именно ты давалъ мнъ свъдънія?" говоритъ онъ. Отъ насъ этого никто не могъ узнать".

"Да, я и самъ этого не понимаю," отвѣчаетъ Конгсвольдъ. Онъ сидитъ, понуривъ голову, совершенно уничтоженный, и еще разъ повторяетъ, что не понимаетъ.

"Ты, конечно, самъ какъ-нибудь проговорился и вообще былъ неостороженъ. А это даромъ не проходитъ".

Онъ—неостороженъ! Нътъ, нътъ, онъ не позволилъ себъ никакой неосторожности. Но фактъ тотъ, что именно онъ одинъ имълъ назначенія въ своихъ рукахъ и ему было поручено запечатать ихъ и отправить.

М-да, это скверная исторія.

Да.

Но, можетъ быть, дъло обстоить ужъ не такъ плохо?

Нътъ, Конгсвольдъ хорошо знаетъ, что его ожидаетъ: ему сдълали слишкомъ ясный намекъ на то, чтобы онъ подыскивалъ себъ другое мъсто.

Люнге оборачивается къ своему столу. Къ сожалѣнію, онъ въ этомъ случаѣ ничѣмъ не могъ помочь.

"Это очень досадно", говорить онъ.

Пауза.

"Да право не знаю, что намъ дълать теперь", говоритъ Конгсвольдъ тихо и осторожно, какъ бы ощупью.

На это Люнге ничего не отвъчаетъ.

"Не знаю, какъ быть. Я хотълъ спросить тебя."

"О чемъ?"

"Да относительно того, что намъ теперь дѣлать, что мнѣ предпринять".

"Н-ну, ты конечно самърѣшишь, какъ тебѣ лучше поступить въ данномъ случаѣ. Въ такихъ дѣлахъ трудно давать совѣты".

Послѣ этихъ словъ Конгсвольдъ еще больше понурилъ голову, онъ безпомощно смотрѣлъ на полъ.

"Если мнѣ придется искать себѣ какое-нибудь другое мѣсто, то я едва-ли найду себѣ что-нибудь, говоритъ онъ. "Не думаю, чтобы государственный совѣтникъ далъ мнѣ какую-нибудь рекомендацію".

"Да, наврядъ-ли ты можешь разсчитывать найти себъ какоенибудь мъсто". "Но ты, надъюсь, поможешь мнъ въ этомъ случаъ?"

"Конечно, насколько я могу; но... Ты самъ знаешь, что то правительство, которое мы теперь имъемъ, даже не читаетъ моей газеты, такъ что моя помощь едва ли принесетъ какую-нибудь пользу."

"Да, но во всякомъ случаъ сдълай то, что можешь."

"Нѣтъ, если говорить правду, то я думаю, что моя помощь была бы для тебя медвѣжьей услугой", отвѣчаетъ Люнге. "Вѣдь для всѣхъ станетъ ясно, если я только вздумаю поддерживать тебя, что мы дѣйствовали съ тобой сообща. Неужели ты этого не понимаешь?"

Конгсвольдъ сразу понимаетъ также и это. Ему приходится только согласиться съ Люнге. Онъ сидитъ еще нѣсколько минутъ, не произнося ни слова. Но вдругъ въ душѣ его загорается яркая искра: онъ пойдетъ къ своему начальнику и разскажетъ ему все, онъ попроситъ простить его только на этотъ разъ и дастъ объщаніе никогда больше не злоупотреблять своимъ положеніемъ; кто знаетъ, можетъ быть его начальникъ не останется глухъ къ его просьбѣ?

Онъ тихо всталъ и попрощался,

"Прощай" отвътилъ Люнге. И онъ снова обернулся къ своему столу и началъ писать статью о выборахъ. Необходимо было дополнить оттиски, этотъ рядъ замъчательныхъ статей, которыя доставятъ побъду лъвымъ среди норвежскихъ избирателей. Приходилось исполнять свой долгъ и бороться за свое дъло, а Биркеландъ могъ злословить, сколько ему угодно, о десяти годахъ и о задней мысли.